ISSN 0131—0097

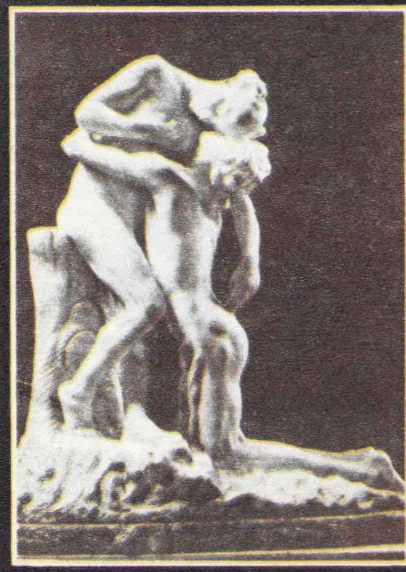
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 26 ИЮНЬ 1989

ВЕСТОЧКА ИЗ ПРОШЛОГО

МУЗА АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО

ИСКУССТВО БЕЗ ПРИКРАС

ЖЕРТВЫ ВО ИМЯ ПОРЯДКА

ПЕДАГОГ ШАЛВА АМОНАШВИЛИ:

«ЧТО ПОСЕЕМ?»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 26 (3231)

24 ИЮНЯ — 1 ИЮЛЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Шалва Александрович Амонашвили — педагог из Грузии и Маша Мальцева из Минска. Они познакомились в Москве (см. материал «Педагогика правды»).
Фото Павла КРИВЦОВА

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Сдано в набор 05.06.89. Подписано к печати 20.06.89. А 08867. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 350 000 экз. Заказ № 647. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Секретариат — 250-46-98; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный) (095) 943-00-70
Телетайп (внутрисоюзный) 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

МЕЛОДИЯ БЕЗ ТРУБ И БАРАБАНОВ

ВЗГЛЯД ЗА БАМОВСКУЮ КОЛЕЮ

Классический вопрос «Быть или не быть?» почти год висел дамокловым мечом над самой молодой железнодорожной магистралью — Байкало-Амурской. БАМ! Вряд ли в стране найдутся люди, не слыхавшие этого слова. На протяжении целого десятилетия в адрес «стройки века» сыпались дифирамбы. Литавры ударили весной семьдесят четвертого в Алма-Ате, и через десять лет барабаны гремели уже в Куанде — маленьком разъезде, где стыковались рельсы стального пути, связывающего берега Амура и Байкала.

Осенью того же года бравурные марши звучали и в Тынде, где встречались поезда, прошедшие по всей, правда, еще сырой, не способной к нормальному транспортному ритму дороге. Тындинские марши для многих стали последними; получив награды, со стройкой распрощались те, кто заключал договора и чувствовал себя человеком временным. Оставшиеся же как ни доказывали, что сделана всего лишь половина, что надо продолжать работы, но услышаны не были. И о БАМе стали потихоньку забывать.

Владимир КУЗНЕЦОВ,
собственный корреспондент «Огонька»

Фото Геннадия КОПОСОВА

УВЕРТЮРА К МАЛЕНЬКИМ ТРАГЕДИЯМ

В печати появились статьи, ставящие под сомнение необходимость подобной дороги — «самого длинного памятника застою». Разразилось громом предлагаемое Министерством путей сообщения решение — разделить Байкало-Амурскую железную дорогу на три части и включить ее в состав отделений трех существующих дорог Транссиба. Довод прост: бамовская дорога приносит двухсотмиллионный убыток ежегодно. Да родись эта мысль в МПС хотя бы лет пяток назад, когда келейные обсуждения порождали такие же келейные решения, вряд ли слово «БАМ» произносилось бы в настоящем времени. Известны ведь примеры опрометчивых решений, приносящих отрицательные результаты. Самое первое и грустное в бамовской истории то, что строительство магистрали начиналось без утвержденного технического проекта и даже без полного технико-экономического обоснования. Спрашивается, где рождалось это решение? Уж не в тех ли кабинетах МПС, которое является заказчиком, откуда еще вчера звучали панегирики, а назавтра готовилась панихида?

Сегодня можно говорить, что стройка начиналась не с экономического расчета, а с политического лозунга, брошенного тогдашним лидером. Лозунг был, но были и люди, поддерживающие его бравыми выступлениями с газетно-журнальных страниц. Не только были, они есть, живы и здоровы, конкретные люди. Лацканы их костюмов украшают государственные награды, а вот совесть их партийная, профессиональная гордость почему-то помалкивает в покойном уюте московских квартир. И не болит душа у вчерашних ответственных товарищей за тех, кто по сей день мается в бамовских «шанхаях» да «нахаловках». Не волнует, наверное, вчерашних руководителей бамовских управлений и то, что построенное ими якобы на десятилетия сегодня потихоньку рушится.

Когда видишь развалившиеся здания, думаешь: уж не самой ли матушки природы здесь дело? Скольких усилий, физических и материальных, стоили ошибки и просчеты тех, кто ставил свои подписи на проектной документации хотя бы того же Северо-Муйского тоннеля! Говорилось об этом, писалось... Время, мол, такое было — оно и виновато. А на какое время списывать попытку эмпээсовских стратегов, пытавшихся якобы ради спасения казны уничтожить БАМ? Не могу поверить, что не ведали министерские экономисты концовки предлагаемой затеи. Конечно же, знали, чем грозит передача бамовского отделения Восточно-Сибирской дороге, понимали: если Забайкальская примет Тындинское отделение, тут же потребует дотацию в сто миллионов рублей. Иначе дороге не прожить, своих «дыр» видимо-невидимо.

А Дальневосточная, получив министерское «приданое», сразу поднимет эксплуатационные расходы почти на семьдесят миллионов рублей. Знали о такой экономике железнодорожники, однако гнули свою линию, не спрашивая мнения бамовцев. Слава богу, разум восторжествовал. Хотя богом в этой ситуации стал народ — тот самый, что живет далеко от Москвы в Прибамье и мыслит с заглядом в завтрашний день. Народ-то и нашел правильный ответ на классический вопрос, коснувшийся БАМа.

СОЛЬНЫЕ ПАРТИИ В МИНОРЕ

Не утаилось шило в министерском мешке, страсти закипели в столице БАМа — Тынде. Народное движение против дробления магистрали породило общественный центр по защите государственных интересов в регионе. Заметьте, не каких-то местечковых, ради личных выгод, а государственных интересов. Обращение инициативной группы разослали по всей дороге, телеграфировали в центральные печатные органы. В МПС оно вызвало испуг: дело-то наше, ведомственное, сами и разберемся. Но люди, столько выстрадавшие вместе с магистралью, не пожелали, чтобы с их судьбами разбирались чиновники, живущие за тысячи километров. Побывав на заседании инициативной группы, я понял: ради завтрашнего дня Прибамья подняли они свои голоса в защиту магистрали.

Вот что говорит А. Шингарев — руко-

Окончание на стр. 31.

ПИСЬМА И ТЕЛЕГРАММЫ О СЪЕЗДЕ ●
ПРАВДА О ШТРАФНЫХ БАТАЛЬОНАХ ●
...ЧТОБЫ НЕ ПЕРЕЖИТЬ СВОИХ ДЕТЕЙ ●

■

Вдумаемся: лишь 431 депутат выступил за поименное голосование. Остальные же предпочли голосовать анонимно. Вот вам и расклад сил на Съезде! За все время Съезда ни одного поименного голосования. Даже и в тех случаях, когда прямо определялась политическая позиция депутата. Большинство же свою позицию афишировать отнюдь не стремилось. Сказать «да» или «нет» в общем хоре куда как удобнее: кто же услышит твою фальшь, если весь хор фальшивит? Тут уж вроде бы и вина не твоя, и заинтересованных лиц не обидишь.

Счетчики-депутаты ходили по рядам, демонстрируя всему миру уровень нашей «электронной техники». Считали и пересчитывали, будто кто-то специально затягивал драгоценное время. Вспомните, к примеру, как исправно действуют электронные счетчики на конкурсе красоток или на «Музыкальном ринге»! Цифирьки так и скачут...

Неужто те, кто готовил Съезд, не предполагали, что на нем предстоит голосование? Или рассчитывали, что по опыту прошлых десятилетий оно будет покорно-единогласным? Нет, думается мне, тут определенно была цель: обезопасить народных депутатов от народного контроля.

Конечно, и при таком ходе дела оставался некоторый риск: а ну как в момент голосования попадешь крупным планом на экран телевизора! И узнают избиратели, что на предвыборных собраниях ты обещал одно, а на деле выступал за другое, совсем противоположное. Впрочем, чему удивляться, если М. С. Горбачев сообщил, что среди участников Съезда есть противники прямой трансляции! К сожалению, и тут анонимы — мы так и не узнали их имен. Но можно с уверенностью сказать, что они из того же большинства, которое еще не раз скажет свое торжествующее «нет», когда речь пойдет о радикальных переменах, столь необходимых народу. За этим «нет» будут по-прежнему стоять личные интересы, которые, увы, далеко не у всех совпадают с интересами общественными.

А. ПУТКО,
член СП СССР

■

За пару дней до Съезда удивил добровольный уход с высокого поста министра Б. Н. Ельцина — народного депутата СССР. Подумалось: неужели ему твердо обещали высокий выборный пост в Верховном Совете СССР, что смахивает на обещание «теплого» местечка в добрые, старые времена? Теперь о Съезде. Хорошо чувствовался напор, агрессия «демократичного» меньшинства, назвавшегося московской группой (не считаю название верным). И, как правило, сторонники этой группы шельмовали своих коллег, навешивали на них ярлыки, выдвигали ультиматумы, старались расколоть Съезд, породить ненависть к ЦК КПСС, правительству, армии, явно преследуя корыстные цели. Больно было за таких депутатов перед страной и всем миром. Даже дельные предложения некоторых из них не воспринимались с полным доверием благодаря такому непорядочному поведению.

Но я верю в победу демократичности, гласности на Съезде народных депутатов СССР, и не только потому, что большинство депутатов было названо «агрессивно-послушными», а Верховный Совет — «сталинско-брежневским» вышеуказанными депутатами, но и исходя из здравомыслия большинства.

Съезд народных депутатов СССР показал, как нам, избирателям, нужно быть бдительными, чтоб не принять демагогов за достойных людей и не избрать их не только в высший орган государственной власти, но и в республиканские и местные Советы, чтоб не загубить перестройку.

В. ДОБРОВОЛЬСКАЯ
Севастополь

■

Не кажется ли, что выборы в Совет Национальностей и в Верховный Совет СССР еще раз подтверждают правильность знаменитого изречения «не высовывайся»? Кто на этих выборах собрал наибольшее количество голосов «против»? Те, кто этого мудрого изречения не придерживается. Вот посудите. Сейчас мы с мамой своими слабыми силами огораживаем газон возле нашего дома. Если бы было создано всесоюзное общество самодеятельных строителей заборов и я как активный член этого общества была бы избрана народным депутатом, а потом на Съезде была бы выдвинута в Верховный Совет, то собрала бы наверняка абсолютное большинство голосов «за», так как никто не знал бы, кто я такая и как я на этот Съезд попала. Но уверена, что большой бы пользы это Верховному Совету не принесло. Поэтому то, что депутаты провалили таких кандидатов, как Ю. Черниченко, Г. Попов и др., не пойдет на пользу Верховному Совету.

Сейчас в стране сложилась ситуация, очень меня удивляющая. На многих людей слово «москвич» действует как красная тряпка на быка. Более того. Существует определенная категория людей, для которых достаточно заподозрить в человеке москвича, чтобы наброситься на него с кулаками. Ненависть к москвичам, по-моему, кем-то искусно раздувается. По стране ходят слухи, что у москвичей есть закрытые кормушки, свои магазины, куда простых смертных не пускают. До сих пор я думала, что такой непонятной ненависти подвержены люди малограмотные, и была поражена, когда на Съезде увидела такие же настроения. Ах, он москвич? Ату его, ату! Я еще могу понять, чем вызвана неприязнь у определенной части депутатов к Попову, Крайко, Заславскому и т. д. Но чем не угодили избирателям А. Лиханов и В. Дикуль? Тем, что они москвичи? Или, может быть, против них голосовали работники министерств, отвечающих за жизнь сирот и инвалидов?

И, наконец, Б. Н. Ельцин. Тут и говорить не о чем. Миллионы москвичей выходили на митинги в поддержку своего кандидата. Миллионы советских людей с тревогой и надеждой следили за этой борьбой москвичей с аппаратом, и вдруг на Съезде человек, который получил бы подавляющее большинство голосов, баллотируйся он в любом из десятков городов, выдвигавших его кандидатуру, поначалу не проходит при выборах в Совет Национальностей. Разве это не говорит о том, что аппарат своих позиций не сдает?

Л. ДУГА
Москва

■

Поскольку выступление О. Сулейменова на Съезде народных депутатов по поводу «лодки и гребцов», «загребания левых» является, по-моему, одним из наиболее опасных на сегодня заблуждений, но вместе с тем весьма привлекательным, я хочу возразить ему.

Первое. Неверна изначально сама посылка — ведь «левые» еще не взялись за весло, они только прикоснулись к нему, а уже крик: «Не замай!» Последние 60 лет гребут (и резво!) одни «правые» — то-то лодка кружит на одном месте, уже образовала воронку, в которую может и утянуть.

Второе. Броское сравнение государства с лодкой на данный момент догматично: реальность такова, что сейчас нужен мощный и дружный гребок «слева», и тогда лодка рванется вперед. Вот когда и слева и справа будут дружно грести, то есть мы будем двигаться вперед компромиссами, вот тогда предупреждение и тем и другим будет справедливо и своевременно — «не загребай!»

В. НИКИТИН,
учитель, 31 год
с. Спасская Губа Карельской АССР

■

Есть еще вопрос, пока не попавший в круг обсуждения. Известно, что депутаты Верховного Совета СССР до сих пор получали за отправление депутатских обязанностей по 100 рублей в месяц. Работа депутатов в Верховном Совете ныне претерпевает качественные изменения. А оплата их деятельности будет осуществляться в соответствии со ст. 104 Конституции СССР редакции 1977 года, в которой, кстати, не указано, из каких средств производится эта оплата (госбюджет, предприятие, колхоз...). Что касается депутатов от национальных и территориальных избирательных округов, то, на мой взгляд, весьма логично оплачивать их работу из средств госбюджета, то есть из нашего общего кармана. Иное дело — депутаты от общественных организаций. К примеру, с какой стати я должен оплачивать, скажем, депутата-филателиста? Нет, я с уважением отношусь к его увлечению, но, как говорится, мне бы его заботы. Короче, я считаю и думаю, что я не одинок в своем убеждении, что деятельность депутатов от общественных организаций должны оплачивать сами организации из своих средств и они же пусть и определяют размеры этой оплаты.

Теперь вернемся к оплате наших общих народных депутатов. По упомянутой выше ст. 104 Конституции их оплата исчисляется исходя из среднего заработка по месту постоянной работы. И это было приемлемо, когда депутат тратил на государственные дела несколько дней в году. Сейчас же в случае избрания депутата в Верховный Совет СССР положение резко меняется. Если оставить все как было, то явно нарушается принцип одинаковой платы за равный труд. (Возьмем, к примеру, деревенского депутата-пенсионера с его мизерной пенсией и депутата — директора крупного предприятия с высоким средним заработком.) Поэтому мне представляется целесообразным для депутатов Верховного Совета СССР установить на время исполнения ими депутатских обязанностей твердый разумный оклад. Если же средний заработок депутата превышает размеры этого оклада, то разницу ему должны выплачивать выдвинувшие его трудовые коллективы или городские Советы, если депутат выдвинут собранием по месту жительства. Это, кстати, в какой-то, пусть даже незначительной, мере, но все же повысит ответственность коллективов за своего избранника. Внедрение предлагаемых мною мер актуально, особенно в связи с развитием кооперативного движения, ибо депутаты-кооператоры, менее процветающие и не так твердо стоящие на ногах, как, например, С. Федоров, окажутся просто в тяжелом положении. Размеры оклада депутатов предлагаю установить равным среднестатистической заработной плате, имея в виду, что при этом материальное обеспечение депутата находится в прямой зависимости от нашего с вами благополучия.

Н. КОМКИН
Фрязино Московской обл.

■

Высылаю программу Краснодарского краевого телевидения на 5—11 июня 1989 г.— рекламное приложение к газете «Советская Кубань» — органу крайкома партии. Высылаю, чтобы вы ознакомились с предлагаемой программой самого мощного средства массовой агитации и пропаганды — телевидения во время работы Съезда народных депутатов СССР и сессии Верховного Совета СССР в Краснодарском крае. В то время, когда за ходом Съезда следила в прямом эфире вся страна, мы были лишены этой возможности. Комментарии, как говорится, излишни.

Раньше в борьбе с существующей властью пользовались листовками. Их распространяли тайно, с большим риском для своей жизни. Теперь у нас в Краснодаре решают этот вопрос иначе. Распространяют через «Союзпечать» вполне официально. Можно не принимать во внимание мое письмо, но уж газету нужно обязательно внимательно прочитать и обязать ответственных лиц письменно в местной печати объяснить мотивы, побудившие запретить показ хода работы таких революционных мероприятий в жизни СССР, как Съезд и сессия.

П. ИВАНОВ
Краснодар

■

28 июля 1942 года, в исключительно тяжелое для нашей Родины время, был издан приказ народного комиссара обороны № 227, согласно которому к тем, кто отступал, оставляя боевые позиции, принимались самые суровые меры. А затем через три месяца введено «Положение

о штрафных батальонах в действующей армии».

Однако, внимательно прочитав письмо И. Коржика «Трагедия офицерских штрафных батальонов» («Ветеран» № 40, 1988 г.), а также ответы на вопросы читателя полковника в отставке Ф. Крючкова «Искупить кровью» (правда об офицерских штрафных батальонах) («Ветеран» № 3, 1989 г.), мне бы хотелось высказать некоторые возражения к утверждениям заместителя начальника Главного управления кадров Министерства обороны СССР генерал-полковника К. Я. Курочкина («Ветеран» № 3, 1989 г.) о том, что командование армии в годы Великой Отечественной войны всегда стремилось наилучшим образом использовать штрафные подразделения в бою, что была постоянная забота о жизни штрафников, иначе говоря, выиграть бой с меньшими людскими потерями.

Позвольте не согласиться с этими утверждениями, ибо это не всегда и не везде соответствовало действительности. Приведу факт, очевидцем которого я был.

Это случилось в январе 1945 года на территории Польши, под городом Дембица. Я тогда командовал взводом в 454-м полку 100-й Львовской стрелковой дивизии. Мой взвод довольно долгое время находился в боевом охранении. В темную зимнюю ночь 9 января 1945 года я получил внезапный приказ срочно вывести свой взвод в основные траншеи батальона. Вместо нас ввели туда офицерскую штрафную роту.

После полуночи без предварительной разведки, без установления проходов в укреплениях противника, без всякой огневой поддержки штрафную роту повели на ночной штурм одной безымянной, но сильно укрепленной высотки, которая находилась перед нашей обороной.

Не дойдя до траншей противника, рота нарвалась на немецкие проволочные заграждения и минные поля, фашисты открыли ураганный огонь из всех видов оружия. За каких-то полчаса боя фашисты уничтожили более половины личного состава роты. Оставшиеся в живых отступили в наши траншеи.

Перед рассветом остаток роты погнали на место боя подобрать и вынести убитых и раненых. Пока они выполняли эту задачу, потеряли еще несколько десятков человек.

Из более чем двухсот человек, имевшихся в роте, к концу трагической ночи остались в живых 18, а боевая задача так и не была выполнена.

А ведь нашему командованию было хорошо известно, что подходы к этой злосчастной высотке немцами были сильно укреплены, пристреляны. К тому же буквально через двое суток на правом фланге обороны началось общее наступление и немцы сами, боясь попасть в окружение, с этих позиций ушли — отступили.

Таким образом, не было никакой военной необходимости ночного штурма этой высотки.

В результате этой авантюры погибло более двухсот человек. А ведь они были советскими людьми, просто в чем-то провинившимися.

Мне думается, что это не единственный пример бездушия и авантюризма со стороны некоторых военачальников в отношении к штрафным подразделениям в годы войны.

П. ТЕРЕНТЬЕВ,
инвалид войны
Печора, Коми АССР

■

Мне 74 года, ветеран войны, пережил блокаду. Более 50 лет работал на производстве, из них 40 лет был прорабом, продолжаю работать и сейчас. Вопрос, который я хочу поднять, вроде бы мелкий, незначительный, но для многих, особенно пожилых, очень важный. В течение двух-трех десятилетий(!) я не только не смог купить гречневую крупу, я ни разу не видел ее в продаже.

Что же случилось? Трудоемкая культура? В молодости я сам выращивал гречиху, и ничего особенного в ее выращивании не было. Съедают кооперативы? Но они недавно появились. Расходится по незаконным каналам? Слышал, что особой категории больных дают в поликлиниках талоны на гречку, но, думаю, не вся же она уходит на лечебные нужды. Гречка — это даже не дефицит, это провал какой-то в нашей экономике.

Л. БУЯНСКИЙ
Ленинград

■

После вывода советских войск из Афганистана ЦК ВЛКСМ и комитеты ВЛКСМ на местах активизировали работу по созданию памятников воинам-интернационалистам во всех городах. Создаются специальные фонды, организуется уже продолжительное время сбор денег.

В связи с этим хочу высказать свой взгляд «на тему».

Как прозвучало на Съезде, в нашей стране очень сложное финансовое положение. Поэтому мы не можем позволить себе бездумно разбрасывать миллионы на возведение памятников, которые, как правило, не имеют ни малейшей художественной ценности.

Долгое время наша страна подвергалась массовому гипнозу, шла единым курсом — воздвижения гигантских памятников вождям. Апофеоз. Апологетика. Сейчас стыдно? Но что-то незаметно, чтобы этот курс изменился. Страна заражена вирусом самовосхваления. Ребята, погибшие в Афганистане, ставшие инвалидами и даже вернувшиеся живыми, — это жертвы. Конечно, их трудно обвинять: каждый говорит, что он выполнял воинский долг, что он всего лишь солдат. Как поется в песне Булата Окуджавы: «Как просто быть солдатом...»

С другой стороны, среди вернувшихся много инвалидов, ребят с подорванным здоровьем, расшатанными нервами. Часто эти ребята нуждаются в улучшении жилищных условий, в материальной помощи. Почему же деньги из фонда должны быть вложены в мертвый, бездушный камень, а не использованы на создание жилых комплексов для бывших «афганцев» и оставшихся без помощи родителей, жен погибших? Почему не вложить эти деньги в строительство домов инвалидов, в создание для них лечебных центров, на закупку медицинского оборудования? Почему мы вновь и вновь вкладываем средства в камень, меньше всего думая о живых людях?

Может быть, разумнее было из этих средств помогать семьям погибших, ставить памятники на могилах погибших ребят, ведь не всякая семья имеет на это средства, силы? Вот и пусть все средства идут на пользу живущих «афганцев».

Н. САРСАКОВА
Мурманск

■

Общество наше зародилось три года назад, когда родители, дети которых заболели сахарным диабетом, решили объединиться для оказания посильной помощи друг другу.

Страшная это болезнь. Фактически организм медленно, год за годом убивает себя из-за отсутствия инсулина — гормона, выделяемого поджелудочной железой. Трудно представить, что испытывают родители, когда их ребенок, еще недавно жизнерадостный и здоровый, обречен на постоянное истязание инъекциями инсулина: приходится их иногда делать по пять раз в сутки.

Беда еще и в том, что не всегда можно достать качественные инсулины, выпускаемые за рубежом,— «чистые», не вызывающие побочных заболеваний и аллергии. Отечественные же, известно, содержат около десяти процентов опасных иммунологических примесей. Как писала «Медицинская газета», они «не соответствуют ни паспортным данным, ни требованиям зарубежных фармакопей». Вместо того, чтобы закупить готовое лекарство, экономя валюту, закупили сырье во Франции, Бразилии, ФРГ. Но, увы, наша промышленность не имеет возможности его качественно переработать. Посудите сами, кому нужна такая экономия! Экономия ли это или преступление? В этом году мы не получаем те виды препарата, которые имели в прошлом. Пожалели инвалютные рубли наши чиновники от финансов, не ведая, что если больной пользуется определенным видом инсулина, то переводить его на другой опасно для жизни.

На Съезде народных депутатов СССР говорили о том, что в аптеках и больницах нет лекарств. Наш наказ депутатам: возьмите под свой депутатский контроль эту жизненно важную проблему. Не выпускайте ее из поля зрения, пора, наконец, от слов переходить к конкретным делам.

Трудности наши связаны не только с отсутствием качественных инсулинов. В стране практически нет шприцев, нет диагностической аппаратуры. По нашим данным, в Москве имеется только две установки (так называемые биостаторы, необходимые при подборе дозы инсулина, распределении всех физиологических функций организма), по Союзу их 5—7, а больных сахарным диабетом более трех миллионов.

Знающих специалистов в поликлиниках мало. Да и компетентность врачей тоже оставляет желать лучшего, особенно на «скорой». Были случаи, когда больного в коме, упавшего на улице, отвозили вместо реанимации в вытрезвитель — врачи не могли поставить диагноз.

Мы столкнулись с тем, что юношей и девушек, больных сахарным диабетом, не принимают в институты и техникумы. Под любым предлогом, ибо официального запрета нет. Им приходится использовать обходные пути, естественно, незаконные, чтобы реализовать свое право учиться.

Реабилитационные клубы, диабетические ассоциации, спортивные и медицинские учреждения, существующие в других странах, нам только еще предстоит создавать. Понимаем, что все это требует больших организационных и финансовых затрат, с которыми наше общество не справляется. Поэтому мы и объединились. Что же сделано? Составлены списки больных детей по Москве. Все дети прикреплены к диетическим и овощным магазинам: им нужны гречка, печень, соки. Каждый может обратиться к нам по поводу лекарств, лечения — держим связь с органами здравоохранения. Летом прошлого года добились нового помещения для эндокринологического отделения Морозовской больницы, организовали субботники.

Опираясь на опыт подобных обществ и диабетических ассоциаций за рубежом, которые имеют материальную базу исключительно за счет пожертвований, мы обратились в Общество Красного Креста и Красного Полумесяца, в Советский детский фонд, Фонд милосердия об оказании нам финансовой помощи. К счастью, нам идут навстречу, готовы помочь. Однако некуда перечислять деньги для больных детей. Мы ведь «неформалы» и не имеем своего счета. Устав и письма организаций-учредителей (наши учредители — Общество Красного Креста и Красного Полумесяца, Главное управление здравоохранения Москвы) полгода находятся на утверждении в Моссовете, но ответа до сих пор нет.

Мы действуем, мы работаем, приносим пользу. Неужели, помогая больным за счет своего времени, здоровья, собственных средств даже, мы представляем политическую или социальную опасность? Где же наше милосердие, о котором мы так много говорим? Где здравый смысл, наконец? Мы готовы работать еще больше, чтобы не испытать самое страшное в жизни — пережить своих детей.

Э. ГУСТОВА, Р. ЛОГИНОВА,
В. БРЮЛИН, Г. ГОРЮНОВА,
члены правления Московского диабетического общества

■

Выражаем сердечную благодарность за публикацию письма в № 12 «Огонька» о А. Д. Носовой, которая много лет провела в сталинских лагерях и в девяносто лет получила смехотворную прибавку (60 коп.!) к и без того мизерной пенсии.

Сообщаем, что попечительский совет Фонда милосердия и здоровья «Полиграфист», рассмотрев представление о социальном обеспечении А. Д. Носовой, принял решение о ежемесячной персональной доплате к получаемой ею пенсии. Доплата составляет 75 рублей в месяц.

Будем рады, если наш скромный вклад в какой-то мере облегчит и украсит ее жизнь.

С. ЗАБЕЛИН,
председатель попечительского совета Фонда милосердия и здоровья «Полиграфист»
Киев

Когда печатались номера «Огонька» с рассказом А. Солженицына «Матрёнин двор», мы получили письмо, подписанное заместителем заведующего отделом прозы «Нового мира» В. М. Борисовым, в котором, в частности, говорится, что, согласно воле А. И. Солженицына, публикация его произведений в СССР может осуществляться только в порядке, определенном автором, а право распоряжаться всеми последующими публикациями на территории СССР предоставляется «Новому миру» в лице В. М. Борисова.

К сожалению, мы ничего не знали об этом непременном условии.

Решив перепечатать в «Огоньке» рассказ А. Солженицына «Матрёнин двор», мы исходили из того, что рассказ этот уже печатался в Советском Союзе и перепечатка его является не публикацией, а, так сказать, републикацией. Мы руководствовались добрыми намерениями: дать возможность многомиллионному советскому читателю прочесть одно из наиболее значительных произведений А. И. Солженицына, долгое время находившееся под запретом.

Тем не менее, не желая того, мы нарушили волю автора, о чем искренне сожалеем.

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРЫ

Наш адрес: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

ДОКУМЕНТЫ СМОЛЕНСКОГО АРХИВА — О СОБЫТИЯХ ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ, ПРЕДШЕСТВОВАВШИХ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ.

ТЯЖЕЛАЯ НОША

М. ЗАРАЕВ,
С. ШВЕДОВ

1

В середине пятидесятых годов некоего молодого кинематографиста отправили в нечерноземную глубинку поднимать сельское хозяйство. В то время считалось, что для этого достаточно одного желания. Желание у него было. Но тот воз, в который ему пришлось впрячься в роли председателя колхоза, оказался столь неподъемным по молодым его силам, что он вскорости махнул на все рукой и уехал к себе в город.

История обычная, и не стоило о ней вспоминать, если бы треть века спустя этот теперь уже немолодой человек, ставший известным режиссером-кинодокументалистом, не отправился с камерой в то самое село, откуда уехал тридцать три года назад. Повинившись перед колхозниками, повздыхав о бедах нашего Отечества, он продолжил путь своей съемочной группы по другим селам страны, беседуя с колхозными председателями, арендаторами, руководителями районов, а потом побывал еще и в Канаде, у тамошних фермеров, пытаясь ответить на сакраментальный вопрос: почему у них получается, а у нас — нет.

Одному из пишущих эти строки пришлось присутствовать на просмотре и обсуждении получившегося в результате этих поездок фильма «За все в ответе», организованных Госагропромом СССР под занавес своего существования. Поразила реакция на картину участников обсуждения, усмотревших в ней антиколхозную направленность. Один за другим поднимались на трибуну председатели колхозов из числа знатных, преуспевших, каждый с густой завесой наград, и с кулачным замахом требовал запретить ленту, не дать ей выйти на экран. В сущности, то был один из многих эпизодов общественной борьбы, развернувшейся в последнее время вокруг дальнейшей судьбы колхозной формы хозяйствования.

Думается, однако, что в этих столкновениях страстей, кипящих в треугольнике колхоз — аренда — личное подсобное хозяйство, общество наше уподобляется человеку, ищущему утерянную монету под фонарем, где светлее и удобнее искать. Главное ведь в не в том, какая форма хозяйствования будет избрана — колхоз, кооператив, семейное или многосемейное арендное звено,— а какая отринута. Главное — в свободе выбора любой из этих форм, в реализации в рамках любой из них права сельского человека на землю, свободное приобретение средств производства и продажу продуктов своего труда, права, отнятого у крестьянина в период военного коммунизма, частично восстановленного во времена нэпа и уже навсегда отнятого в коллективизацию.

Не в том дело, быть или не быть колхозу, а в том — быть или не быть насилию над колхозом, арендатором, личным хозяйством и любой другой формой аграрного производства. В этом вопрос вопросов, и ставится он прежде всего в плоскости политической, хотя и камуфлируется спорами об организационных методах.

В незабвенном 30-м, когда распространилась эта наша классическая колхозная форма, поражает прежде всего повсеместность и одномоментность ее утверждения с помощью насилия. Нам скажут: чему ж тут удивляться, мало ли насиловали деревню и раньше. Позади была гражданская война с ее мобилизациями и продотрядами, выгребавшими хлеб... Но в 19-м, 20-м отнимали хлеб, оставляя нетронутым хозяйственный механизм, и, кстати, на этот отъем деревня отвечала восстаниями, в конце концов и породившими нэп. В 30-м — ломали все хозяйство, всю систему отношений, отнимали жизни — и молчала деревня, парализованно молчала. Весь 29-й год «за указом указ» идет раскрестьянивание огромной страны, ломка веками складывавшегося семейного хозяйственного механизма — и молчание.

В январе — постановление о лжекооперативах. Был, оказывается, и такой термин (странно, что сейчас до него не додумались). Это когда считалось, что в кооператив проникли кулаки и таким путем мешают строительству социализма.

В феврале решено облагать наиболее зажиточных крестьян сельхозналогом по разорительным индивидуальным ставкам. Тогда и рождается ныне уже забытое словцо — «индусы», «индюки». У Твардовского в «Стране Муравии»: «И отвечают медленно, недружно мужики. Один: — Мы — люди темные... Другой: — Мы — индюки...»

Май — постановление о признаках кулацких хозяйств. Какие ж признаки? Годовой доход 300 рублей на человека и 1500 — на семью (средний рабочий получал 80 в месяц), систематическое применение наемного труда или владение мельницей, крупорушкой, маслобойкой. Вон когда вывелась на селе первичная переработка сырья, которую до сей поры безуспешно все пытаемся восстановить.

В июне местным Советам дают право конфисковывать за неуплату налогов имущество зажиточных семей с передачей четверти его бедноте. Легко себе представить, какую волну доносов подняло такое постановление! Кроме того, за невыполнение заданий и других повинностей теперь — тюрьма.

В октябре вводится контрактация зерновых. Сельсоветы или собрания бедноты диктуют кулакам, сколько сеять и сколько сдавать государству хлеба. И так до конца года.

Самое главное, что ведь не на словах, не на бумаге действовали эти указы и постановления, как то нередко бывает в нашем Отечестве. Уже в том же 1929 году, по неполным данным, осудили треть крестьян, числившихся кулаками,— 182 тысячи. Штраф, конфискация имущества, лишение свободы — таковы были массовые меры давления, а вернее, уничтожения наиболее активного слоя крестьянства.

Но как же это удавалось буквально в считанные дни по всей огромной сельской стране включать столь эффективно действующий механизм массовых репрессий? Словно кнопку нажимали в Кремле, и мгновенно где-то в дальней деревенской глухомани, для которой, казалось бы, и законы не писаны, все срабатывает четко, быстро, целенаправленно. Почему то, что не удавалось в 19-м, в общем-то легко получалось десять лет спустя?

ГПУ? Уполномоченный из города? Рабочий в кожаной тужурке с револьвером? Они могут арестовать, отнять хлеб, а вот натравить одну часть деревни на другую... Здесь нужны свои, коренные. Свой низовой аппарат насилия, которого не существовало в 19-м и который был воспитан за десять лет.

Казалось бы, и об этом сказано. Хрестоматийные шолоховские Нагульнов и Разметнов; выписанные совсем иными, мрачными красками коллективизаторы романов Белова и Можаева. Но ведь то образы художественные, в меру авторского таланта и политической позиции отображающие действительность шестидесятилетней давности. Документальные же исследования нашего времени при всей их разоблачительности и праведном гневе сосредоточиваются на кремлевской верхушке — Сталине, Молотове, Кагановиче, Яковлеве — тех, кто отдавал приказы. А те, кто исполнял, рядовые сельские коммунисты, или, как тогда говорили, «партейцы», которые и были приводными ремнями этого могучего и страшного механизма насилия над деревней? Без них ведь ничего не сделалось бы и не свершилось. Как, откуда они возникли, что за люди были? Въявь, вживе? Обратиться к архивам? Но ведь нет у нас никаких архивов. Вернее, есть, только за семью замками.

Закон о доступности архивных источников, освобождении их из-под чугунной руки ведомств для отдачи под контроль общественности только обсуждается, вызывая бурные политические страсти. А пока проникновение в партийный, советский и другой архив любой области требует специального допуска, не менее секретного, чем для входа на оборонный объект. Да и попади туда, как сориентироваться в этом море документов? Всякое серьезное исследование там отнимет годы профессиональной работы.

Выясняется, однако, что один открытый архив все-таки есть и работа по его систематизации проведена. Тщательная, профессиональная работа. Это партийный архив Смоленской области, вывезенный немцами во время войны и попавший затем в США. Материалы его использовались многими зарубежными специалистами для изучения социальной структуры советского общества тридцатых годов, системы управления государством, истории коллективизации и индустриализации и многих других вопросов.

В 1987 году американское издательство «Ардис» выпустило очередное собрание документов Смоленского архива под названием «Неуслышанные голоса. Кулаки и партейцы», составленное и прокомментированное Сергеем Максудовым. Это лишь начало трехтомного исследования коллективизации, предпринятого Максудовым. Первый том посвящен началу перестройки в деревне в 1929 году. Второй сборник должен выйти под названием «Раскулачивание». Время действия — 1930 год. И, наконец, третий — «Без кулака» — будет посвящен жизни деревни после того, как коллективизация завершена.

Поразительно все-таки: для того, чтобы отвечать на вопросы, так терзающие сейчас нашу общественную мысль, ученому пришлось эмигрировать за океан и воспользоваться материалами, таким сложным и трагическим путем попавшими туда в ходе войны. Поистине трагично все, что связано с нашей новейшей историей!

Перейдем, однако, к документам, открывающим картину жизни западного края в 1929 году.

2

«По имеющимся в окружной контрольной комиссии сведениям известно, что 8 ноября 1928 года в 12 часов в канцелярию Усмынского РИКа явился в пьяном виде секретарь райгрупкома совторгслужащих Сухалев Ульян Ефимович — кандидат ВКП(б). Он ворвался в финчасть, где работал счетовод РИКа Титцев на пишущей машинке, выхватил из машинки печатный лист и порвал, с нецензурным ругательством ударил кулаком два раза по каретке пишущей машинки настолько сильно, что машинка больше не работает. Работа в РИКе стала, так как в связи с бездорожьем ее отвезти в Велиж для ремонта не могли»...

Все в этом сообщении окружной контрольной комиссии преисполнено смысла. И разгул молодого партейца, и бездорожье, наглухо отделяющее райцентр от близлежащего города, и упоминание о пишущей машинке, без которой останавливается работа органа власти.

Усмынь... Где это? С трудом отыскиваем на современной карте название села, затерявшегося на юго-восточной окраине Псковской области. В конце двадцатых годов оно чьей-то административной волей на недолгий срок стало столицей района, входившего в Великолуцкий округ, один из восьми округов огромной Западной области, управляемой из Смоленска.

По всем описаниям село как село — избы, подворья, небогатые поля. В двадцатые годы на несколько лет здесь сосредоточилось управление судьбами двух сотен деревень, двадцати пяти тысяч обитавших в них крестьян.

Документы архива, словно лучом фонаря, из глубочайшей тьмы времени выхватывают отдельные факты жизни райцентра, обозначают целые сюжеты, развивающиеся в связи с объявленной по всей стране чисткой партии. Молодецкий удар Ульяна Сухалева по каретке пишущей машинки как звук гонга на сцене. Занавес раздвигается, и мы знакомимся с действующими лицами главы «Самоочищение Усмыни».

Много чего произошло в те же дни в райцентре. Сухалев затеял драку с другим партейцем — судебным исполнителем Антоненко. Члены правления районного потребительского общества разыскивали своего председателя Пшеницына. Он уже неделю пьянствует в Велиже, в райпо прибывают товары, а торговать нельзя, расценки заперты у председателя.

Пьяная волна, пишется в сообщении, захватила и некоторых беспартийных работников района.

Откуда в Великолуцкой окружной контрольной комиссии знают в таких подробностях о том, что происходит в райцентре? У нее имеются свои информаторы. Это, судя по некоторым деталям, заведующий почтой Сопко. Секретарь райкома партии Бущук, естественно, ненавидит стукача, через его голову доносящего в округ о событиях в районе, и, в свою очередь, обвиняет его в искривлении партийной линии, связи с зажиточными элементами, в тайной торговле водкой. Но округ защищает своих информаторов. Хочешь не хочешь, меры по сигналам принимать надо. Ульян Сухалев получает выговор, обещает исправиться. Пшеницына снимают с хлебной должности, назначают зав. политпросветом района, а на его место — бывшего политпросветчика непьющего Даниила Орлова. Это еще одно действующее лицо усмынского сюжета, с которым нам предстоит познакомиться поближе.

На какое-то время в хронологии усмынских документов — провал. Следующие материалы помечены февралем 1929 года.

В Москве в эти месяцы происходили следующие события. Принято постановление о высылке Троцкого из пределов СССР. Бухарин обвинил Сталина на заседании Политбюро в военно-феодальной эксплуатации крестьянства. Сталин в ответ выступил с речью о правом уклоне. Бухарин, Рыков и Томский получают выговоры.

А в Усмыни отзвуком далеких московских политических схваток в феврале 1929 года проходят партийные собрания, посвященные чистке партии, выясняется, был ли правый уклон. Для придания этой работе соответствующей направленности из города приезжает рабочий Андреев, впоследствии он сменит секретаря райкома Бущука. Андреев пытается направить разговор в политическое русло, называет председателя сельсовета Хлипоченко оппозиционером, но усмынцы не принимают и не понимают правил игры: так и не выходят из круга обычных бытовых обвинений — пьянство, растраты, половая распущенность, хулиганство, в крайнем случае — связь с чуждыми элементами, сокрытие происхождения, отправление религиозных культов.

Вместе с протоколами собраний в архиве — оговоры, заявления, доносы, волна которых охватывает весь район. Написаны они языком платоновских и зощенковских героев. Взять хоть рассказ комсомольца Балясникова о том, как председатель сельсовета Буренков гонялся за евреем. После заседания комиссии по скидке сельхозналога Буренков выпивал с Трофимом Никитиным. Далее предоставим слово Балясникову. «И после начали перетягиваться, кто кого, и доходило дело до драки, после вышли на двор, и вдруг встречается, идет с работы Еврей (в оригинале это слово иногда пишется с большой буквы.— **М. З. и С. Ш.**). Тогда Еврей сказал: «Вот так председатель допущает до того, что не может стоять на ногах». Тогда Буренков пустился за ним, хотел его побить. Но Буренкова здесь начали задерживать, не допускать к еврею, а еврей в то время убежал в хату. Тогда Буренков взял со злости бросил всю почту с папкой под ноги, начал топтать, потом сел на лошадь Трофима Никитина и уехал».

Вот такая история: отдыхал человек, развлекался с приятелем, а ему замечания делают, как тут не разозлиться, не истоптать папку с бумагами. Надо сказать, что это пятно — «гонялся за евреем» — так и будет лежать на его моральном облике, исследуемом при всяких чистках.

Все это, однако, пустяки по сравнению с тем, что происходит с нашим знакомцем Ульяном Сухалевым. Он отправляется в своей родной деревне Титово на новогоднюю гулянку, пристает к девушке Насте Войтовой и пытается изнасиловать ее при полном равнодушии двух других участников вечеринки. «Я после стала говорить,— пишет Настя в райком партии,— что не стерплю этого нахальства и передам в суд, то он сказал Ефросинии Осиповой, пускай подает, только я ей загоню пулю в лоб. И кроме того, как я партеец, я судов не боюсь, сколько хотишь подавай».

Письмо это поступает в райком полтора месяца спустя после происшествия, в разгар партийной чистки. Видимо, враги Сухалева решили таким путем свалить его. Расчет оказался верным: суд приговаривает Ульяна к шести месяцам принудработ по месту службы. Но то полбеды, главное — его исключают из партии.

Самое интересное для нас в этом деле — попытка самозащиты Сухалева, его письмо, где он рассказывает о себе. Какие же достоинства видит в себе этот 24-летний крестьянин? Прежде всего «классовая линия с моей стороны была вполне выдержана. Вся лишь моя вина, откровенно признавшись, это когда выпьешь водки... Но я не алкоголик, и если когда выпиваю, то лишь только по своей некультурности и несознательности».

Вся его жизнь проходит на сельских общественных должностях. Он секретарь комсомольской ячейки в одной, в другой деревне, уполномоченный по батрачеству, секретарь райгрупкома союза совторгслужащих, председатель только что созданной сельхозартели. «Работать пришлось много и все бесплатно. Меня тяжело ранили ножом в спину бандиты, пролежал в больнице 30 дней, выйдя из больницы, обратно пошел против банд. Приходилось сидеть ночами в карауле...»

В сущности, перед нами здоровый деревенский парень, отставший от сельской работы, развращенный властью, водкой, бездельем, безнаказанностью. В районе у него слава хулигана и пьяницы. Из партии его исключают, и он исчезает со сцены усмынской жизни.

Другой исключенный из партии усмынский активист, Тимофей Антоненко, на четыре года старше Сухалева. Где он только не работал после службы в армии, чего только не вытворял, по рассказам участников собрания! В лесничестве ухитрился продать трем крестьянам один сенокос и со всех взять деньги, в милиции брал взятки у самогонщиков, будучи судебным исполнителем, задерживал деньги, взысканные по приговорам. Его обвиняют также в жестоком обращении с ребенком от первого брака. И еще одна история ходит за ним, многократно описанная разными свидетелями. Вот рассказ комсомольца Тимофея Рыжакова. «Тов. Антоненко был в отряде в 1919 году (получается, ему тогда было 18 лет.— **М. З. и С. Ш.**). Придя на вечер в дер. Гладыши..., в то время девушки пряли пряжу. Тогда тов. Антоненко начал заводить разговор с одной девушкой, но последняя послала его к черту. Тогда тов. Антоненко стал ей угрожать, а она говорит, что ты мне сделаешь, а тов. Антоненко говорит: застрелю. Наставил винтовку и тут же застрелил». Сухалев знал, чем пугал Настю Войтову в сходной ситуации.

Антоненко так же, как и Сухалев, оправдывается, просит оставить в партии, учесть его «бедняцкое батрацкое положение», обвиняет в необъективности Бущука.

А вот фигура другого калибра — Даниил Орлов, председатель райпо, в недавнем прошлом завагитпроп райкома. Он старше многих сельских партейцев — 30 лет, немало по тем временам, культурнее — его письма и доносы написаны более грамотно и логично, чем у других, и к тому же, что редкость, непьющий. Но зато и «навешивают» на него всяких обвинений немало. Сын бывшего кулака, женат на дочери помещика, брат расстрелян в 1918 году во время восстания. И ведь не открещивается, как иные, от компрометирующей родни, а тайно стремится помочь отцу, избавить его от индивидуального налогообложения.

В архиве имеется записка, адресованная председателю сельсовета Хлипоченко, написанная в ханжеской и вместе с тем грубовато-доверительной манере. «Т. Хлипоченко. Окажи все возможные меры в обмере земли батьке. Крайне неприятно, что в условиях работы и существования сов. власти отдельные мазурики пользуются направо и налево теми мероприятиями, которые направлены против их существования, для своей пользы... В члены тебя перевели, я уже материал отправил в округ (видимо, Орлов в то время еще агитпроп райкома.— **М. З. и С. Ш.**), повышай свой полит. уровень и смотри классовую линию в работе».

Характерно, что если за Антоненко ходит обвинение: «убил девушку», за Буренковым: «гонялся за евреем», то у Орлова свое пятно: «карьерист». Давая характеристику каждому коммунисту при подготовке к чистке, секретарь райкома Бущук пишет про Орлова: «Классовую линию выдерживает, что касается карьерист, это верно, но, пожалуй, можно будет его исправить. Преступлений пока за ним нет. Политически грамотен».

Однако Орлову нужна более активная поддержка, ибо врагов у него много и натиск ему приходится выдерживать сильный. То собрание бедноты Крестовского сельсовета требует его исключения из партии, то в редакцию окружной газеты приходит анонимная заметка о нем под названием «Волк в овечьей шкуре». Из всех этих документов и оправданий Орлова рисуется его облик и история зажиточной крестьянской семьи.

Отец Лукьян Орлов, судя по всему, человек предприимчивый и небедный, прослужив долгие годы лесным приказчиком, в ходе столыпинской реформы выделился из общины. Хозяйство его процветало: 27 десятин земли, пять коров, две лошади, сад, пасека — всем этим нераздельно владела большая и дружная семья. Если разделить имущество на всех, оправдывается впоследствии Даниил, то выйдет хозяйство бедняцким. Но вот между 1918 и 1924 годами умирает семь членов семьи. Как? При каких обстоятельствах? Знаем только о расстреле брата. Даниил утверждает — случайно, шел за табаком в другую деревню, схватили и расстреляли.

В 24-м выселяют хозяев имения Кресты помещиков Лаймингов, с которыми Орловы близки. Даниил женится на дочери, воспитывает ее малолетнего брата, что также ставится ему в укор: «Взял на свое иждивение маленького помещичка». Однако до середины двадцатых годов выжидает, не входит в сельский актив. Затем, видимо, убедившись, что назад пути нет, вступает сначала в комсомол, затем в партию и довольно быстро делает карьеру.

Но ведь все на виду, и надо отбиваться от активистов, для которых он чужой. Делает он это умело, далеко не так примитивно, как Сухалев и Антоненко. Недостаток аргументов в свою защиту восполняет нападками на своих врагов, обвиняя кого в пьянстве, кого в антисоветских настроениях, замахивается на самого Бущука. И не напрасно: комиссия оставляет его в партии.

Как-то сложится судьба этого ловкого человека, не поскользнется ли он на очередных политических поворотах села, сделает ли карьеру? Не исключено. Задатки у него неплохие.

Большинству коммунистов Усмынского района так же, как и Даниилу Орлову, удалось пройти чистку. Расстались с партийными билетами 10 из 69. Восьмерых «съели» в ожесточенной борьбе, двое сами сбежали, не снявшись с учета.

Исключенные, как правило, были не хуже уцелевших. Пьянство, злоупотребление властью, воровство, доносительство, карьеризм характерны практически для всех. Чистка лишь выявила эти качества, подогрела страсти. Так кто же они такие, активисты одного сельского района, откуда взялись, как выделились из крестьянской среды, каков их социальный облик?

3

Для того, чтобы ответить на эти вопросы, вообразим, что представляла собой российская деревня двадцатых годов. Вспомним, что это было единственное в многовековой истории десятилетие, когда русский крестьянин владел землей. Община предоставляла ему надел во временное пользование, вплоть до передела по числу едоков или работников. Она помогала маломощным, заботилась о податях, совместно использовала сенокосы и пастбища, воспитывала и наказывала, обладая определенными экономическими и нравственными достоинствами, но настоящим владельцем своего надела крестьянин себя не чувствовал в том смысле, в каком чувствует себя хозяином западный фермер. И это служило препятствием в развитии аграрной экономики.

Столыпинская реформа, предпринятая незадолго перед революцией, только начала разрушать общину в интересах наиболее активных, предприимчивых сельских хозяев, и, кстати, эта реформа наталкива-

лась на сопротивление крестьян, видевших в столыпинских нововведениях крушение уравнительного идеала социальной справедливости.

1917-й год был воспринят как торжество идеала. Все делилось поровну — земля, помещичье имущество, бесконтрольно рубился лес. Деревня обстраивалась и до первых набегов продотрядов пыталась расширять запашку. А уж по мере исчезновения продразверстки, с приходом нэпа начала истово, страстно, от зари до зари работать так, как не работала никогда.

Общинное хозяйствование не стимулировало такой целеустремленности, труд же в помещичьих имениях, на хуторах богатых крестьян, начавших выделяться из общины перед революцией, был в большей степени технически оснащен. Повсеместное осереднячивание деревни при крайне низком техническом уровне крестьянского хозяйства приводило, по терминологии Чаянова, к возрастанию самоэксплуатации сельской семьи.

В сборнике Максудова приводится опись имущества Громовых — пожилой вдовы и трех взрослых детей — двух сыновей и дочери. Эта крестьянская семья из четырех человек, отнесенная комиссией к числу середняцких, владела старой двадцатилетней лошадью с жеребенком, коровой с телкой, поросенком и четырьмя ягнятами. Из инвентаря — конная косилка, сломанная ручная льномялка, однолемешный деревянный плуг, две бороны, двое саней, телега и тележка.

Облегчить труд в семье Громовых способна разве что конная косилка. В остальном — те же руки. Тяжкая, надрывающая силы работа! Избавиться от нее можно только, получив какую-либо деревенскую должность. Пусть небольшую — избача, объездчика, финагента. Это в представлении горожанина она небольшая. А на селе... Скажем, финагент. И в послевоенной деревне его боялись как огня, старались улестить, подкупить. От него ведь зависело, каким налогом тебя обложат, учтут ли каждую яблоню, курицу, сотку картошки. И значит, жить тебе или по миру идти — тоже в его руках.

Потому любая сельская должность, может, деньги и небольшие дает, но облегчение трудовой тяготы и, самое главное, власть — несомненно. Путь же к этой должности открывал партбилет.

Почти все 69 усмынских коммунистов — по одному на три деревни — при портфелях. Они милиционеры и приказчики, кладовщики и учителя, десятники, лесничие, даже сторожа. Любой «портфель» годен — лишь бы не сеять, не пахать, поскорее сократить посевы, продать скот, словом, выйти из крестьянского сословия.

Презрение к крестьянскому труду, желание избежать его — первая типовая черта этого слоя. Вторая — относительная молодость. Молодежи вообще было много на селе. Много рожали, рано умирали. Пятидесятилетний крестьянин считался стариком. Не способствовали долголетию и шесть лет непрерывных войн — первая мировая, гражданская. К концу двадцатых годов почти половине жителей российской деревни насчитывалось меньше двадцати лет.

Что же удивляться тому, что большинству усмынских коммунистов меньше тридцати. Лишь некоторые участвовали в гражданской войне. Остальные застали разве что ее излет, как Антоненко, 18-летним парнем воевавший в партизанском отряде. Их сознательная жизнь начиналась в советских условиях, когда крестьянские традиции домовитости и трудолюбия вступили в столкновение с привнесенными из города апологией бедности, безземелья, идеями классовой борьбы.

Альтернатива выглядела так. С одной стороны — авторитет семьи, общины, в немалой степени еще и церкви, освященные веками реалии крестьянского существования с его однообразием, изнурительной работой, ритуалами праздников и будней. С другой — легкая, сытая, разгульная жизнь с собраниями, митингами, разрыв с прошлым — и власть, власть над односельчанами, утверждаемая должностью, стоящим за твоей спиной районным начальством и даже револьвером, который тебе положен по должности. Как они играли с оружием, эти здоровенные деревенские парни, пугали девчонок, угрожали соседям, спьяну палили в белый свет — документы архива полны подобными историями. Чтобы устоять перед такими соблазнами, надо обладать твердыми, укоренившимися в сознании нравственными установками.

Вступая в союз с политической системой, получая в знак этого союза сначала комсомольский, а потом партийный билет, крестьянский парень знал: ему многое простят, но в одном надо быть предельно исполнительным — в проведении любой политической кампании. Посевная или самообложение, сельхозналог или заем индустриализации — ты обязательно впереди, разъясняешь, уговариваешь, заставляешь. Любая директива, идущая из центра, исполняется неукоснительно, с полным рвением и расторопностью.

Посмотрите, как долготерпеливы в Усмыни к Сухалеву, Антоненко, Пшеницыну. Понадобилась чистка, специальное и настойчивое указание сверху о проверке морального облика коммунистов, чтобы художества сельских партейцев вышли наружу. И оправдания их характерны. Они не отрицают своих проступков, но напоминают: классовую линию держу, принадлежу к бедняцкому сословию. Они знают: к бедняку один подход, к кулаку — совсем другой. Бедняцкое происхождение, верность классовой линии, то есть указаниям свыше,— своего рода индульгенция, облегчающая тяжесть многих грехов.

Им с юных лет объясняли, что есть две правды — бедняцкая и кулацкая, что классовый подход заменяет, в сущности, все моральные категории их предков. Главное — следовать интересам своего класса, во всяком случае, так, как трактует эти интересы очередная директива. Их учили не щадить ни отца с матерью (миф о Павлике Морозове родился несколько лет спустя не на пустом месте), ни друзей, ни соседей, доносить о настроениях, слухах (волна доносов, поднявшаяся во время чистки, показала, как умело они пользовались этим оружием), отнимать в интересах класса имущество, а если надо, и жизнь.

Конечно, их реальный облик был далек от тех требований, о которых трубила пропаганда, ставившая целью воспитание нового человека. То были обыкновенные малограмотные парни, с трудом владевшие политической терминологией, развращенные властью, которая давала им возможность попить, покуражиться, погулять. По-настоящему научились они одному — готовности выполнять любое указание. Мера этой готовности тогда казалась неопределенной, расплата за сладкую жизнь еще предстояла, настоящие испытания их преданности политической системе были впереди.

4

В августе 1929 года партийная чистка в Усмыни завершена. Десятым августа помечен отчет проверочной комиссии, которая подвела итог кампании. Парторганизация стала меньше почти на 15 процентов своего состава. Примерно такой же показатель по Западной области и по стране. Это говорит о том, что он планировался сверху. Аппарат был приведен в боевую готовность. Дела предстояли большие.

В конце августа по всей стране начинается газетная кампания критики правых, печать полна нападками на кулаков, зажиточных крестьян, требует покончить с «примиренчеством» по отношению к ним. В конце сентября Политбюро принимает постановление о хлебозаготовках с требованием давления на кулака.

7 ноября «Правда» публикует статью Сталина «Год великого перелома». Вождь утверждает, что произошел коренной перелом от мелкого индивидуального хозяйства к крупному, коллективному. В 1930 году больше половины зерна, получаемого в стране, должны дать колхозы.

В ноябре Пленум ЦК принимает курс на коллективизацию. Создается наркомат земледелия и комиссия по коллективизации. Правые признают свои ошибки. Рыков от имени своего, Бухарина и Томского зачитывает заявление, где констатируется, «что у нас была известная ошибочная недооценка тех могущественных рычагов воздействия на деревню, которые, в конечном счете, начали перекрывать отрицательные стороны чрезвычайных мер». Последние противники неограниченного насилия над деревней сдают позиции.

27 декабря Сталин выступает на Всесоюзной конференции аграрников-марксистов, провозглашая лозунг ликвидации кулачества как класса.

Деревня распластана перед своими погубителями, меч занесен, аппарат насилия готов действовать.

О том, что происходило в Усмыни в конце 1929 года, мы не знаем. Но представить себе обстановку там легко, читая документы, собранные в заключительной главе книги Максудова «Давайте нажимать», рисующие события в других районах и округах Западной области. Это в основном донесения уполномоченных, направленных в округа для проведения хлебозаготовок с особыми, практически диктаторскими функциями.

Если в 1924—1927 годы заготовить хлеб означало закупить у крестьян его излишки, то в 1928 году — отнять. В 1929-м — уже отнять особенным способом: у зажиточных изъять все продовольственные и семенные запасы, тем самым исключив их навсегда из сельскохозяйственного производства, остальное же разложить по середняцким и бедняцким дворам. Не только крестьяне, но даже и районные руководители не могли понять такого подхода.

Уполномоченный по Смоленскому округу комсомолец Александр Смирнов докладывает в областные комитеты ВЛКСМ и ВКП(б): «До приезда меня в Духовщинский район... работа по указанной кампании развернута не была... При проработке вопроса о заготовках и платежах на горпартсобрании были отдельные правые выступления, например, пред. РИКа Козлова: «Зачем такой нажим на кулака, мы его обострим против себя и разожгем настроение против себя всего населения»... Зам. секретаря РК ВКП(б) Садовский на заседании РК ВКП(б) заявил: «Все берем и берем, оберем деревню».

Характерно, что вопреки опасениям пред. РИКа Козлова («разожгем настроение против себя всего населения») сопротивление насильственным хлебозаготовкам было сравнительно слабым. В оперативно-информационной сводке уголовного розыска Западной области за сентябрь 1929 года — одиннадцать поджогов и несколько коллективных выступлений против налогообложения и создания колхозов.

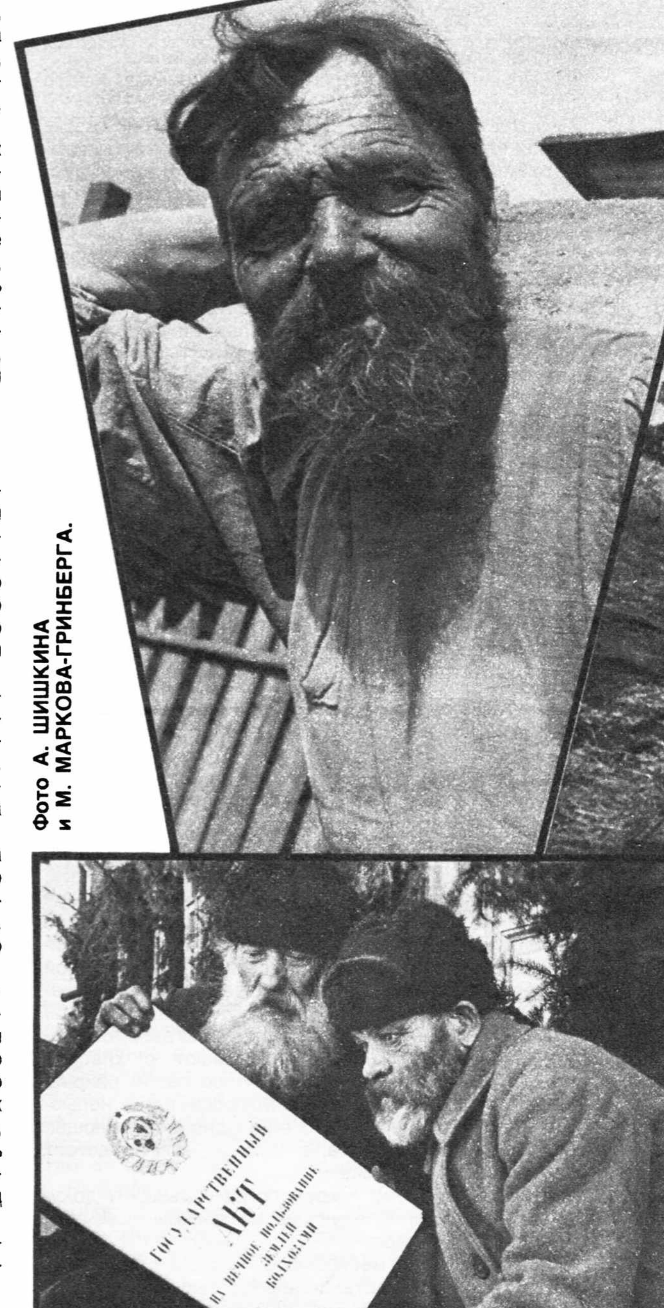

Фото А. ШИШКИНА и М. МАРКОВА-ГРИНБЕРГА.

Правда, в сводку не входили случаи избиения и угроз активистам (не все же доходило до уголовного розыска), квалифицированные сообщающими о них уполномоченными как террористические акты. И все же для области с населением в шесть с половиной миллионов человек это немного.

Вернемся, однако, к донесению комсомольца Смирнова. Сообщив об обнаруженном им в районе правом уклоне, он докладывает об ужесточении плана заготовок: «Вместе с партийцами заготовителями увеличили цифру вместо 25 тонн ржи — 50... 2 октября провел совещание председателей молочных артелей с вопросом о хлебозаготовках и займе. На этом собрании применили персональный вызов по запродаже хлеба и в результате дали подписи на сдачу 30 пуд. ржи и 50 пуд. овса».

Достойный молодой человек! Интересно, уцелеет ли он в грядущей мясорубке 1937 года? Если уцелеет и сделает карьеру, наверняка так же вот станет применять «персональный вызов» колхозных председателей, заставляя их выгребать остатки фуражного

зерна в счет районных планов. Так и будет действовать этот «персональный вызов по запродаже хлеба» аж до наших времен.

Другой уполномоченный — Шацкий — сообщает заворготделом обкома партии Ракитову, возглавившему пятерку по хлебозаготовкам: «Мы сейчас находимся в Погарском районе... выясняется, что мы имеем место искривление классовой линии, директиву о доведении плана до кулацкого двора поняли как разверстку не только на кулака, но и середняка, этим самым создавался вместо единого фронта бедноты, середняка, против кулака, мы наоборот имеем опасность единого фронта кулака с середняком против нас».

Эти пятерки и тройки уполномоченных безраздельно властвовали в округах и районах, подхлестывая местное начальство, творя суд и расправу. Литенбранд — Шацкому: «Мне пришлось сегодня крепко повоевать на тройке... отдельные ребята, вдаваясь в детали, скатываются к осторожности: «не взять больше», «не обидеть», а это уже пахнет сам понимаешь чем. Сам секретарь райкома Шкляров, давая сегодня политическую установку наступления на кулака, впал в филантропию. Его установка — «нажимать, но оставлять на посев, на прокорм семьи, детей, подсчитывать излишки». Это, по сути дела говоря, забота о кулаке, а не нажим на него, я так это здесь формулировал и говорил, «когда наступаешь, не жалей, не думай о голодных кулацких детях, в классовой борьбе филантропия — зло».

Такое чудовищное искажение нравственных понятий, происходящих под влиянием классовой борьбы, ощутимо почти в каждом документе смоленского архива. Видимо, из боязни воскрешения «филантропических» чувств уполномоченным запрещают ходить по дворам, смотреть хозяйства. Жестокие решения легче принимать, отгородившись от людей, не глядя им в глаза. Черную работу должен делать низовой сельский актив. Для того его создавали и воспитывали.

Тот же Литенбранд пишет 11 октября: «Кулак нажим почувствовал и удивляется, почему все было тихо, жил он здесь хорошо и вдруг... Старается найти какие-то побочные причины объяснения нажима и не может».

В самом деле, на уровне здравого смысла совершенно невозможно было найти причины войны, объявленной деревне, самому активному и трудоспособному слою крестьянства, который, собственно, и кормил страну. Уже начавшиеся по мере усиления репрессивных мер сокращение посевов, падение поголовья скота неизбежно должны были привести к голоду. Горделивые рапорты о крупных успехах в деле усиления заготовок зерна автор — составитель сборника Сергей Максудов не без основания сравнивает с восторгом первобытного охотника-собирателя, которому удалось повалить дерево и обобрать плоды.

Да и были ли те успехи? В анонимном письме, направленном в центральные газеты, а также Сталину и Рыкову, рассказывается о том, что творится в Мещовском районе. «Есть хозяйства ниже середняцких, у которых выгребли весь хлеб до зерна хлебозаготовители. А что делается с хлебом, так жутко сказать! В Мещовске хлеб ссыпают прямо под навесы без всяких стен. По хлебу ходят коровы, свиньи и люди грязными ногами. Тяжело и больно смотреть мужику, как взятый у него за бесценок хлеб совершенно непроизводительно в грязь затаптывается и скотами поедается... Не подготовили ни места, ни тары, словом, ничего, а двинули тысячи обозов с хлебом, который и ссыпается, можно сказать, под открытым небом, несмотря на наступившую осень».

Сколько раз это будет повторяться в позднейшей нашей истории: собрали хлеб, вытрясли, вывезли с колхозных токов, и лежит он в бунтах, в лучшем случае прикрытый брезентом.

«Ужели в интересах революции полнейшее разорение и обнищание крестьянских хозяйств?» — вопрошает в завершение письма анонимный страдалец.

Как было ответить тогда на этот вопрос? Теперь уж, в нынешних наших исторических пасьянсах, определяем цель коллективизации, проведенной столь трагически и безумно, ценой миллионов человеческих жизней. Упрочить власть над страной, сделать ее безраздельной, не зависящей от хлебного рынка, куда мелкотоварное крестьянское хозяйство поставляет зерно в обмен на промышленные товары; создать крупные аграрные образования, которые безгласно и безответно будут отдавать все, что отбирают, довольствуясь тем, что дают,— такова та цель. Но это сейчас она видится отчетливо и ясно, и говорить о ней — значит повторять общие места исторической публицистики. А тогда...

5

ысячи сельских активистов и городских уполномоченных разъезжали от деревни к деревне, неся разорение, горе, смятение умов. Близился тридцатый год — пора массовой и насильственной организации колхозов. В насилии они рождались, в насилии жили, превращая крестьянина в равнодушного и ленивого подневольного работника.

И когда видишь, как стучит кулаком по трибуне современный колхозный председатель, требуя запрета фильма, который ему не по нутру, понимаешь, как растлило наши души насилие.

Тот же колхозный председатель в доверительном разговоре непременно расскажет о том, как ограничивают его экономическую самостоятельность в агропроме, в верховном органе которого он так темпераментно выступает, как заставляют его районные власти сдавать сверхплановое зерно, контролируют посевы, навязывают неприемлемые нормативы — словом, насилуют его хозяйственную волю. Но он же всеми силами не допустит существования рядом с собой свободного фермера — арендатора. Только внутри колхоза, на подрядных началах, под полным его председательским контролем!

В фильме, с рассказа об обсуждении которого мы начали эту статью, есть один многозначительный и характерный эпизод. Трое парней из литовского города Таураге подрядились выращивать гусят, отдавая двадцать процентов чистого дохода колхозу, с которым они заключили договор. Стоило им, однако, вырастить первую же партию птицы, как председатель потребовал уже тридцать процентов: много, мол, зарабатываете, после второй — сорок, а затем уже и пятьдесят. Ребята плюнули и оставили это дело.

Думаете, обыкновенная зависть заставила председателя так поступать? Нет, все сложнее. Вот он стоит перед камерой — Антанас Владович Юцюс, голубоглазый, крупный, медлительный, солидно одетый, смотрит честным взором и объясняет: «Надо быть, как все». Им владеет идея равенства. Ему нужны смирные, спокойные люди, чтобы не высовывались и получали нормальный оклад.

Идея равенства трансформируется в принцип послушания, покорности обстоятельствам, начальственной воле. Именно такое равенство воспринимается как одно из непременных условий социализма. Для Антанаса Владовича Юцюса, как и для многих других людей разных социальных слоев, социализм — это прежде всего порядок, при котором есть работники, но нет хозяев. Работник получает плату, то есть столько, сколько ему положат,— тридцать, так тридцать, сорок, так сорок процентов, а хозяин — доход. Работник сегодня здесь, завтра там, а хозяин вложил в дело самого себя, частицу души, он не уйдет просто так. Он личность.

Да, с хозяином трудно. Его можно ограбить, но им нельзя командовать. Как бы там ни было, между недостатком на наших прилавках продуктов и отсутствием на земле хозяев — прямая связь.

В 29-м, 30-м хозяев выдирали из родных деревень, как глубоко укоренившиеся растения из земли. Бросали с семьями в телячьи вагоны и везли в тайгу за тысячи километров в лагеря спецпереселенцев. Некоторые убегали и шли в родные места, жили там в лесах, как гонимые звери, пока их не вылавливали и не высылали снова.

Сельских хозяев уничтожали и в последующие годы. Тяжкий сапог диктата топтал любой росток самостоятельности, достоинства, инициативы. Судьба Худенко — одно из многих тому подтверждений. Механизм взаимоотношений, созданный в двадцатые годы, оставался тем же и десятилетия спустя. Директива шла из Москвы в области, из областных центров — сельскому активу и выполнялась столь же неукоснительно и четко, как в 29-м. На смену бущукам и андреевым пришли борзовы овечкинских районных будней. Они были грамотнее, лучше владели политической фразеологией, чем их предшественники, но столь же исполнительны и безгласны. Для целых поколений работяг-районщиков насилие с одной стороны и послушание — с другой стали нормой их деятельности. Романтические и чистые мартыновы жили больше в романах. Пришло ли их время сейчас?

Страдальчески морщась, с мучительным напряжением мы всматриваемся в современную действительность. «Собственность — тяжелая ноша,— размышляет автор картины режиссер Г. Чертов.— И много ли сохранилось людей, готовых принять ее на свои плечи?» — «Старых крепких трудяг мы разогнали,— вторит ему директор эстонского совхоза Ильмар Мауритс.— Других подачками развратили. Новых хозяев нам теперь надо выращивать с малолетства».

Типичные монологи, характерные раздумья! Деды сеяли насилие, нам, внукам, достались глубоко укоренившиеся всходы. Перепахивать поля, засевать их новыми семенами — путь долгий, трудный, но единственный.

С депутатом Верховного Совета СССР, академиком АПН, известнейшим в стране педагогом-новатором Шалвой Александровичем АМОНАШВИЛИ беседует обозреватель «Огонька» Александр РАДОВ.

У Шалвы Александровича множество титулов. Самый первый и до сих пор наиболее чтимый — учитель. Обзаведясь всеми, какие есть в стране, научными званиями и степенями, ни за что не соглашается перестать быть просто учителем. Не только и не столько де-юре, а непременно де-факто, когда один на один с классом, которому нет дела, какой ты ученый, директор, депутат. Он и на Съезд-то, участником которого был, смотрел и не мог не смотреть как на класс или целую школу. Что же приметил? Как оценил? Переосмыслил ли после этого дело жизни, звезды и тернии педагогики?

— Этот Съезд очень многое и прямо у нас на глазах меняет в мышлении людей. Я б не сказал, что он поднялся до уровня, какой нам очень сегодня нужен. Тут была всего-навсего начальная школа демократии — и с хорошими уроками, и с плохими. Самое первое, чему все мы — и те, кто был в Кремлевском Дворце съездов, и те, кто сидел у телеэкранов,— научились: можно, оказывается, и жить по-другому, и мыслить иначе, чем было долгие годы принято. Наблюдая, кто как себя ведет на Съезде, я явственно ощущал: все в жизни, и в том числе социалистический парламентаризм, начинается, а точнее сказать, должно начинаться в школе.

— Слова ваши расшифровываю так: даже народные депутаты — лучшие, казалось бы, из лучших людей страны — не готовы были к демократии: психологически и нравственно не созрели, не были приучены. Готовить надо было еще со школы, так?

— Может быть, и еще раньше. Не только для будущих парламентариев, а абсолютно для всех архиважно понимать другого, сопереживать с ним, уметь, если надо, спорить, не соглашаться, не унижая человеческое достоинство. Не приучив массы сочувствовать другому, с ним, если надо, сотрудничать, окончательно погубим цивилизацию.

— Но приучать к этому словами, столь привычным морализаторством — занятие не только бесполезное, но и вреднейшее. В этой связи очень трудный и, быть может, не очень деликатный вопрос — за это простите, но не задать его не могу. Способны ли вы представить себе вашего ученика, в которого вложили душу, бегущим (с саперной лопаткой, как это было в Тбилиси, или с другим, еще более страшным оружием, как это случилось в Фергане) за безоружными женщинами?

— Могу ли представить? Конечно, нет! Прошу мне поверить: если б подобное сделал хотя бы один ученик нашей школы или даже из тех, где внедрена наша система, я бы, не раздумывая, отрекся от своей педагогики. У Ленина есть замечательная формула: «ни слова не скажут против совести». Вот такими, как мне хочется верить, и выходят из нашей школы. Хотя, конечно же, бывают за ними и шалости, и похождения: молодые ведь люди, ничто человеческое им не чуждо. Но жестокости, садизма — такого, уверен, нет...

— Тогда ваша школа — величайшее исключение, поскольку в подавляющем большинстве других ученики, как правило, способны на все. Это доказывают и последние роковые события, и общий разгул насилия в стране, и вакханалия преступности, и в том числе организованной, и подростковые бунты, и слишком уж частые немотивированные убийства... Нет ли связи между всем этим и таким явлением, которое часто подмечают психологи: учитель превратился сегодня в самую агрессивную, самую властную из профессий, где слишком многое, если не все, делается с позиции силы, запрета, нажима.

— Как ни парадоксально, учитель, если брать с одной стороны, очень напуганный человек, а с другой — что-то вроде диктатора.

— Напуганный перед миром?

— Нет, перед вышестоящими органами. Во всем мире — сужу это по личным наблюдениям, поскольку часто бываю за рубежом,— нет более напуганного учителя. У него в мозгу словно бы вмонтирован некий инспектор, проверяющий, от которого только и жди неприятностей! Но этот страх не в самой школе рожден. Он пришел из окружающей ее жизни. Авторитарная система управления государством превратила все общество в авторитарное, а оно придало авторитаризм школе.

— В чем он проявляется?

— При авторитаризме для меня, как

Окончание на стр. 27.

...На улице Варенн, перед входом в Музей Родена, вился длинный хвост очереди. Однако в тот раз столько народа собрал не сам великий и прославленный мастер, а его «подмастерье» — женщина, чье имя, как еще недавно казалось, прочно поросло травой забвения... Очередь на ее выставку, обтекавшая меня со всех сторон, тихонько гудела, полнясь сведениями, почерпнутыми накануне в парижских «вечерках»: «Училась у Родена и была его любовницей»... «Сам-то он потом испугался, что она талантливее его»... «Вот и упек в сумасшедший дом»... «Да не он упек, а родной ее брат, Поль Клодель, наш знаменитый классик»... В первом же зале возбужденный рокот стихал, уступая место сосредоточенному молчанию. А нездоровый блеск в глазах сменялся восхищенно-недоуменным выражением: «Такое чудо, а мы и не знали!»

Елена
КАРАСЕВА

Луи-Проспер Клодель, лотарингский агент по закладу недвижимости, тоже недоумевал: как это у его дочери так ловко получается лепить из глины кого попало: раз — и вылитый Бисмарк, раз — и копия Наполеона, раз — и младший брат Камиллы, Поль. А мать выходила из себя: послал господь парня в юбке, одежды не настираешься, лучше б рукодельем занялась...

Эту точку зрения полностью разделяло руководство Школы изящных искусств в Париже, двери заведения для женщин были накрепко закрыты (они приоткроются только в 1900 году, а пока на дворе 1882-й). К счастью, таких, как Камилла, молодых, целеустремленных особ, решивших, презрев запреты, заниматься скульптурой, во французской столице собралось к тому времени несколько. Они основали частные курсы и пригласили «руководить собой» знаменитого в ту пору Альфреда Буше. Пораженный работами Камиллы, педагог захотел показать их директору Школы изящных искусств Полю Дюбуа, и тот категорично поставил диагноз: «Ваша подопечная брала уроки у господина Родена». Да нет, не брала и вообще о нем в своем захолустном городке Вильнев не слыхала. И все же то была фраза провидца...

Некоторое время спустя, собравшись надолго в Италию, Буше попросил именно Родена, с которым водил дружбу, подменить его на «девичьих» курсах. Особо рекомендовал одну из курсисток.

«Прекрасный лоб над дивными глазами того густо-синего цвета, который часто встречается в романах и столь редко в жизни, большой, чувственный, но еще и очень гордый рот, густая копна каштановых волос, спадающих до самой поясницы. Вид, впечатляющий дерзостью, прямотой, превосходством и веселостью». Вот так, по описанию Поля Клоделя, выглядела тогда Камилла. Но, конечно, не одна лишь нестандартная красота девушки заставила Родена тотчас выделить ее среди остальных. Он с изумлением обнаружил сходство ее пока еще «маленьких», но явно отмеченных печатью таланта вещей с его собственными, «большими». Сходство или родство? Талант или дар божий? Прошло два года, и он пригласил Камиллу работать в его мастерской — уже в качестве ближайшей помощницы, иногда натурщицы.

КАМИЛЛА КЛОДЕЛЬ. 1864—1943.

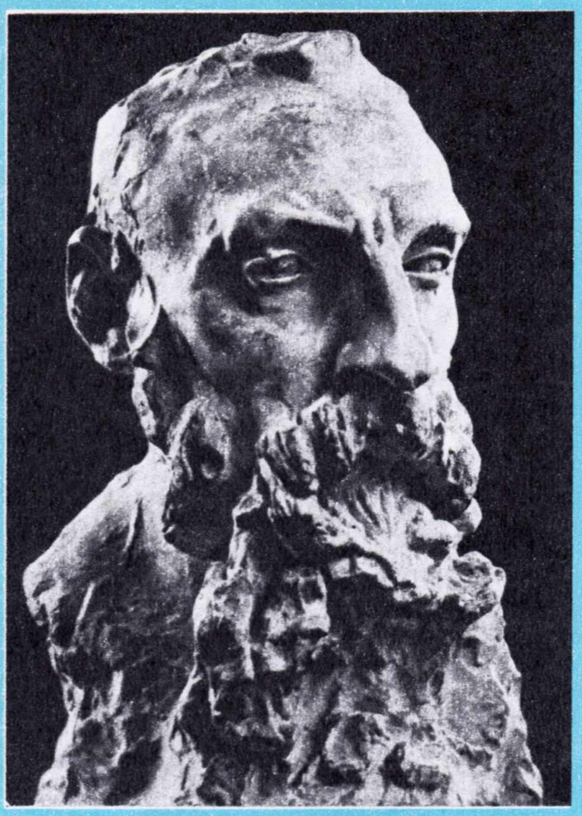
Как отнеслась к такому повороту судьбы она сама? Наивный вопрос, если знать пылкость, цельность ее характера. Любовь к учителю-чародею обожгла ее душу раз и навсегда. Это ведь наслаждение — подчиняться могучей созидательной воле обожаемого человека, ибо воля его отвечает и твоим вкусам и желаниям; ловить его взгляд, его мысль, чтобы точнее воплотить их в «порученном» тебе фрагменте грандиозного творения — такого, как «Граждане Кале» или «Врата ада».

Только так ли уж послушна Камилла? Те, кто заглядывал в мастерскую на Университетской улице и видел их рядом, в одинаковых черных халатах, перемазанных гипсом, обращали внимание на независимость, с какой держалась этот начинающий скульптор, приближенный к Родену. Да, она жадно впитывала все, что давал мастер. Но одновременно — совершенно на равных с ним — делала свою собственную работу, сохраняя и все больше высвобождая в себе себя. Он лепил ее портреты, она — его. И еще много других бюстов-портретов, в которых, несмотря на формальную верность классицизму, уже рвутся наружу ее мятежный дух и интерес к тому, что прячется «за маской лица».

В 1888 году Камилла Клодель завершает «Забвенье» — свое первое боль-

КЛОТО. 1897.

ПОРТРЕТ РОДЕНА. 1888.

шое произведение. И хотя поклонники Родена спешат увидеть в нем лишь «перепев» его нашумевшего «Поцелуя», самого мэтра лестные сопоставления не могут ввести в заблуждение. Этот «поцелуй» — целомудренный и трепетный, когда тела почти бесплотны, а руки легки, как крылья,— чисто клоделевский.

За «Забвеньем» четыре года спустя следует «Вальс» — вихрь, несущий двоих по волнам музыки и любви. По-роденовски динамично и экспрессивно? Да, но опять-таки совсем по-клоделевски хрупко, отчаянно... А вслед за «Вальсом» вдруг, как его антипод, является «Клото» — неистовая карга, прядущая нить человеческой жизни. И снова — снисходительные ухмылки всезнающих судей: «Заимствует, заимствует мадмуазель Клодель у своего великого друга».

Ох как начинают бесить Камиллу эти намеки на плагиат. «Свои произведения я извлекаю лишь из самой себя, страдая скорее избытком, нежели нехваткой идей. Господин Роден, упрекающий других в подражании, лучше бы не обнародовал свой «Дух войны», целиком скопированный у Рюда!» В этом крике души — бессильная обида на «весь Париж», распускающий о ней недобрую молву, на самого учителя — за то, что молве этой потакает.

За это и за многое другое... Да, Роден делит с ней время и кров: они давно уже снимают маленький особняк на Итальянской авеню, вместе много путешествуют, читают. Но ведь он по-прежнему принадлежит и другой женщине, Розе Бере — верной спутнице с молодых трудных лет. К ней его привязывает слишком многое: долг, привычка, ощущение прочности существования... Однако требовательной Камилле все эти «оправдательные моменты» безразличны, она не признает подобной раздвоенности: или — или. Отчаявшись, потеряв терпение, она оставляет милый сердцу особняк.

Пора счастья родила свои прекрасные скульптурные образы. Пора разлуки — свои, не менее сильные и выразительные. Из-под ее рук в тот роковой 1895 год вышел первый вариант «Зрелого возраста» — юная, коленопреклоненная женщина с мольбой пытается удержать за руку любимого, которого упрямо тянет к себе старуха-смерть. Их руки еще не разомкнулись, герой еще не принял окончательного решения. Во втором варианте, созданном через три года, старость властно уводит за собой покорившегося, смирившегося мужчину.

К этому времени разрыв с Роденом бесповоротен. Сам мэтр повел себя здесь довольно «неоднозначно». Растерянно жаловался друзьям на «непонятный» уход Камиллы, но не просил ее вернуться. Зная о ее катастрофическом безденежье, хлопотал, чтоб пристроить работы «своей ученицы» на ту или иную выставку. Но при этом незаметно чинил препятствия заключению договора на покупку государством «Зрелого возраста»,— очевидно, не хотелось выставляться на всеобщее обозрение в таком вот неприглядном облике «мягкотелого любовника»... Куда приятнее под аплодисменты толпы открывать перед Пантеоном своего «Мыслителя»... Пока он открывал, она униженно упрашивала судебного пристава немного повременить, не выселять ее из квартиры за арендные долги.

Нет, это еще не был конец. Еще предстояло Камилле слепить удивительные и совсем непохожие на все, делавшиеся ранее, вещи, самая неожиданная из которых — жанровая композиция «За разговором»: сплетницы в бане упоенно и деловито обсуждают чью-то личную жизнь... Еще предстояло в 1908 году создать «Ниобиду» — девушку-дитя с теми же чертами лица, что у счастливой героини «Забвенья», в той же самой позе, но теперь одинокую, смертельно раненную в грудь ядовитой стрелой... До последнего мига, пока хватало воли и рассудка, Камилла Клодель в своих скульптурах оставалась собственным биографом.

Но... рассудок все чаще затягивался мутной пеленой; творческий огонь угасал. Она рисовала теперь жуткие шаржи на Родена и Розу Бере. И периодически, в приступах неудовлетворенности, разбивала свои работы. Навязчиво заводила разговоры о том, что Роден «покушается на ее замыслы», «выкрадывает ее скульптуры»... Первые признаки тяжкого душевного недуга.

10 марта 1913 года к дому номер 19 по набережной Бурбонов подъехала карета «скорой помощи», и дюжие санитары отворили дверь квартиры на первом этаже. Ее обитательница была доставлена в психиатрическую клинику парижского пригорода Виль-Эврар. Оттуда больную вскоре перевезли в другую лечебницу — в Мондеверг, забытый богом угол на юге Франции, где ей предстояло провести 30 лет. Больную ли? Судя по всем свидетельствам — да. Настолько ли тяжелую и безнадежную, чтобы заточать ее — пожизненно! — в одно из самых страшных в своем роде заведений, имевшее прочную славу «загона для смертников»?..

«Потребовалось вмешательство... Жильцы жаловались: что это за странная квартира с вечно закрытыми ставнями, что это за дикое и пугливое существо, выходящее из дома лишь рано утром, чтоб раздобыть себе чего-нибудь на прокорм?..» Так объяснял случившееся много лет спустя Поль Клодель — тот самый младший брат, который в детстве всегда восторженно взирал на обожаемую сестру, возносил ее до небес. Но явился Роден и низверг его идеал в пропасть, в грязь... Этот нескончаемый «позорный роман» вызывал в Поле — к тому времени молодом и уже весьма преуспевшем дипломате и поэте — чувство оскорбленного достоинства. Он все сильнее ненавидел Родена и все настойчивее подталкивал Камиллу к спасительному, как ему казалось, разрыву.

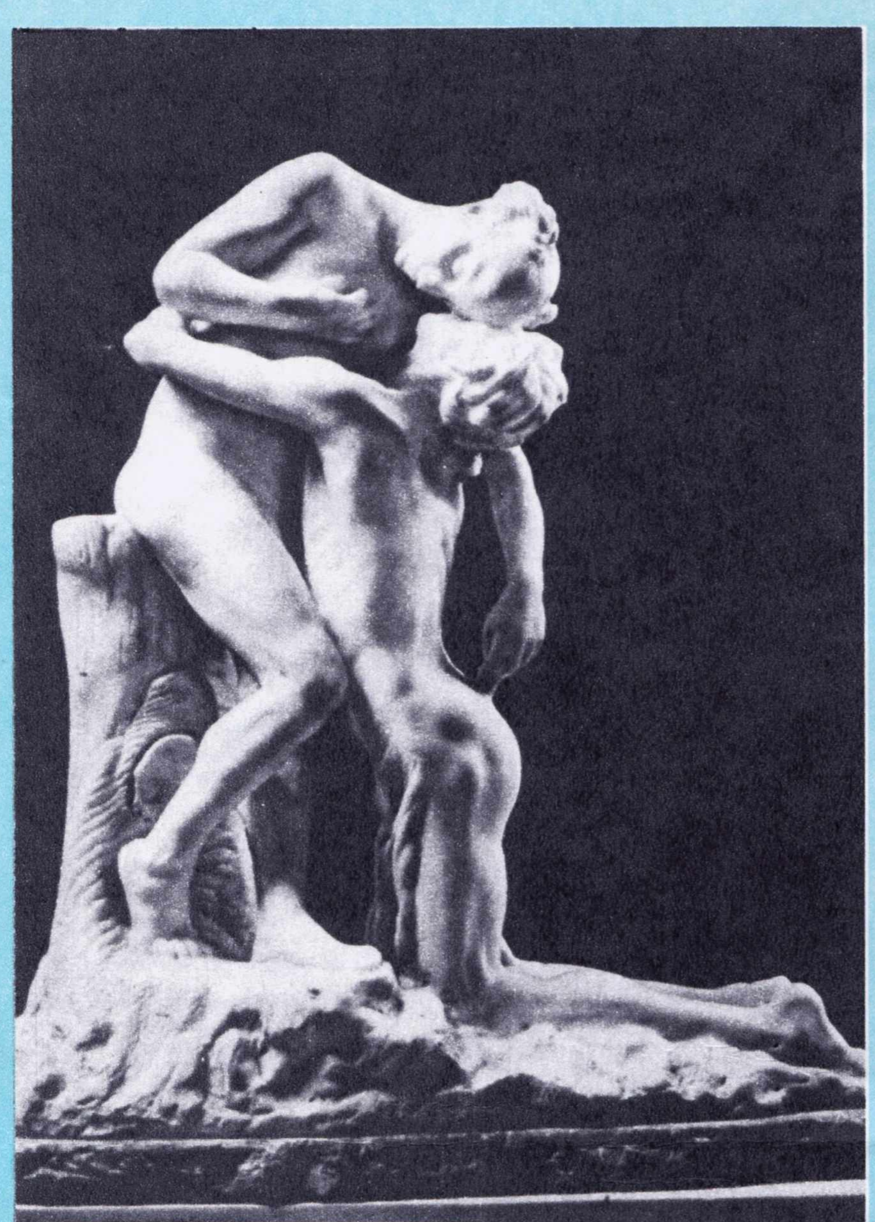
Когда ее психическое расстройство стало углу́бляться, по Парижу поползли слухи, разговоры. Нет нужды объяснять, как это шокировало добропорядочное семейство Клоделей.

«Потребовалось вмешательство...» Элегантная попытка оправдаться, кивнув на соседей сестры. Но туда, куда ее забрали, забирали исключительно с согласия членов семьи. И такое согласие, как установлено, имелось. Семья сознательно пошла на этот шаг, а впоследствии на все другие, не менее жестокие шаги, отказываясь забрать Камиллу из Мондеверга даже тогда, когда сделать это советовали местные врачи; запрещая ее знакомым, и прежде всего «прокаженному» Родену, оказывать ей материальную помощь.

Трудно да и, наверное, бессмысленно сегодня подробно разбираться в той страшной семейной и личной драме. Можно только добавить, что сама Камилла до конца дней продолжала винить во всех своих муках того, кого не переставала любить. Можно, наконец, послушать ее голос, звучащий в письмах, которые она писала своим близким из зловещего приюта. «Не могу больше выносить крики всех этих созданий! Боже, как же мне хочется снова оказаться в родном Вильневе! Не для того же я так работала, чтобы закончить жизнь под многозначным номером

ВАЛЬС. 1893.

ЗАБВЕНЬЕ (один из вариантов). 1905.

ПОРТРЕТ ДЕВОЧКИ. 1894—1895.

в сумасшедшем доме! Я заслужила лучшего...»

«Для всех этих больных — возбужденных, крикливых, буйных, угрожающих другим — здешние порядки необходимы. Но почему же так случилось, что и я тоже вынуждена терпеть этот уклад?»

«Если бы я могла снова вернуться к нормальной жизни, то счастье мое было бы слишком велико, чтобы посметь хоть в чем-то вас ослушаться. Я так настрадалась, что не решилась бы и шага лишнего сделать. Ты пишешь, что за мной кто-то должен ухаживать. Но у меня никогда не было нянек...»

«На днях несчастную лицейскую преподавательницу, тоже попавшую сюда, нашли мертвой в постели — умерла от холода. Невозможно вообразить, до чего холодно в Мондеверге. И это длится семь месяцев в году...»

И уже под конец жизни:

«Каким счастьем было бы очутиться в Вильневе. Прекрасный Вильнев, лучше которого нет ничего на земле!»

* * *

Ей так и не довелось осуществить заветную мечту — вернуться домой. Она умерла в октябре 1943 года в Мондеверге, где и была похоронена. Администрация больницы известила ее брата о том, что «у мадмуазель Клодель к моменту кончины не обнаружилось ни личной одежды, ни ценных бумаг, ни вообще каких-либо вещей, могущих служить памятью». А когда 12 лет спустя — после смерти посла и академика Поля Клоделя — семья решилась наконец-то перезахоронить прах Камиллы, местное похоронное бюро ответило, что «данный участок кладбища был использован для других служебных нужд, и могила исчезла».

Но сбылась, хотя и с большим опозданием, другая ее страстная мечта — о признании особого, ей одной принадлежащего дара, в который сама она глубоко верила.

Сбылось предсказание литератора Армана Дейо, писавшего: «Меня крайне удивит, если мадмуазель Клодель не займет однажды, внезапно, свое место среди крупнейших скульпторов эпохи».

Именно внезапно Франция открыла для себя сегодня Камиллу Клодель. И набросилась на нее бурно и нетерпеливо, будто наверстывая упущенное: первая большая выставка пять лет назад (с которой я начала рассказ), каталоги, альбомы, воспоминания, телепередачи и имеющий огромный успех фильм о ней с Изабель Аджани и Жераром Депардье в главных ролях... Набросилась слишком даже бурно — как на новую моду, на сенсацию, к которой весьма располагал трагизм этой женской судьбы. Мода скоро пройдет. А вот признание останется. Камилла вернулась — теперь уже навсегда.

ПАРИЖ — МОСКВА

МОЛЬБА. 1894.

ОБРЕТЕНИЕ ВЕРЫ

С Председателем Совета Министров Казахской ССР Нурсултаном НАЗАРБАЕВЫМ беседует собственный корреспондент «Огонька» Юрий ЛУШИН

Впервые встретившись со своим собеседником в начале 70-х годов, когда Н. А. Назарбаев был секретарем парткома Карагандинского металлургического комбината, еще тогда отметил в его характере самостоятельность и твердость позиции. То было время бурных восторгов по поводу пуска первой в мире самой мощной домны или строительства самой крупной ГЭС, время броского лозунга «Все во имя человека, все для блага человека!» (Какого? Может быть, того единственного, увенчанного многими Золотыми Звездами, не считая усыпанной алмазами маршальской?), когда при неуклонном скудении магазинных полок рождалась «магистраль века»... «Самая, самая» домна как раз и строилась тогда в Темиртау. И все хотели ее воспеть, а в первую очередь, естественно, отцы города, ну и области, конечно. Нельзя сказать, чтобы секретарь парткома не радовался супердомне, но он хотел, чтобы наряду с ней в городе строились и жилье, детсады, техникум, спортивный комплекс с бассейном, профилактории, поликлиники. Сам проработавший много лет горновым у печи, потом инженером-металлургом, Назарбаев знал, как тяжело жить без всего этого рабочему человеку, понимал, что именно по этой причине текучесть кадров на комбинате достигала 35 процентов и хронически проваливался государственный план. Он открыто говорил об этом и отцам города, и секретарям обкома, и приезжим журналистам, разбавляя розовую струю восторга изрядной долей критики. Но в ходу тогда была полуправда, и в итоге печатные страницы оказывались чисто розовыми.

Тогда он рассказал обо всем секретарю ЦК КПСС, которого знакомил с комбинатом. Тот уехал, все осталось по-прежнему... на месяц. А через месяц явилась в Темиртау целая бригада из ЦК, тщательно ознакомилась с положением дел и постановила: рассмотреть в ЦК КПСС вопрос о работе парткома комбината по созданию стабильного коллектива. Уезжая в Москву, Назарбаев готовился к худшему, но его во всем поддержали. Вскоре комбинату выделили крупные средства на строительство жилья и соцкультбыта... Да, в любые тяжелые времена, в том числе и застойные, находились люди честные, неравнодушные, болеющие за дело и отстаивающие истину в любых обстоятельствах.

Судьба испытывала характер Назарбаева на стойкость еще не раз, но особенно сурово в 1986 году. В тот год он как-то сразу поседел и впервые в жизни закурил. Став в 1984 году в свои 44 самым молодым в стране Председателем Совета Министров, он с головой ушел в новые для себя обязанности. Проблемы промышленности он и до этого знал глубоко (работая секретарем ЦК КП Казахстана, курировал именно эти вопросы), теперь же хотел разобраться в сложностях сельского хозяйства, особенно в животноводстве. Начал разбираться и поразился: никто в точности не знал, сколько же скота пасется на пастбищах республики. Тогда вместе с Комитетом народного контроля на свой страх и риск задумал он провести учет скота в нескольких областях.

Люди, живущие вдали от Казахстана, могут удивиться: страх, риск — не преувеличение ли это в отношении предсовмина? Люди, живущие в Казахстане, знали, что мнение любого руководителя, даже очень высокого ранга, должно было прежде всего совпадать с мнением Д. А. Кунаева, руководившего тогда республикой. Только в этом случае его идеям «зеленая» улица, в противном — «красный» свет. Назарбаев сознательно пошел на красный. Кунаев почему-то очень не хотел пересчета скота, может быть, догадывался, какие застарелые язвы приписок в ходе проверки неминуемо вскроются? Результат ее поразил всех — сотни тысяч голов неучтенного скота содержались в общественном стаде, причем владели ими и судебные чиновники, и руководители хозяйств, и партийные, и советские работники, и депутаты, и сами чабаны. В Кзыл-Орде обнаружилась бумажная ферма — исправно получали зарплату заведующий, бухгалтер, пастухи, корма выписывались на целый табун, только вот ни одной живой лошади и в помине не было.

Последствия после обнародования результатов проверки оказались для Назарбаева грозными. Словно по команде, посыпались в ЦК республики и в Москву анонимки, обвиняющие его в разных грехах. Анонимки проверялись помощниками Кунаева весьма заинтересованно, но ни одна не получила ни малейшего подтверждения. И все же он чувствовал, что тучи над ним сгущались. Их сразу не мог разогнать даже свежий ветер перемен после апреля 1985 года. Нужен был декабрь 86-го, очистительный и драматический одновременно...

Все эти факты были мне известны давно, но хотелось расспросить Назарбаева о подробностях того нелегкого периода. Однако Нурсултан Абишевич вежливо, то твердо сказал: «Давайте не будем об этом, лучший судья — время».

«ВАЛОВАЯ» ПСИХОЛОГИЯ

— Нурсултан Абишевич, в своем выступлении на Съезде народных депутатов вы затронули ряд проблем, характерных для Казахстана. Обо всем ли удалось сказать?

— Обо всем за пятнадцать минут, конечно, не скажешь, но о главном, надеюсь, успел. Уверен, что настоящий суверенитет республик, в ленинском его толковании, сделает сильными и сами республики, и страну в целом. Проблем в Казахстане хватает, но главные из них — жилье, снабжение продовольствием — республика уже решает самостоятельно.

— Оправдал ли Съезд ваши надежды?

— В чем-то даже превзошел. В остроте дискуссий, например, хотя излишняя горячность некоторых выступавших, на мой взгляд, была не всегда оправданной. Зато сколько смелых, острых выступлений, сколько глубоких и дельных мыслей мы услышали! Важно теперь не растерять их, использовать на благо перестройки, воплотить в жизнь.

— А как вообще вы оцениваете процессы перестройки в республике? Некоторые скептики утверждают, что никакой перестройки вообще нет, что это только слова, а на деле ничего не изменилось.

— Мне знаком такой тип людей. Они бы хотели, чтобы кто-то пододвинул перестройку прямо к их порогу, но сами для этого палец о палец не хотят ударить. Зато будьте уверены: когда пробьет час победы (а он обязательно пробьет), именно они громче всех закричат: «Мы тоже «пахали», себя не жалели» и т. п. К ним примыкают откровенные демагоги и скрытые противники перестройки. Когда начинается весеннее половодье, то в большой воде неминуемо всплывают пена и прошлогодний мусор, вода очистится лишь спустя какое-то время. Так и у нас. Еще не кончилась весна перестройки, но изменилось уже очень многое.

— И все-таки, согласитесь, первые шаги радикальной экономической реформы пока не сказались на уровне жизни населения. Ведь человек судит об успехах перестройки по магазинным витринам. Увы, многие из них уныло однообразны, заполнены неходовым товаром, что равнозначно пустоте. К тому же, как я узнал из справочного материала, переданного мне вашими помощниками, республика завозит товаров широкого потребления на семь миллиардов рублей в год. Почему сложилось такое положение?

— Подобные вопросы мне задают теперь, не щадя самолюбия (иногда на повышенных тонах, возбужденно, если разговор идет прямо на улице), во многих областях республики довольно часто. В них правда жизни, а на правду обижаться нелепо. Что скрывать, в настоящее время объем вырабатываемой в республике одежды и обуви обеспечивает потребности чуть больше половины населения.

Такое положение сложилось не вдруг. Многие десятилетия Казахстан развивался однобоко, основной упор делался на добывающие отрасли или первичную переработку сырья, которое вывозилось и продолжает вывозиться за пределы республики. В легкой промышленности, основном производителе товаров для народа, преобладал, как и везде, валовой подход, то есть основное внимание уделялось строительству предприятий, дававших большие объемы товарной продукции, но не улучшавших в целом обеспечение населения готовыми изделиями в широком ассортименте.

Думаю, что переход предприятий на хозрасчет и самофинансирование, широкое развитие аренды, конкуренция с кооператорами должны окончательно сломать «валовую» психологию.

— Давайте представим, что Казахстану разрешено все сырье перерабатывать на месте, не вывозя в другие регионы. Что произойдет?

— Думаю, что захлебнемся, потому что мало перерабатывающих предприятий, машиностроение в республике развито очень слабо. В общем объеме промышленного производства оно составляет всего 17 процентов, а по стране — для сравнения — 34,5. Теперь мы стремимся сократить этот разрыв, а также увеличить долю наукоемких производств: приборостроения, электронной и электротехнической промышленности.

Для исправления перекосов в экономике потребуется, конечно, не один год, но уже сейчас мы создаем более 20 предприятии министерств электронной и радиопромышленности. Разворачиваются они, в частности, за счет освободившихся административных зданий и сокращения управленческого аппарата двух упраздненных недавно областей. Например, в Аркалыке, бывшем областном центре Тургайской области, в зданиях обкома и облисполкома размещены электротехнические производства.

— Вы хотите сказать, что в этих зданиях теперь заводы, а бывшие управленцы превратились в рабочих?

— Именно так. Две тысячи человек там будут работать, выпускать микрокалькуляторы, запасные

части, другие приборы. Кстати, то же самое произошло в Шевченко, центре упраздненной Мангышлакской области. Разумеется, бывших управленцев мы предварительно обучали новым профессиям. Всего же по республике высвободилось более 33 тысяч человек и 150 тысяч квадратных метров площадей, на которых размещены не только предприятия, но и больницы, детские сады.

— Как решается проблема избыточных трудовых ресурсов в южных областях Казахстана? Известно, что надежда на естественный отток людей в другие регионы не оправдалась. Не желают люди покидать теплые края. Одна западная радиостанция даже объявила, что в Чимкентской области безработица.

— Не хотят люди покидать родину — так, видимо, будет точнее. Что же с этим поделаешь? А вот что. Можно ведь привести работу к людям, а не наоборот. И тогда не придется им покидать насиженных мест. Для этой цели мы использовали сто модулей, выделенных нам правительством СССР. Это начало, их будет значительно больше. Модули — легкие здания из сборных конструкций, которые очень быстро и легко монтируются практически в любом подходящем месте. В каждом из них можно развернуть, установив соответствующее оборудование, швейный или обувной цех, колбасное или кондитерское производство, филиал меховой фабрики, да мало ли что еще. Причем продукцию такие цеха способны давать через считанные месяцы. Видели бы вы, как обрадовались люди. Это ведь не просто работа. Это понимание человеческих проблем, воспитание национального рабочего класса, повышение жизненного уровня людей, это и насыщение рынка дефицитными пока товарами.

— Получается, что решение, казалось бы, чисто хозяйственной проблемы помогает решению социальных, политических вопросов?

— Вот именно, все взаимосвязано, и люди это очень тонко чувствуют. Вряд ли они поверили бы в перестройку, если бы ЦК и правительство республики, объявив, например, о жилищной программе и пообещав ее в срок выполнить, не сдержали бы своего слова. Но программа успешно выполняется и даже с опережением намеченных сроков. Она буквально всколыхнула всю республику, весь народ. Сейчас в Казахстане ежегодно строится 160 тысяч квартир, тогда как раньше осиливали 100—110 тысяч. Сняты необоснованные ограничения и препоны в индивидуальном строительстве. В Алма-Ате под особый контроль поставлено возведение студенческих общежитий, а в начале 1987 года правительство приняло решение приостановить работы на административных зданиях, чтобы освободившиеся силы и средства направить именно на общежития. Оно, это решение, неукоснительно выполняется. Тем не менее в квартирных очередях стоят еще десятки тысяч человек, поэтому нам нельзя успокаиваться, впадать в благодушие. Темпы строительства нужно, безусловно, наращивать, как бы нам ни было трудно. Особую напряженность эта задача приобретает потому, что Казахстан, как и все республики нашей страны, потрясенные трагедией Армении, направляет туда максимально возможную помощь — деньги, донорскую кровь, одежду, технику, юрты, лучшие бригады строителей. Значит, оставшиеся здесь должны будут работать и за уехавших товарищей.

ХЛЕБ НАШ НАСУЩНЫЙ...

— Как решается в республике продовольственная проблема?

— Откровенно говоря, непросто. Разработана специальная продовольственная программа, но с сожалением должен констатировать, что ее задания по ряду показателей не выполняются. Так, по зерну за три года пятилетки они выполнены лишь на 84 процента, по мясу — на 99, по молоку — на 97, по картофелю — на 86, по овощам — на 81, по плодам и ягодам — на 76. При этом в комплексе, то есть по производству всех видов продукции земледелия и животноводства, ни одна из 17 областей республики не выходит на запланированные программой рубежи.

Это вполне объективный взгляд на сложившееся положение. Он заставляет задуматься над тем, где мы совершаем промахи, что нас тянет назад. И вот тут мне все-таки хочется взглянуть на проблему еще и глазами оптимиста и отметить, что за последнее время душевое потребление мяса в республике возросло на 9 килограммов, а молока — на 33 (в прошлой пятилетке потребление молока снизилось на 15 килограммов, а мяса возросло только на два). Стало быть, движение вперед, может быть, не такое быстрое, как бы хотелось, все-таки есть. Взгляд оптимиста заставляет задуматься над тем, как широко распространить опыт передовиков. И тогда выяснится, что этот опыт обеспечен раскованной инициативой человека, которому вернули, наконец, утраченное за годы сталинщины и застоя чувство хозяина земли. Он, теперешний хозяин, смело берет в аренду пашни или фермы, внедряет хозрасчет и интенсивную технологию. За ним будущее.

Впрочем, сохранилась еще и позиция ленивого или просто равнодушного человека. Этот все может оправдать: культ личности — достижениями страны (о том, что без культа они могли быть неизмеримо большими, и слышать не желает); застой — снисходительным терпением мужика; неурожай — плохой погодой. Лень и равнодушие вообще отвратительны, но если этим страдает руководитель, то от руководства его надо отстранять немедленно. Беда, если такие начнут пристраиваться к перестройке... Как известно, решение продовольственной проблемы поставлено партией в разряд первоочередных, наиглавнейших. В республике есть примеры успешного ее решения, «Огонек» о них сообщал.

Но таких примеров еще мало. В чем же дело? В нас самих, в нашем неумении быстро и гибко реагировать на меняющиеся обстоятельства. Например, много лет назад была выдвинута идея (кем, сейчас неважно, хотя известно, ради чьего престижа), что Казахстан должен довести поголовье овец до 50 миллионов. При постоянной нехватке кормов, при сокращении и скудении пастбищ, при дефиците чабанских кадров все попытки достигнуть этого рубежа терпели неудачу. Почему не пойти по другому пути: не поголовье наращивать, а вес животных? В последние годы вес сдаваемых овец в среднем увеличился с 35 до 40 кг. Это далеко не предел, вон Николай Никитович Головацкий в своем колхозе откармливает валушков до 60 кг... Увлекались строительством огромных мясокомбинатов, а скот перегоняли к ним, везли за 500—700 километров. Животные теряли в весе, труд тысяч людей шел насмарку. По самым грубым прикидкам, дальние дороги и очереди на мясокомбинатах съедают по 40—50 тысяч тонн мяса ежегодно. Сейчас мы срочно строим небольшие перерабатывающие предприятия, холодильники, скотобойни, приближенные к местам производства. Да только за счет углубленной, комплексной переработки мяса можно получать продукции в 1,5 раза больше, чем получают сегодня на наших мясокомбинатах.

Сравните: в Белоруссии из тонны мяса получают продукции на 1700—1800 рублей, а в Казахстане — лишь на 1180 рублей. Прикиньте, сколько резервов. А если посмотреть, как мы храним продукцию? Разве не преступно почти третью часть выращенных овощей и картофеля из-за скверного хранения в итоге выбрасывать? Сейчас мы пошли по пути создания небольших хранилищ в самих хозяйствах, поскольку решающее значение имеют сроки закладки продукции на хранение без лишних перевалок... А как мы поливные земли используем? Их в Казахстане 2 миллиона 300 тысяч гектаров, всего 5 процентов от всей пашни, зато дают они 30 процентов стоимости продукции земледелия. Вроде бы хорошо. Но стоит ли в этой зоне выращивать зерновые колосовые (всего-то 1,5 миллиона тонн)? Сдавая зерно, потом все равно выпрашиваем фураж, чтобы кормить скот. Не логичнее ли в этой зоне выращивать корма и овощи, дефицит которых ощущается в республике повсеместно?

— В период освоения целинных земель были распаханы (в погоне за валом, за масштабностью — за это награждали) даже такие скудные земли, которые заведомо не могли плодоносить. Например, полупустыни на юге республики, а также в Павлодарской, Актюбинской, Уральской, Семипалатинской областях. В итоге овцеводство лишилось пастбищ, а земледелец так и не приобрел пашню. Тем не менее каждую весну они засеваются, и больно смотреть осенью на скудную жатву, которая и семян не оправдывает. Зачем же мы обманываем и себя, и людей? Не пора ли вернуть эти земли в ранг пастбищ. Возможно ли это?

— Считаю, что эта проблема из очень важных. Дело в том, что вовлечение новых земель в оборот происходило и после 1961 года, и к 1980 году было дополнительно распахано более семи миллионов гектаров. Сейчас считается, что казахстанская пашня занимает свыше 40 миллионов гектаров, но 6 миллионов из них — низкопродуктивные распаханные пастбища, о которых вы говорили. И это при том, что однажды после детального обследования (более 20 лет тому назад) уже пришлось исключить из оборота два миллиона гектаров (в Павлодарской области, например, более 800 тысяч гектаров, в Актюбинской — свыше 500 тысяч, в Уральской — 156 тысяч и так далее). По-хорошему, надо бы все малопродуктивные земли выводить из оборота, но, увы, нельзя. Они включены в структуру посевных площадей, на них запланировано производство зерна.

— Вы хотите сказать, что у Совета Министров республики нет власти или права, чтобы прекратить, по сути, безнравственное дело: сеять зерно в бесплодную землю?

— Точно, нет у нас пока такой возможности. Сейчас разрабатывается концепция развития страны до 2010 года. Так вот в некоторых московских ведомствах (пока без консультаций, без обсуждения вопроса с республиканскими органами) Казахстану дается примерно такой прогноз: республика должна давать 34,1 миллиона тонн зерна в год уже к 2000 году. Запомните эту цифру. За тридцать пять лет после освоения целины Казахстан лишь однажды достиг валового сбора в 34,5 миллиона тонн, собрав с каждого гектара в среднем по 13,6 центнера зерна. Лишь однажды. В остальные годы собирали в среднем по 21—22 миллиона тонн.

Откуда же взять дополнительные 13 миллионов, какое чудо должно произойти? Переходить повсеместно на интенсивную технологию? Она требует, как известно, увеличения минеральных удобрений, которые приносят настоящий эффект только в сочетании с определенным количеством влаги, причем в определенное время. А у нас все поля в зоне рискованного земледелия. Поэтому те пять миллионов гектаров, которые у нас возделываются по интенсивной технологии, ожидаемого эффекта не принесли, хотя некоторый прирост урожайности достигнут. Вообще это комплексная проблема, в решении которой огромную роль играет техника. Ведь что такое, допустим, жатка с 7—8-метровым захватом, о которой давно мечтают целинники, вместо традиционной 4-метровой? Это экономия комбайнов: вместо трех может работать один, это и сокращение сроков уборки, а значит, и сокращение потерь зерна. Но выгодна ли такая экономия комбайновым заводам, которые в условиях хозрасчета и самофинансирования будут стремиться, что естественно, продать как можно больше своих машин и дороже? Захочется ли им изобретать жатку, которая сделает ненужными два комбайна? Хотя, ради справедливости, с трудом, но перелом наступает и здесь.

У нас распахано девять миллионов гектаров солонцов, которые запланированного в директивных бумагах урожая не дают. Да и не могут пока дать. На этих землях нужно проводить мелиорацию: глубокое рыхление, перемешивание солонца с мелиорантами — фосфогипсом, известью, засевание травами в течение двух — четырех лет, и только после этого можно переходить на зерновые. Однако нужной для такой мелиорации техники тоже нет, а говорим мы об этом тоже много, много лет. Как же можно, не развязав клубок таких проблем (это еще не все), всерьез говорить о 34 миллионах тонн зерна?

Вообще, мне кажется, пришло время взглянуть на целинные земли свежим взглядом, как на чистый лист. Нужно определить в разных областях, в разных районах истинную цену земли, то есть то, на что способен гектар, что он стоит. Если взять за эталон, за 100 баллов российский чернозем, то в сравнении с ним лишь земли Северо-Казахстанской области потянут где-то баллов на 60, остальные — от 15 до 34. О чем это говорит? Да о том, что по урожайности нам нет смысла соревноваться, допустим, с Белоруссией или Прибалтикой. Зато у нас есть то, чего нет у них. Казахстанские земли пригодны для выращивания сильных и твердых сортов пшеницы, то есть лучших продовольственных сортов. Так почему бы республику не специализировать именно на них, а фуражное зерно выращивать в других местах? Правда, до последнего времени такую пшеницу возделывать было невыгодно: стоила она наравне с другими, а по урожайности уступала в два — четыре раза. Теперь установлены надбавки за высокий процент клейковины, который содержат твердые и сильные сорта. Мартовский Пленум решил пересмотреть оптовую цену на пшеницу. Появился какой-то стимул. Если исходить из этого, учитывая, что средняя урожайность твердой пшеницы составляет 12 центнеров с гектара, а высшая в лучшие годы не более 18, то честно нужно сказать: по нашим прогнозам, казахстанская нива может давать по 30—32 миллиона тонн зерна в год. Говорить о большем — значит, обманывать народ.

— Я знаю, что в системе Госагропрома Казахской ССР десятки предприятий хронически убыточны. Среди них, например, совхоз имени XXII съезда КПСС Экибастузского района Павлодарской области, где при валовом доходе в 33 тысячи рублей выплачено зарплаты более миллиона. Что же делать с такими предприятиями?

— Да, в республике подобных хозяйств более 30. Конечно, в новых экономических условиях они существовать не могут. Они банкроты. Что действительно с ними делать? Вытаскивать из долговой ямы, наши ведь люди там живут. Вариантов несколько. Передать убыточные хозяйства или их подразделения по частям, более крепким. Или отдать их кооперации. Или

сдавать в аренду. Или включать в создаваемые ассоциации промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Или превратить их в подсобные хозяйства крупных заводов. То есть в каждом конкретном случае должен быть свой вариант решения проблемы.

КАК БРАТ БРАТУ

— Вы упомянули 86-й год, и я не могу не вспомнить об известных декабрьских событиях. Не считаете ли вы, что они обострили межнациональные отношения в республике?

— Считаю, что они обнажили годами копившиеся проблемы в этих отношениях. Не обострили, нет. Мы извлекли из них уроки.

— Как тогда объяснить недавние попытки создания в Джамбуле неформального объединения явно националистического толка (главная идея — обособление казахов от других народов СССР)?

— Ослаблением внимания к вопросам интернационального воспитания. Старая наша болезнь: энергично начав какое-то дело, затем пускаем его на самотек. И потом не надо забывать, что национального вопроса в чистом виде просто не существует. Он тесно переплетен с экономическими проблемами, социально-политическими и нравственными аспектами. Не случайно ведь проблема Нагорного Карабаха возникла из упущений социальных, экономических, этических.

Кстати, за джамбулским «лидером» народ не пошел. Думаю, что в этом далеко не последнюю роль сыграла сильная социальная политика, которая активно проводится партией в Казахстане: успешное выполнение той же программы «Жилье-91», сдвиги к лучшему в продовольственном обеспечении... Это подкрепляется усиленным вниманием к изучению казахского языка в школах, пропагандой двуязычия, открытием детских садов с воспитанием на родном языке — казахском, уйгурском и т. д.

— Но я помню, как один такой казахский садик, торжественно открытый в Алма-Ате, был объявлен тогдашним руководителем Комитета партийного контроля при ЦК КПСС М. С. Соломенцевым в 1986 году чуть ли не рассадником национализма.

— Могу сказать, что люди до сих пор и в письмах, и в личных встречах выражают недоумение по поводу того выступления. И не только казахи, оно многих обидело. Правда же состоит в том, что многие казахи, особенно в больших городах, плохо знают родной язык. Согласитесь, это ненормально.

— Согласен. Но почему в то время никто не возразил М. С. Соломенцеву?

— Но ведь никто из журналистов тоже не выступил против. Наша беда — рабство старого мышления, оно медленно, по капле из нас выдавливается. Что скрывать, возразивший тогда сам мог быть обвинен в национализме. У нас уже бывало, и не в столь давние времена, когда на человека, углубленно занимавшегося изучением истории родного народа, воссоздававшего честно, без ретуши сложные этапы его развития, вешали ярлык националиста. Например, тщательно замалчивался голод 32—34-го годов, возникший в результате насильственного обобществления скота и унесший миллионы жизней казахов, разоривший республику. Межнациональные отношения — вещь хрупкая, тонкая, легкоранимая. Казалось бы, мелочь: пришло письмо в Совет Министров на казахском языке, а ответили на русском. Нет, не мелочь, обидеть можно смертельно, лишить веры в интернационализм.

— В стране давно работают исследовательские институты Востоковедения, США и Канады, Мировой экономики и международных отношений, но нет института, который бы исследовал межнациональные отношения, связи, интересы, проблемы внутри многонационального Союза ССР. Нормально ли это?

— Думаю, что утвердительного ответа вы не ждете. Известно, что именно в Казахстане впервые возникли сразу после декабрьских событий комиссии по межнациональным отношениям — сначала в Алма-Ате, потом в областях. Теперь открылся Центр пропаганды ленинской национальной политики. В нем будут изучать опыт, обмениваться мнениями, дискутировать по всем вопросам национальных и межнациональных отношений социологи и экономисты, лингвисты и обществоведы, партийные работники и представители общественных инициатив, писатели, депутаты... Возможно, наш Центр станет прообразом того института, о котором вы говорите.

— Недавно белорусский писатель Нил Гилевич, выступая в «Правде», процитировал страшные, по-моему, заявления некоторых молодых белорусов: «Я ненавижу эту свою «родную мову» (!), «меня просто бесит, когда в моей речи попадаются белорусские слова» (!)». Как же можно дойти до такого?

— Понять трудно, просто какая-то патология души. Не представляю, чтобы какой-нибудь казах мог произнести нечто подобное. О языке можно говорить много, но скажу коротко. Я за двуязычие, за равноправное существование языков. Каждый из них уникален, каждый имеет право на свободное развитие. Но будет справедливо, если русский, украинец или белорус, живущие в среде казахского народа, будут добровольно стремиться знать его язык. Что, от знания казахского языка русский человек станет менее русским? Что, в казахе от постижения русского языка убавится его национальная гордость? Если будет расцветать культура каждого народа, то выиграет общая наша культура. Для меня это аксиома.

— Как вы относитесь к смешанным бракам?

— Нормально, если они результат взаимной любви. Их невозможно ни искусственно сдерживать, ни подстегивать. Вот наш знаменитый механизатор Наташа Геллерт по национальности немка, а ее муж казах. Известная поэтесса Надежда Лушникова русская, муж тоже казах. В их семьях говорят на разных языках. Надежда на равных с казахскими акынами состязается в айтысах, поет на казахском, стихи пишет на русском. Что же в этом плохого? Не хочу сказать, что все смешанные семьи так известны. Хочу надеяться, что большинство из них счастливы. Это главное... Меня поражает, что в некоторых республиках договариваются до того, что на их территории, дескать, не надо строить крупных предприятий, потому что приедут рабочие со стороны и разбавят нацию. По такой логике нам не стоило поднимать целину.

БОЛЬ АРАЛА

— Ваше отношение к неформальным группам?

— К иным из них стоит отнестись с юмором, в другие не мешает направить сатирические стрелы, а третьих можно и в союзники взять. Все зависит от того, какие цели ставят перед собой эти инициативные группы (такое название мне больше по душе), как эти цели согласуются с идеями нашей перестройки, с насущными социальными и политическими задачами. Совет Министров республики, например, решительно поддержал экологическую инициативу Павлодарской группы, когда та выступила с требованием не допустить строительства в городе завода БВК (белково-витаминных концентратов). И это при том, что поначалу действия защитников экологии встретили в обкоме партии и в облисполкоме непонимание, раздражение и открытое неприятие, подкрепленное привычными административно-нажимными действиями (не разрешать, не пускать, запретить). К взаимопониманию пришли не сразу, но пришли. И теперь в Павлодарском горкоме партии действует «Экологическая приемная», в которой дежурят члены инициативной группы. Завод же будет строиться в другом месте, где не окажет столь вредного влияния, как в густонаселенном городе.

— Я знаю не понаслышке о сложном экологическом положении в различных областях Казахстана. Особую тревогу вызывают, конечно, судьба Арала и проблема Балхаша. Некоторые ученые считают, что Аральское море потеряно безвозвратно и что Балхаш можно спасти, только открыв затворы Капчагайской ГЭС на реке Или. Разделяете ли вы это мнение?

— Трагедия Арала планировалась хладнокровно. Проектанты великих каналов даже утверждали, что море бесполезно. Теперь они от своих слов отказываются, море продолжает гибнуть. Принято, как вы знаете, решение партии и правительства о мерах по спасению Арала. Выступая на обсуждении этого вопроса, я говорил, что не определено главное — источники финансирования (проект спасения стоит примерно 37 миллиардов рублей — одеть каналы в бетон, провести коллекторные сбросы непосредственно в море и т. д.). Если работы проводить за счет средств, которые обычно выделяются Минводхозам заинтересованных республик, то их просто не хватит. Но главное вот в чем. Зеркало моря ежегодно испаряет 30 кубокилометров воды, а проект спасения предусматривает подавать в Арал 21 кубокилометр, да и то где-нибудь к 2010 году. Значит, опасения о потере Аральского моря не столь беспочвенны... Что же касается Капчагайской ГЭС, то она возникла из престижных соображений, когда всюду в стране возникали рукотворные моря. По проекту, который оказался, мягко говоря, ошибочным, объем водохранилища должен был составить 28 миллиардов кубометров, чтобы турбины станции вырабатывали 600 мегаватт электроэнергии. Именно в период накопления воды произошло резкое падение уровня Балхаша и потеряно в значительной степени промысловое значение дельты Или. Сегодня водохранилище имеет объем 15 миллиардов кубометров и половинную мощность станции. Причем давно понятно, что большего объема уже не достигнуть. Если бы сейчас проектировщики вышли с таким обоснованием, то строить ГЭС Совмин бы запретил. Но она построена, на берегу водохранилища возник город Капчагай с растущей промышленностью. Что же делать? Решили накопленный уровень держать постоянно, чтобы весь сток Или шел прямиком в Балхаш.

— Позвольте адресовать вам вопрос читателей «Огонька» о ядерном полигоне под Семипалатинском. Хотя людей уверяют в совершенной его безобидности, они все же сомневаются в этом. Есть ли какая-то почва для таких сомнений?

— Проблема, конечно, есть. Полигон действует давно, а ведь места эти уже далеко не безлюдные, население области сильно выросло. И все-таки сомнений не должно быть. Уровень радиации тщательно контролируется военными. В начале апреля я побывал на полигоне. Достигнута договоренность с его руководством о приглашении во время испытательных взрывов представителей общественности, которые смогут проводить свои независимые дозиметрические измерения. В их число войдут и представители движения «Невада», недавно созданного в республике. Оно выступает за одновременное прекращение испытаний ядерного оружия в США и СССР. Советский Союз, как известно, уже объявлял односторонний мораторий на такие испытания. Наш полигон молчал полтора года. К сожалению, США эту инициативу не поддержали, продолжая проводить ядерные испытания. Поэтому и Семипалатинский полигон вынужден был также их продолжить. Но ядерная гонка, по-моему, лишена всякого смысла.

СТИЛЬ — ЭТО ЧЕЛОВЕК

— Мы с вами несколько раз откладывали встречу из-за обоюдных командировок. Понятно, что меня, журналиста, кормят ноги, как говорится. Но так ли необходимо бывать в командировках по 130 дней в году, иногда и больше, Председателю Совета Министров?

— Насущно необходимо. Что может заменить живое общение с людьми на местах? Нельзя же познавать проблемы только по бумагам — пусть даже точнейшим документам, подробнейшим докладным и справкам.

— Кстати, какое количество документов приходится ежедневно рассматривать вам лично?

— Всего в Совмин поступило в 1987 году различных бумаг от союзных, республиканских и местных органов более 40 тысяч. В 1988 году количество их хотя и снизилось, но незначительно. Мне приходится ежедневно рассматривать и принимать решения по 40—45 документам разной степени важности, а за год их набирается до 10 тысяч.

— И вы все их помните?

— А вы бы хотели получить утвердительный ответ? Помню проблемные и острые, поскольку к ним приходится возвращаться неоднократно. К счастью, их гораздо меньше десяти тысяч.

— Вам часто приходилось высказывать мнение, идущее вопреки сложившемуся. Как вы относитесь к тем, кто спорит с вами?

— Стараюсь встать на позицию возражающего. Если вижу, что его возражения помогают делу, становлюсь его союзником. Вообще демократизация общества, гласность вдруг выявили наше неумение вести споры, дискутировать. Надо учиться культуре дискуссий, и мы учимся. Например, мы все, члены Бюро ЦК КП республики, договорились между собой регулярно проводить так называемые закрытые бюро, где откровенно, без взаимных обид на критические уколы, зажав самолюбие, высказываем все, что думаем по тем или иным вопросам. Тут до принятия решения мы можем спорить по любым проблемам как угодно, невзирая на ранги. Но если решение принято, то будь добр отстаивать его, проводить в жизнь, пропагандировать, если даже при обсуждении был не согласен. Это и есть ленинская партийная дисциплина, это настоящая демократия. Такие бюро неоднократно проводились с приглашением первых секретарей обкомов...

Сейчас в Совете Министров мы тоже взяли за правило: собираем руководителей Госплана, Минфина, председателей и замов облисполкомов, других заинтересованных лиц для обсуждения какой-то проблемы. Что тормозит дело? Кто недорабатывает в Совмине? Где пробуксовка? Какие промашки у меня как у председателя? Откровенно, невзирая на ранги и чины, без обид, без боязни оргвыводов. Первые заседания, скажу честно, проходили безгласно в самом прямом смысле. Все больше отмалчивались, а если отваживались критиковать, то мягко, обходным маневром, иносказательно, помня, что бывало за инакомыслие. Но, к моей радости, в последнее время все осмелели.

— Почему к радости? Ведь, осмелев, критикуют и вас?

— Пусть, если по делу. Зато стало больше доверия друг к другу. Открытость сплачивает людей, заставляет думать об общей цели. Умолчание, недосказанность, полуправда разъединяли, усиливали личные амбиции. Раньше боялись сказать невпопад, смотрели в рот начальнику: какую истину тот изречет. Ошибка чревата была потерей должности, кресла. Помните сакраментальную фразу: «Наверное, мы с вами не сработаемся». Теперь все чаще истина рождается в открытом споре. Кончились кулуарные перешептывания. Я чувствую, что авторитет руководителя становится настоящим, не дутым. И что интересно: меньше иждивенческих вопросов стало поступать из областей, больше стремления решать задачи самим, даже рисковать.

— Не случалось ли за эти четыре года, чтобы Совет Министров принял ошибочное решение? Имеет ли вообще он право на ошибку?

— Лучше бы, конечно, не ошибаться, но жизнь есть жизнь, такое, бывает, завернет, что всего и не предусмотришь. Гарантия ошибки — скоропалительность принятия решений, неподготовленность вопросов. В 1987 году мы приняли решение о массовом отстреле диких гусей для улучшения продовольственного снабжения населения. Обсудили вопрос сначала в ЦК, но не советовались ни с областями, через которые идет пролет диких гусей, ни с природоохранными органами. Поднялась такая буря возмущения, что пришлось свое же решение отменить.

— Не подорвало ли это престиж правительства?

— Думаю, что нет. Мы доказали способность на признание ошибки, нашли силы ее исправить. Мы доказали способность прислушаться к иному мнению, к гибкому мышлению. Но лучше всего, конечно, не принимать непродуманных решений.

— Расскажите о себе и вашей семье, а то у нас как-то так получается, что мы все знаем о президентах иностранных держав, но о своих руководителях, кроме фамилии, ничего.

— Какой тут секрет? Вырос в крестьянской семье. После окончания мной школы отец продал корову, чтобы на вырученные деньги я поехал куда-нибудь учиться. Я выбрал Караганду. Сначала строил казахстанскую Магнитку, потом постигал секреты металлургии в училище Днепродзержинска. Настоящим металлургом сделала самостоятельная работа у печи, в Темиртау. Никогда не забуду первую плавку и моего учителя, прекрасного мастера своего дела и прекрасного человека Бориса Васильевича Яговитова. Он меня в партию рекомендовал, там, у домны, я стал в 1961 году коммунистом. Потом работал и учился в институте на заводскую стипендию, женился. Жена тоже на комбинате трудилась. Что еще? Три дочери у нас, младшая третьеклассница, а старшая взяла да и сделала меня дедом. Первый внук появился, но не последний, надеюсь. Что еще? Дома говорим на двух языках...

— Жена, наверное, пользуется спецмагазином?

— Не угадали. Решением Совмина спецмагазины, как и спецстоловые для руководства, закрыты.

— Как вы относитесь к юмору?

— Он спасает в безвыходных ситуациях.

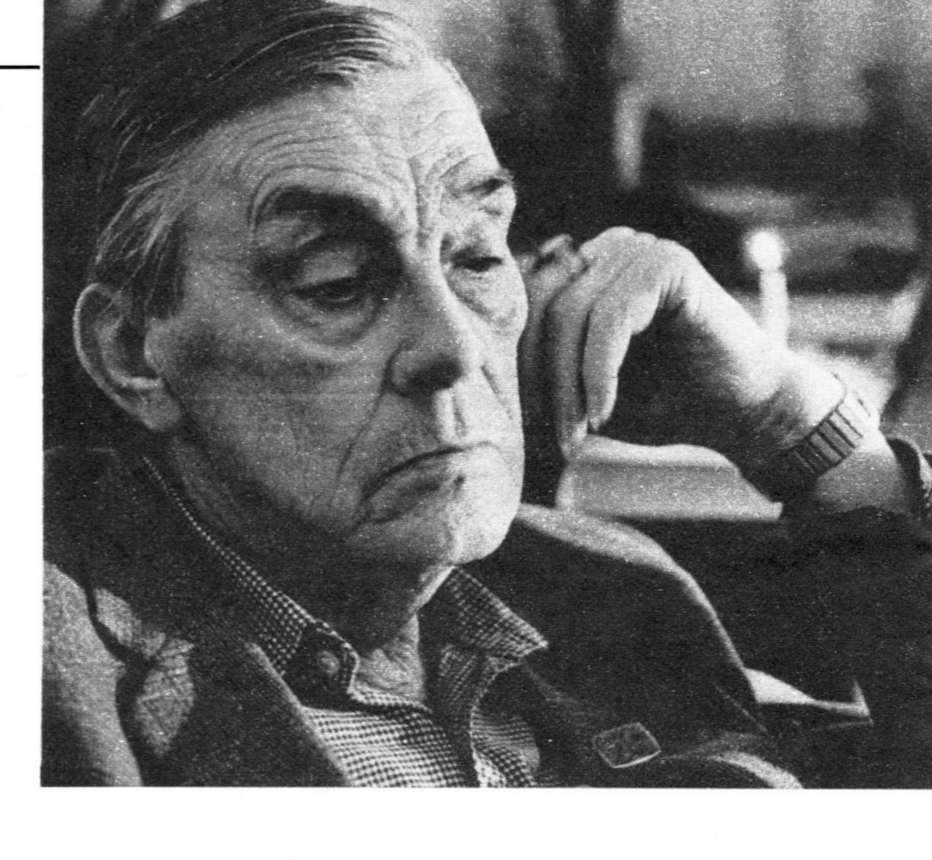
— Что бы вы хотели пожелать редакции «Огонька» и его читателям?

— Быть на уровне требований перестройки.

— А себе самому?

— Я ведь тоже читатель «Огонька»!

Умер Арсений Александрович Тарковский, едва ли не последний из плеяды поэтов, составивших «серебряный век» русской поэзии.

В то время, когда мы с жадностью читали воспоминания об Ахматовой, Мандельштаме, Цветаевой, Пастернаке, рядом с нами жил их младший брат по плоти и крови стиха, по строю и высоте духа. Все ли мы это осознавали? Успели ли воздать ему должное? Хватило ли нам для этого восьмидесяти двух лет его жизни?

Трагизм судьбы Арсения Тарковского не столь нагляден, как у многих его современников. Он не был убит, заключен, изгнан. Слова каждодневный подвиг мы привыкли произносить, но разучились воспринимать. Однако именно таким безвестным подвигом стала жизнь Арсения Александровича Тарковского.

Подвижнической была его верность русской классической литературе. Эта верность подвергалась суровым испытаниям в те времена, когда сама литература изгонялась со страниц журналов, вытравлялась из памяти читателей, обреченная на немоту и гибель. Исчезали друзья. Запрещались книги. Поэтический сборник А. Тарковского был рассыпан после печально известного постановления по журналам «Звезда» и «Ленинград». Но даже его опала не была громкой.

Свою первую книгу Тарковский увидел только в пятьдесят пять лет.

Сам Арсений Александрович говорил об этом так: «Мне было легко — я просто писал стихи».

И позже государственные и общественные организации не слишком затрудняли жизнь поэту. Его не выбирали ни на какие посты, не заставляли сидеть в президиумах. Между тем Тарковского вполне можно было записать в «обойму» фронтовых поэтов — он воевал, писал стихи о войне, получил тяжелое ранение, стал, по его собственным словам, «одноногим инвалидом».

Как к служению относился он и к своей работе переводчика. Переводы Тарковского, точно так же, как и его стихи, предельно честны перед Словом. Вообще эстетические категории для Тарковского были в то же время и этическими. Так, неточную рифму он называл безнравственной, видя в ней нарушение глубинного соответствия явлений природы и языка, небрежность в стихотворной строке воспринимал как личное переживание. Он был мастером в самом высоком смысле этого слова.

Известно, что предчувствия поэта сбываются. Однажды Тарковский сказал о судьбе:

> ...по следу шла за нами,
> Как сумасшедший с бритвою в руке.

Эти слова отозвались долгим эхом. На склоне лет Арсений Александрович пережил тягчайшую из бед — потерю сына. К концу 80-х мы стали беднее на двух истинных художников с одной фамилией — отца и сына. Но мы стали и богаче, потому что только сейчас творчество Арсения и Андрея Тарковских в полной мере доступно народу, родившему их.

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРЫ

ТРУБАЧ ХОЧЕТ ПИТЬ*

Плывет, как жажда, с нотного листа
Приподнятых оркестров пустота.
И ночью ощущает каждый
Бесплодный медный привкус
на губах,
А к утру остается на бобах
И просыпается от жажды.

Он по привычке говорит: «Позволь
Мне рассказать, как оседает соль
На окнах прозеленью нищей,
Как будто эти чертовы бобы
У горла воспаленного трубы
Достойны называться пищей».

А та от жажды зазывает в ад,
Где мутные стаканы дребезжат,
Изъеденные мелкой медью.
Копается в объедках, а потом
С горячечным разбухшим
мундштуком
Передается по наследью.

Дурак в карманах собирает лед,
В пустых карманах злобу бережет,
Пока ворочается глухо.
Все по утрам читает между строк,
Как будто слышит сиплый холодок
Живое розовое ухо.

* Стихотворение «Трубач хочет пить» публикуется впервые. Оно было утеряно автором, но осталось в памяти другого поэта — Аркадия Штейнберга.

Арсений ТАРКОВСКИЙ

(1907 — 1989)

Арсений Тарковский, сын народовольца-восьмидесятника, прожил долгую и трудную жизнь. Его мальчишеские легкие успели вдохнуть воздух первой мировой войны (а в годы гражданской атаманша Маруся погладила его по вихрастой голове — пожалела). В середине 30-х Тарковский спрятал свою поэзию, как в кокон, в восточные переводы, но затем выпустил ее, как бабочку, на огонь Великой Отечественной, почти спалив крылья самосжигающей работой фронтового газетчика. В прославляемой литературе он не существовал, но его стихи были известны узкому кругу интеллигенции. Пора признания пришла к Тарковскому не во времена оттепели, а в 70-е годы. С присущими ему благородством и твердостью он отказался быть картой в литературных играх и своей неизменной доброжелательностью притягивал всех, кто еще не разучился ценить истинную интеллигентность.

Первая книга стихов Тарковского, «Перед снегом», вышла в 1962 году. И сразу образовался устойчивый круг его почитателей, в чьих глазах поэт до последнего дня оставался посланником «серебряного века» русской поэзии.

Сын Арсения Александровича Андрей Тарковский помог стихам отца зазвучать с экрана на целый мир.

Арсений Александрович Тарковский похоронен в Переделкине. Его почитателям удалось отвоевать кусок земли рядом с могилой Пастернака. Там есть место и для праха его сына.

* * *

Кухарка жирная у скаред
На сковородке мясо жарит,
И приправляет чесноком,
Шафраном, уксусом и перцем,
И побирушку за окном
Костит и проклинает с сердцем.

А я бы тоже съел кусок,
Погрыз бараний позвонок
И, как хозяин, кружку пива
Хватил и завалился спать:
Кляните, мол, судите криво,
Голодных сытым не понять.

У, как я голодал мальчишкой!
Тетрадь стихов таскал под мышкой,
Баранку на два дня делил:
Положишь на зубок ошибкой...
И стал жильем певучих сил,
Какой-то невесомой скрипкой.

Сквозил я, как рыбачья сеть,
И над землею мог висеть.
Осенний дождь, двойник мой серый,
Долдонил в уши свой рассказ,
В облаву милиционеры
Ходили сквозь меня не раз.

А фонари в цветных размывах
В тех переулках шелудивых,
Где летом шагу не ступить,
Чтобы влюбленных в подворотне
Не всполошить!.. Я, может быть,
Воров московских был бесплотней,

Я в спальни тенью проникал,
Летал, как пух из одеял,
И молодости клясть не буду
За росчерк звезд над головой,
За глупое пристрастье к чуду
И за карман дырявый свой.

ГРОЗА

Мамка птичья и стрекозья,
Помутнела синева,
Душным воздухом предгрозья
Дышит жухлая трава.

По деревне ходит Каин,
Стекла бьет и на расчет,
Как работника хозяин,
Брата младшего зовет.

Духоту сшибает холод,
По пшенице пляшет град.
Видно, мир и вправду молод,
Авель вправду виноват.

Я гляжу из-под ладони
На тебя, судьба моя,
Не готовый к обороне,
Будто в книге Бытия.

МАЛЮТКА ЖИЗНЬ

Я жизнь люблю и умереть боюсь.
Взглянули бы, как я под током бьюсь
И гнусь, как язь в руках у рыболова,
Когда я перевоплощаюсь в слово.

Но я не рыба и не рыболов.
И я из обитателей углов,
Похожий на Раскольникова с виду,
Как скрипку, я держу свою обиду.

Терзай меня — не изменюсь в лице,
Жизнь хороша, особенно в конце,
Хоть под дождем и без гроша в кармане,
Хоть в Судный день — с иголкою
в гортани.

А! этот сон! Малютка жизнь, дыши,
Возьми мои последние гроши,
Не отпускай меня вниз головою
В пространство мировое, шаровое!

ПОЭТ

Жил на свете рыцарь бедный...
А. С. Пушкин

Эту книгу мне когда-то
В коридоре Госиздата
Подарил один поэт.
Книга порвана, измята,
И в живых поэта нет.

Говорили, что в обличье
У поэта нечто птичье
И египетское есть...
Было нищее величье
И задерганная честь.

Как боялся он пространства
Коридоров! Постоянства
Кредиторов! Он, как дар,
В диком приступе жеманства
Принимал свой гонорар.

Так елозит по экрану
С реверансами, как спьяну,
Старый клоун в котелке
И, как трезвый, прячет рану
Под жилеткой из пике.

Оперенный рифмой парной,
Кончен подвиг календарный,—
Добрый путь тебе, прощай!
Здравствуй, праздник гонорарный,
Черный белый каравай!

Гнутым словом забавлялся,
Птичьим клювом улыбался,
Встречных с лету брал в зажим,
Одиночества боялся
И стихи читал чужим.

Так и надо жить поэту.
Я и сам сную по свету,
Одиночества боюсь,
В сотый раз за книгу эту
В одиночестве берусь.

Там в стихах пейзажей мало,
Только бестолочь вокзала
И театра кутерьма,
Только люди как попало,
Рынок, очередь, тюрьма.

Жизнь, должно быть, наболтала,
Наплела судьба сама.

ПЕРВЫЕ СВИДАНИЯ

Свиданий наших каждое мгновенье
Мы праздновали, как богоявленье,
Одни на целом свете. Ты была
Смелей и легче птичьего крыла,
По лестнице, как головокруженье,
Через ступень сбегала и вела
Сквозь влажную сирень в свои владенья
С той стороны зеркального стекла.

Когда настала ночь, была мне милость
Дарована, алтарные врата
Отворены, и в темноте светилась
И медленно клонилась нагота,

И, просыпаясь: «Будь благословенна!» —
Я говорил и знал, что дерзновенно
Мое благословенье: ты спала,
И тронуть веки синевой вселенной
К тебе сирень тянулась со стола,
И синевою тронутые веки
Спокойны были, и рука тепла.

А в хрустале пульсировали реки,
Дымились горы, брезжили моря,
И ты держала сферу на ладони
Хрустальную, и ты спала на троне,
И — боже правый! — ты была моя.

Ты пробудилась и преобразила
Вседневный человеческий словарь,
И речь по горло полнозвучной силой
Наполнилась, и слово *ты* раскрыло
Свой новый смысл и означало: царь.
На свете все преобразилось, даже
Простые вещи — таз, кувшин,— когда
Стояла между нами, как на страже,
Слоистая и твердая вода.

Нас повело неведомо куда.
Пред нами расступались, как миражи,
Построенные чудом города,
Сама ложилась мята нам под ноги,
И птицам с нами было по дороге,
И рыбы подымались по реке,
И небо развернулось пред глазами...

Когда судьба по следу шла за нами,
Как сумасшедший с бритвою в руке.

* * *

Тот жил и умер, та жила
И умерла, и эти жили
И умерли; к одной могиле
Другая плотно прилегла.

Земля прозрачнее стекла,
И видно в ней, кого убили
И кто убил: на мертвой пыли
Горит печать добра и зла.

Поверх земли мятутся тени
Сошедших в землю поколений;
Им не уйти бы никуда
Из наших рук от самосуда,
Когда б такого же суда
Не ждали мы невесть откуда.

* * *

Меркнет зрение — сила моя,
Два незримых алмазных копья;
Глохнет слух, полный давнего грома
И дыхания отчего дома;
Жестких мышц ослабели узлы,
Как на пашне седые волы;
И не светятся больше ночами
Два крыла у меня за плечами.

Я свеча, я сгорел на пиру.
Соберите мой воск поутру,
И подскажет вам эта страница,
Как вам плакать и чем вам гордиться,
Как веселья последнюю треть
Раздарить и легко умереть
И под сенью случайного крова
Загореться посмертно, как слово.

С ФОТОАППАРАТОМ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Владимир НИКИТИН

«Старейший фотограф-иллюстратор К. К. Булла. С.-Петербург, Невский, 54. Занимается фотографированием для иллюстрированных журналов на злобу дня. Снимает все, в чем только встретится потребность, везде и всюду, не стесняясь ни местностью, ни помещением,— как днем, так и в вечернее время, при своем искусственном свете». В этом рекламном объявлении, регулярно появлявшемся на страницах петербургских газет начала века, нет, как ни странно, преувеличений, присущих этому жанру. Карл Карлович Булла (1853—1929) — родоначальник целой династии русских фотографов, один из первых отечественных фоторепортеров, действительно снимал «везде и всюду».

Карл Булла одним из первых среди своих коллег уяснил, что фотография может значительно больше,

Извозчики. С.-Петербург. 1900.

С.-Петербургское общество любителей велосипедной езды. Начало века.

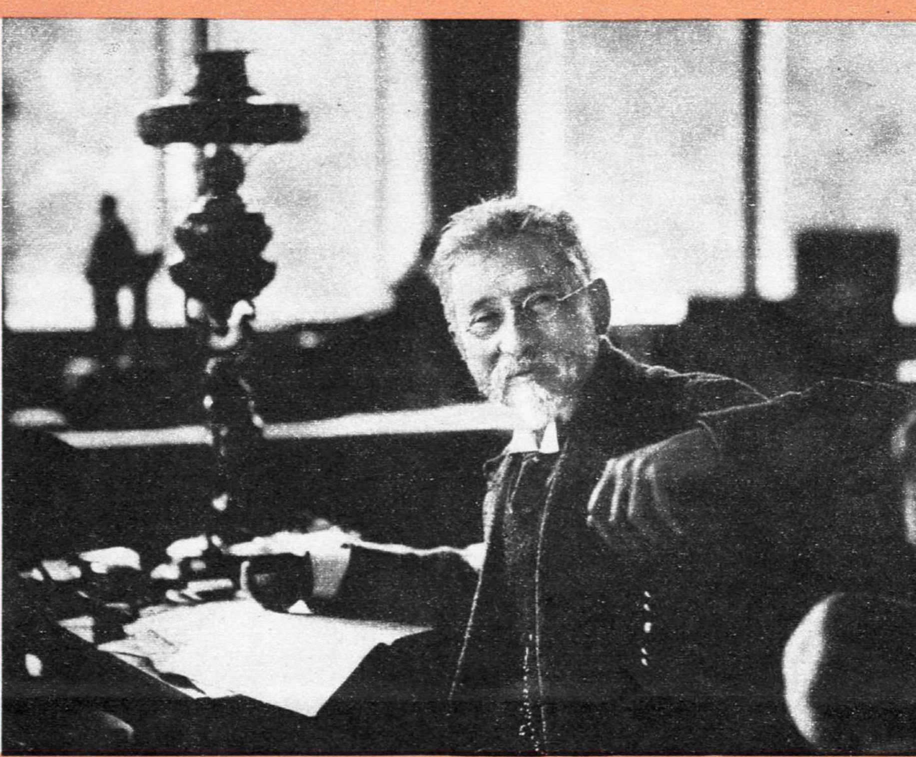
Сенная площадь 1910—1914.

чем просто увековечить черты лиц современников — ей под силу зафиксировать черты Эпохи. Именно этому он и посвятил свою жизнь.

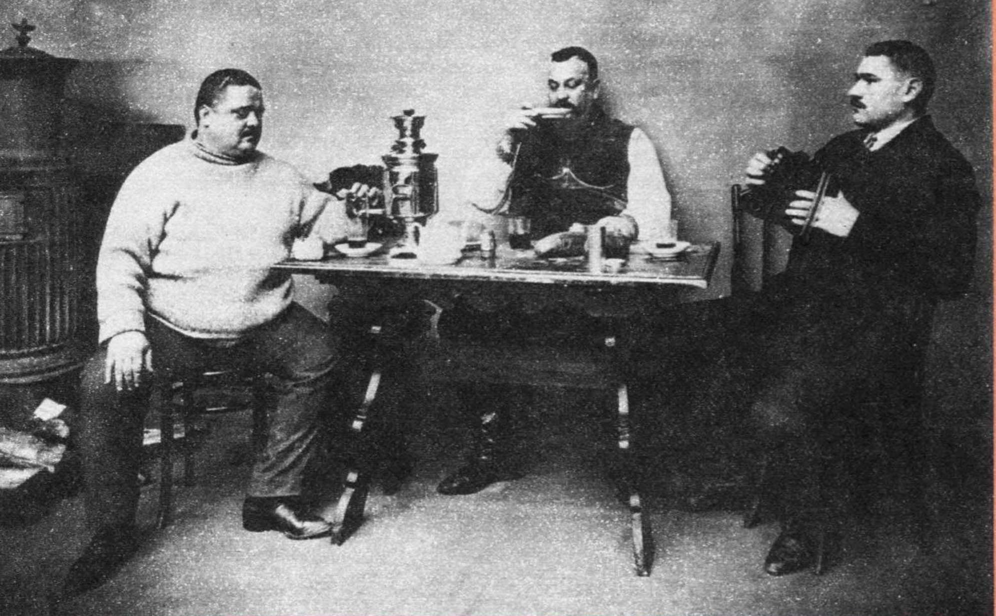
В те годы практически ни одно событие в Петербурге не обходилось без присутствия на нем невысокого, бойкого человека с огромным, размером с небольшую шарманку, фотоаппаратом на шее. Великолепно ориентировавшийся в любой ситуации, Карл Карлович мгновенно находил наиболее выгодную точку съемки и, на секунду-другую прильнув к матовому стеклу, нажимал на спуск. Можно было с уверенностью считать, что миг этот не прошел бесследно — еще одно событие оказывалось запечатленным на большой стеклянной пластине. Фотографии Буллы охотно печатали не только петербургские и московские журналы, они расходились по всей России. Вскоре его снимки стали печатать и иллюстрированные журналы Берлина, Парижа, Лондона. До самой революции Карл Карлович продолжал их снабжать оперативной фотохроникой о жизни России.

Справедливости ради надо сказать, что далеко не все из того, что публиковалось под его фамилией, было снято именно им. Дело в том, что Карл Карлович был не просто фотографом, а создателем своеобразного фотографического агентства, в которое, помимо него, входили два его сына — Александр и Виктор, а также ряд других фотографов. Александр больше тяготел к работе в ателье — он был незаурядным портретистом. Виктор был страстным сторонником репортажа. Именно он сохранил для потомков отцовский архив и передал его на хранение. Общее количество переданных им негативов фантастически велико — более 130 тысяч. Даже если учесть, что это плод труда нескольких человек на протяжении десятилетий, то и тогда с уверенностью можно говорить об уникальности коллекции, поражающей не только количеством, но и содержанием.

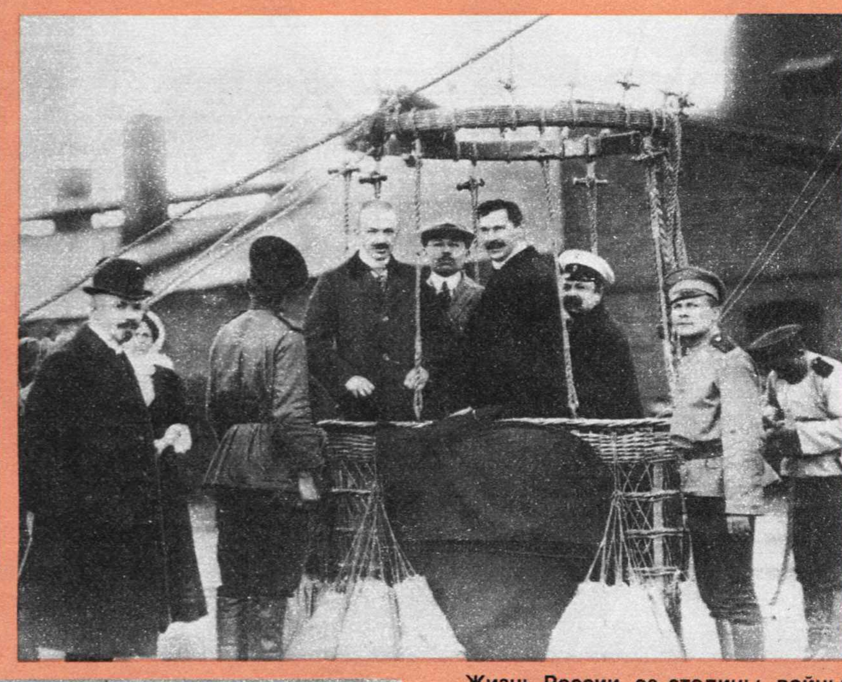
И. Е. Репин. 1910.

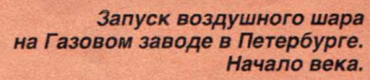

В натурном классе Академии художеств. 1913.

Борцы.
Чаепитие после выступления.
Начало века.

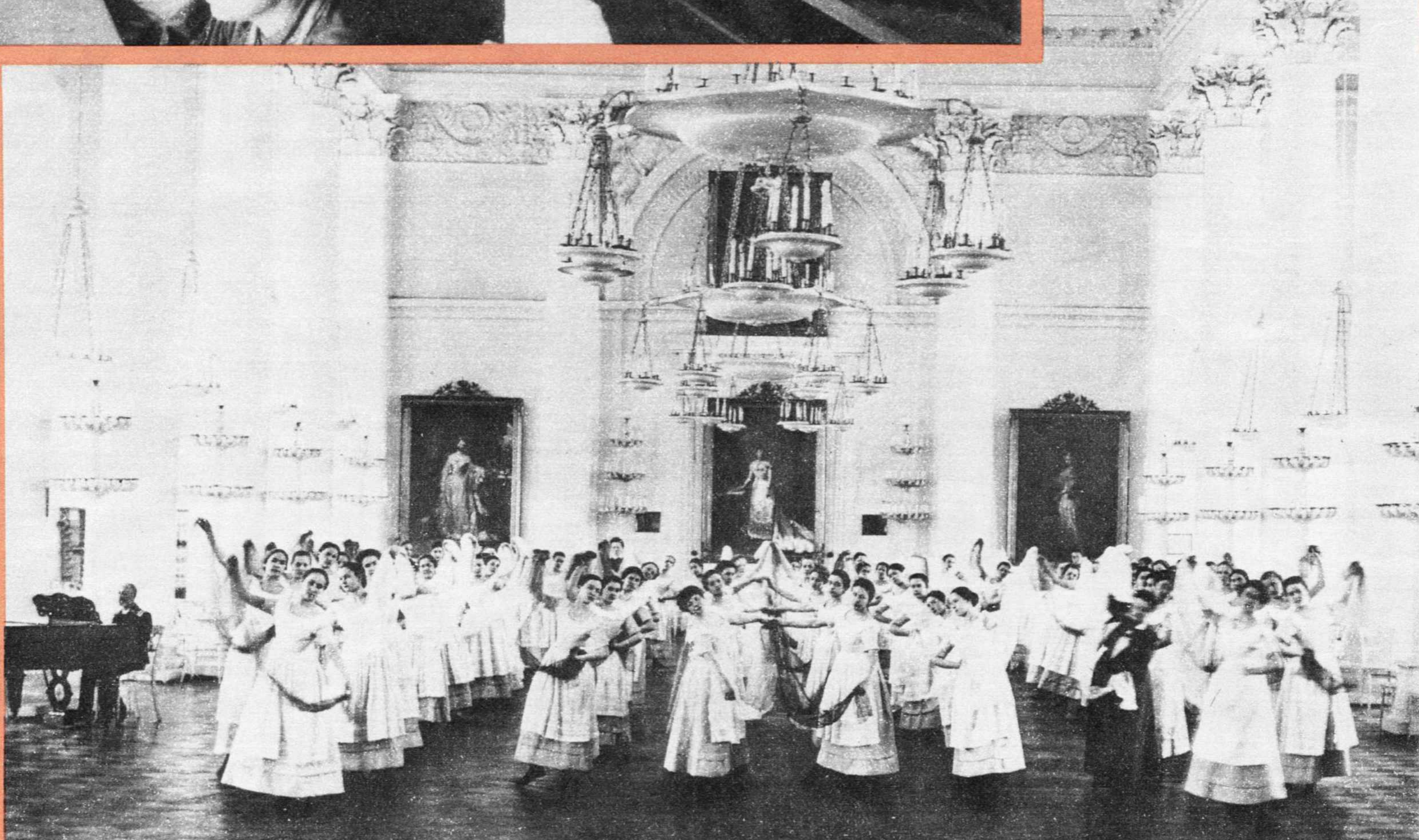
Запуск воздушного шара
на Газовом заводе в Петербурге.
Начало века.

Работники кондитерской фабрики
во время обеденного перерыва.
С.-Петербург. Начало века.

Жизнь России, ее столицы, войны, революции, строительство нового государства, быт горожан (причем практически всех слоев населения), события культурной и общественной жизни, фантастическая по размерам иконография деятелей культуры, искусства, государственных мужей, царской фамилии, да, впрочем, всего и не перечислишь — содержится в этом уникальном собрании.

Сегодня к нему обращаются историки и художники, кинематографисты и музейные работники, писатели и архитекторы, журналисты и исследователи в самых разных отраслях науки. Ценность этого материала невозможно переоценить — это поистине национальное богатство, из которого мы только начинаем черпать. В этих снимках, как в зеркале, отразилась наша история, и сегодня мы с волнением смотрим в прошлое, вглядываясь в которое лучше начинаем осознавать неразрывность времени и нашу сопричастность ему.

Смольный институт.
Воспитанницы обучаются танцам. 1913.

Жертвоприношение

О двух интервью заместителей министра гражданской авиации СССР

«...ЧТО ЖЕ ПРОИСХОДИТ, ЕСЛИ ДАЖЕ МЫ, ЛЕТЧИКИ ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ, СТАНОВЯСЬ ПАССАЖИРАМИ, С ОПАСКОЙ САДИМСЯ В САМОЛЕТ? ВДРУГ НА БОРТУ УГОНЩИКИ? И ЭКИПАЖ, СЛЕДУЯ УКАЗАНИЯМ ЗЕМЛИ, БУДЕТ ИМИТИРОВАТЬ ПОСАДКУ НА ЗАРУБЕЖНОМ АЭРОДРОМЕ, САДЯСЬ НА СВОЕМ, ВСТУПАЯ В ОПАСНУЮ ИГРУ С ПРЕСТУПНИКАМИ, СТАВЯ НА КАРТУ НАШУ ЖИЗНЬ. В ИСТОРИИ С ОВЕЧКИНЫМИ (МАРТ 1988 г.) ДЕВЯТЬ ЧЕЛОВЕК НА БОРТУ ПОГИБЛИ, ШЕСТНАДЦАТЬ РАНЕНЫ. СГОРЕЛО ВОЗДУШНОЕ СУДНО СТОИМОСТЬЮ БОЛЕЕ МИЛЛИОНА РУБЛЕЙ. РАДИ ЧЕГО?

СОБЫТИЯ В ДЕКАБРЕ В ОРДЖОНИКИДЗЕ УБЕДИЛИ В ВОЗМОЖНОСТИ ДРУГОГО РЕШЕНИЯ. БАНДИТАМ, ЗАХВАТИВШИМ АВТОБУС С ДЕТЬМИ, БЫЛИ ПРЕДОСТАВЛЕНЫ ИЛ-76, ОРУЖИЕ, БРОНЕЖИЛЕТЫ, ДЕНЬГИ. В РЕЗУЛЬТАТЕ ШКОЛЬНИКИ БЫЛИ ОСВОБОЖДЕНЫ, САМОЛЕТ И ЦЕННОСТИ ВОЗВРАЩЕНЫ, ВЛАСТИ ЧУЖОЙ СТРАНЫ ПЕРЕДАЛИ ПРЕСТУПНИКОВ НАШЕМУ ПРАВОСУДИЮ. РАЗНИЦА МЕЖДУ МАРТОВСКИМ И ДЕКАБРЬСКИМ ПОДХОДАМИ ОТРАЖАЕТ ДИСТАНЦИЮ, СТРЕМИТЕЛЬНО ПРОЙДЕННУЮ В ТОТ ГОД НАШИМ ОБНОВЛЯЮЩИМСЯ СОЗНАНИЕМ.

НАДЕЖДЫ НА ПОБЕДУ НОВОГО МЫШЛЕНИЯ ОМРАЧЕНЫ ДВУМЯ ИНТЕРВЬЮ ЗАМЕСТИТЕЛЕЙ МИНИСТРА ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ СССР: И. ВАСИНА «ХОЧЕТСЯ БЫТЬ УВЕРЕННЫМ» В «СОВЕТСКОЙ РОССИИ» (№ 95, 1988 г.) И М. ТИМОФЕЕВА «ЗАКОНЫ НЕБА НИКТО НЕ ОТМЕНЯЛ» — УВЫ! — В «ИЗВЕСТИЯХ» (№ 289, 1988 г.). АВТОРЫ НАСТАИВАЮТ, ЧТО В МАРТЕ НАЗЕМНЫЕ СЛУЖБЫ, ПОСАДИВ ТУ-154 ПОД ВЫБОРГОМ, НЕ ПОЗВОЛИВ ЕМУ ПЕРЕСЕЧЬ ГРАНИЦУ И ДОПУСТИВ БЕССМЫСЛЕННЫЕ ЖЕРТВЫ, ВСЕ-ТАКИ НЕ ПОСТУПИЛИСЬ ПРИНЦИПАМИ, «ДЕЙСТВОВАЛИ... ПРАВИЛЬНО», «С ПОЛНЫМ УЧЕТОМ ВОЗМОЖНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ».

КОМИССИЯ МГА, ЗАНИМАВШАЯСЯ ПРОВЕРКОЙ ПРОИСШЕСТВИЯ, СКРЫЛА ИСТИННЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА. А ОБЩЕСТВУ БЕЗ ПОЛНОЙ ПРАВДЫ КАК ОЦЕНИВАТЬ ДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР И ВЛАДЕТЬ СИТУАЦИЕЙ? МЫ ПРОСИМ ВАС ПРОВЕСТИ НЕЗАВИСИМОЕ, САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ...»

ПИСЬМО ПОДПИСАЛИ: Х. ЦХОВРЕБОВ, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ПИЛОТ СССР, ВЕТЕРАН ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ, БЫВШИЙ КОМАНДИР ОБЪЕДИНЕННОГО АВИАОТРЯДА ШЕРЕМЕТЬЕВО; А. МАЛИНОВСКИЙ, КОМАНДИР ИЛ-62, ПИЛОТ 1 КЛАССА, ЧЛЕН ЦК ПРОФСОЮЗА АВИАРАБОТНИКОВ; В. МАКАЦЮБО, КОМАНДИР ИЛ-62, ИНЖЕНЕР-ПИЛОТ 1 КЛАССА, ИНСТРУКТОР ОБЩЕСТВЕННОГО ОТДЕЛА ПО РАБОТЕ С ЛЕТНЫМ СОСТАВОМ ГА ЦК ПРОФСОЮЗА АВИАРАБОТНИКОВ; А. КОЧУР, КОМАНДИР ИЛ-62, ПИЛОТ 1 КЛАССА; С. БРАГАНЦОВ, КОМАНДИР ТУ-154, ПИЛОТ 1 КЛАССА; В. ЧЕКАЛОВ, КОМАНДИР ТУ-154, ПИЛОТ 1 КЛАССА; Б. МЕДВЕДЕНКО, ШТУРМАН 1 КЛАССА И ДР. (ВСЕГО 94 ПОДПИСИ).

Леонид ШИНКАРЕВ

Почти семьдесят лет мы не смели, усомнившись в чем-либо, требовать от мундирной системы аргументов. Тем паче гласно расследовать их состоятельность. Неоткуда было взяться механизму общественной проверки официальных версий, особенно по чрезвычайным происшествиям. Наше сознание, униженное неведением, беспомощное перед властью, усиливало в нас комплекс неполноценности. В своей поголовной неосведомленности мы видели способ сохранения государственной тайны.

Мы стали грамотнее, наша правовая цивилизованность повысилась. Но не до такой степени, чтобы отобрать у бюрократической иерархии монополию на истину. Длительная социальная пассивность укрепила ведомственную самонадеянность настолько, что требование разгерметизации закрытых структур коегде воспринимается как бунтарское, вызывает сопротивление. Но доходить до сути вещей нам понадобилось не от избытка свободного времени. Все знать, обо всем судить, сознательно выбирать позицию — не придумано другой возможности поставить общество над государством.

Помня, что именно сомнения двигают прогресс, мы решили внять просьбе авиаторов, написавших письмо. Четыре месяца понадобилось, чтобы вместе со многими из них, привлекая юристов, метеорологов, экспертов международных организаций, провести вневедомственное расследование уже подзабывшегося воздушного происшествия в ленинградском небе прошлой весной.

В интервью должностных лиц названы три причины, почему захваченный преступниками самолет не мог лететь ради спасения людей за границу, а был посажен на нашей территории.

Во-первых, «на борту не было специальных навигационных систем и приборов... пилоты не располагали картами, схемами захода на посадку, справочниками по ведению радиосвязи... Неожиданное пересечение границ, зон ПВО, а также густой сети авиатрасс неким «диким самолетом», не соблюдающим установленных правил и не понимающим команд с земли, вызвало бы катастрофические последствия».

Во-вторых, «самолет имел ограниченный запас топлива. Если даже до ближайшего иностранного аэропорта он и дотянул бы, то не было никакой гарантии благополучного завершения полета, так как топливо было на исходе, его даже было недостаточно для полета по схеме при заходе на посадку».

В-третьих, «погода в тот день в районе Ленинграда и над Финляндией резко ухудшилась за счет снегопада. Взлетные полосы заносились снежными зарядами. В таких случаях не исключена возможность повторных заходов на посадку. Посадить самолет на незнакомом аэродроме... при плохой видимости, да еще если горючее на исходе, почти невозможно».

Не знаю, как других, а меня убеждали доводы. Можно представить внезапно изменившуюся погоду, над посадочными полосами от Ленинграда до Хельсинки вихри снежных зарядов, из пилотской кабины не видать ни зги. Легко ли садиться на незнакомый аэродром гигантскому Ту-154 (бортовой номер 85413, наземные службы его звали 413-й)?

Досадно, что прогноз погоды в тот день обещал почти безветрие (два—пять метров в секунду) и слабый снежок. В Ленинграде на Васильевском острове я отыскал Гидрометеорологический центр Северо-Западного территориального управления по гидрометеорологии. И растерянно вертел в руках справку о полном в тот день совпадении прогноза и погоды. «По данным наблюдений, в период с 15 до 10 часов 8 марта 1988 года (в эти часы был захвачен 413-й и решалась его судьба.— Л.Ш.) в городе Ленинграде, Выборгском районе и юго-западной части Финляндии облачность была семь — десять баллов, временами слабый снег. Видимость пять — десять километров. Ветер один — три метра в секунду». Нормальный мартовский день...

— Вспомните, погода резко ухудшалась,— настаивал я.— Полосы заносились снежными зарядами...

Начальник центра В. Баскаков удивлялся:

— С чего вы взяли? Вот данные всех постов. Ухудшения погоды не было. Снежных зарядов не наблюдалось.

Ну ладно, уговаривал я себя, возвращаясь в Москву, экипаж в возбужденном состоянии принял весенний снежок за поднятые тугими ветрами вихри. Эмоциональность летчиков ввела в заблуждение руководителей министерства.

Но в прокуратуре Ленинградской области меня познакомили с показаниями командира 413-го В. Куприянова: «Погода была хорошая. Землю мы увидели метров на 600...»

Что же получается: должностные лица МГА сами обнаружили на части территории СССР и Финляндии «резкую перемену погоды»?

Ладно, погода... Даже идеальная не поможет, если в баках оставалось топлива на донышке. Полетные документы сгорели при взрыве 413-го под Выборгом. Но уцелел радиообмен между экипажем и землей, когда захваченный преступниками самолет пересе-

кал небо Вологды на траверзе Бабаево, уже на границе с Ленинградской областью:

«Диспетчер: «Как у вас с горючим, на сколько часов полета осталось топлива?» Экипаж: «На час тридцать пять...»

В Иркутске я разыскал бортинженера 413-го И. Ступакова. Он-то знает, влиял ли запас топлива на решение садиться под Выборгом.

— При чем тут топливо? У нас тогда было 12—13 тонн. Хватало до Финляндии, даже до Швеции. А после дозаправки могли лететь дальше. Не было бы ни стрельбы, ни взрыва...

— Почему же не летели?

— Вы меня спрашиваете?

Получается, должностные лица МГА опять безупречно точны, настаивая, что «топливо было на исходе» и «топлива оставалось лишь до района Ленинграда»?

В 14 часов 53 минуты, получив от Овечкиных записку с требованием лететь за границу и с предупреждением, что в случае снижения будет взорван самолет, экипаж сообщил Вологодскому центру УВД, что в группе угонщиков — 11 человек, в том числе трое детей.

Экипаж: «Проводники сообщают, что у них два обреза и музыкальные инструменты».

Диспетчер: «Понял...»

В 15 часов 21 минуту экипаж повторяет Ленинградскому районному центру УВД:

Экипаж: «Вы уже в курсе, что в группе 11 человек, в их составе женщина, есть дети 9, 10, 11 лет, трое, и ребята лет по 16. Это ансамбль какой-то...»

Диспетчер: «Понял...»

И я испытываю неловкость, как провинившийся: на страницах «Известий» заместитель министра М. Тимофеев после всего этого уверял: «К тому же не было точных сведений о количестве преступников...»

Ладно, все мы человеки, нас может подвести память на частности, но не на главное. Перед глазами как наваждение нарисованная двумя руководителями МГА апокалипсическая картина заблудшего над Европой «дикого самолета» с экипажем, не знающим расположения радиотехнических наземных средств, воздушных коридоров, системы эшелонирования, попавшего на перекрестки оживленных международных трасс. Никто в кабине не понимает английский, на котором говорят иностранные диспетчеры. Я и вы могли быть пассажирами обреченного 413-го...

При захвате самолета наземные службы, принимая и аккумулируя всю информацию с попавшего в беду корабля, тут же обязаны переправить ее в страны предполагаемой посадки. «На протяжении этого полета воздушное судно должно рассматриваться в качестве подозрительного, а для устранения опасности в отношении других воздушных судов смежные подразделения управления воздушным движением должны организовать соответствующее эшелонирование». Это из утвержденного ИКАО «Руководства по безопасности для защиты гражданской авиации от актов незаконного вмешательства».

Бывший командир Ту Ю. Леонов, имеющий 25-летний стаж полетов на международных и внутренних линиях, инструктор общественного отдела по работе с летным составом ГА ЦК профсоюза авиаработников, пишет нам: «Для успешных полетов в пределах европейского континента Ту-154 оснащен всем необходимым. Полет на ближайший аэродром, например, в Хельсинки, не требует особых схем, маршрут проложен на наших полетных картах. Все необходимые данные экипажу могут быть переданы по радио. Над территорией Финляндии экипаж был бы обеспечен связью на русском языке».

В 1978 году в ленинградском небе угонщиками был захвачен Ту-134. Командир В. Ледовский, думая о безопасности пассажиров, отважился пересечь границу. Диспетчеры-финны с готовностью освободили воздушный коридор и посадочную полосу. Самолет и люди были спасены. Преступников передали в руки советского правосудия. Все кончилось хорошо, если не считать, что командира потом затаскали по кабинетам: почему уступил угонщикам?

Житейски мудрый подход, за который у нашего летчика были неприятности, узаконен в практике мировых авиакомпаний. Экипажи «Люфтганзы», например, летают без оружия, при открытых дверях кабины. В случае нападения, если не удается преступников уговорить, они обязаны ради безопасности пассажиров сажать самолет в любом названном угонщиками аэропорту.

Я нашел В. Ледовского, теперь командира Ту-154.

— Даже если на 413-м никто не знал английского, а финская сторона не нашла бы в те же минуты представителя Аэрофлота, достаточно было ленинградским диспетчерам передать экипажу частоты привода аэродрома Хельсинки, другую нужную информацию, и экипаж благополучно приземлился бы на финском аэродроме.

Об этом же говорил мне начальник сектора правовых проблем ГосНИИ гражданской авиации кандидат юридических наук Н. Остроумов:

— От наземных служб ждут не указаний экипажу, а сообщения необходимой ему информации в обеспечении посадки в любом выбранном командиром аэропорту, независимо от того, на территории какого государства он находится. Что же касается Финляндии, то у СССР имеется с этой страной «Соглашение о сотрудничестве и предотвращении угона воздушных судов» от 23 августа 1974 года. Оно заключено на случай подобных ситуаций. Наше неумение использовать международные договоры приводит к драматическим последствиям.

Но давайте поймем экипаж 413-го. Хотя в кабине был владеющий английским (штурман В. Кравченко), все-таки пересекать границу, лететь в незнакомом небе, не имея опыта посадки в чужих аэропортах, можно при психологической готовности. Никто не вправе упрекать летчиков, если они затрудняются на это решиться и из двух опасных вариантов выбирают все же им известный.

Перечитывая расшифровку переговоров 413-го с диспетчером Вологодского районного центра УВД, убеждаешься: экипаж не робел.

— Вы готовы следовать за рубеж, да? — спрашивает диспетчер.

— Да, а куда нам нужно следовать, давайте с Ленинградом поговорите.

— Понял вас, — отвечает диспетчер.

Почему же, оценив возможности и будучи готовым в интересах безопасности лететь в Финляндию, экипаж руководствовался не «Воздушным кодексом СССР», оставляющим за командиром судна право самому принимать решение, а подчинился какой-то властной силе, незримо руководившей им? Не у одного меня возникла мысль о, может быть, тайной инструкции, предписывающей экипажу распорядок действий. Об этом спрашивал заместителя министра ГА СССР и корреспондент «Советской России».

«Инструкций у нас, конечно, много...— последовал ответ.— Но такой нет». Командир экипажа «руководствовался не чьим-то или собственным твердолобым упрямством, а разумной оценкой конкретной ситуации...» Ответ был оставлен без комментариев, как не вызывающий сомнений. А вызывал...

Мы встретились с В. Куприяновым, когда экипаж в очередной раз прилетел из Иркутска в Домодедово. На койке профилактория для летного состава сидел усталый командир бывшего 413-го, один из опытнейших пилотов гражданской авиации. Хотелось понять, почему он пошел на окончившуюся так драматически имитацию посадки на обещанный преступникам финский аэродром Котка, фактически сажая самолет под Выборгом.

— Не имею права говорить.

— Может, инструкция, Валентин Федорович?

— Не имею права...

— Может, «Памятка»?

У Куприянова расширились зрачки:

— Вы знаете?!

«Памятка» — один из документов, вручаемых экипажам перед вылетом. Ею обязаны руководствоваться при угрозе захвата.

Наверное, на заре насильственных угонов самолетов можно было не подозревавших о ловушке вооруженных преступников вводить в заблуждение: объяснять, что их требования невыполнимы по причине недостатка топлива, плохих метеоусловий, отсутствия карт и т.д., имитировать посадку в зарубежном аэропорту, а потом, все же находясь на родимой земле, вести переговоры или бросать на штурм «группу захвата». Но хитрость давно перестала быть эффективной. Преступники не хуже нас осведомлены о незамысловатом маневре. Даже дилетанты Овечкины предусмотрительно потребовали облета аэродрома на низкой высоте. По чистой случайности они увидели в иллюминатор солдат, срывавших с шапок звездочки, и топливозаправщик с надписью «Огнеопасно», когда колеса уже коснулись посадочной полосы. Раскрыв игру, они убили взятую заложницей бортпроводницу и открыли беспорядочную стрельбу.

Маневр не тайна для преступников. Но разгаданный ими при снижении, еще в воздухе, он может привести к трагическим последствиям для всех на борту.

При последнем происшествии, в Баку, когда экипаж и наземные службы, следуя все той же инструкции, снова старались во что бы то ни стало посадить самолет на своей территории, опять же только по случайности удалось избежать новой трагедии. На этот раз сумели обезвредить преступника — он оказался не вооружен, при нем не было взрывчатки, он хотел взять на испуг,— увы, среди угонщиков не часты простаки. Дело, однако же, в том, что, принимая рискованное решение, службы не знали, вооружен ли преступник и какова действительная опасность, и снова ставили на карту жизнь десятков людей. Зато не отступили от «Памятки»...

Знаете, почему авторы обоих интервью — заместители министра ГА СССР (И. Васин сейчас — представитель СССР в Совете ИКАО в Монреале) — умалчивают о «Памятке», даже отрицают ее существование? В ее левом и правом верхнем углах после слова «Утверждаю» — их подписи.

«Памятка» — продукт традиционной идеологии времен закрытого общества. Положенный в ее основу принцип проясняют сами заместители министра: «Удовлетворение требований террористов придаст им уверенность в своей неуязвимости. Такой подход только бы подорвал безопасность в гражданской авиации». Выходит, будем жертвовать всем, отстаивая принцип.

Расчет на обманную игру, как на выход из кризисной ситуации, продолжался на аэродроме под Выборгом, когда наземные службы, дожидаясь прибытия «группы захвата», по-прежнему хитрили с уже разгадавшими ситуацию, теряющими над собой контроль Овечкиными. Судьба оказавшихся заложниками пассажиров висела на волоске. Из переговоров 413-го с руководителями наземной операции:

— Пять минут дали, еще пять минут...

(Овечкины требовали заправки и взлета курсом на Финляндию.)

— Что значит пять минут?.. Призывайте их к благоразумию. Мол, мужики, вы занимаетесь ерундой, гарантируют солидные фирмы вам вылет...

(В эти минуты солдаты окружали самолет.)

— Они дают пять минут, иначе будут стрелять в пассажиров...

— 413-й, сейчас для усыпления бдительности вам пошлют тягач, передайте им, что сейчас будет тягач, будем готовить к вылету...

(Солдаты в бронежилетах поднимались через окно в кабину пилотов.)

— ...Уже невозможно больше, сейчас они в пассажиров будут стрелять!

Наземные службы не знали, какова взрывная сила припасенных братьями «бомб», и не могли быть уверенными, что обезумевшие угонщики не откроют стрельбу по пассажирам. Все могло произойти перед тем, как Овечкины один за другим покончили с собой. Руководителей операции более всего заботило — любой ценой удержать самолет, не выпустить его за границу. Пусть на взлетной полосе останутся руины, трупы, покалеченные люди — зато все сделано, как положено.

Пропагандисты в беседах с летным составом, касаясь происшествий, таинственно («думаю, в этой аудитории можно сказать») намекают, что угонщик — фигура подставная. Главный же притих среди пассажиров, держит на коленях портфель, а в нем такое! Это уже известно тем, кому положено... Опасен разрыв между высочайшими скоростями воздушных кораблей и темпами перестройки мышления. Остановить бюрократическую деградацию можно только при всем честном народе неустанным ее обнажением. На это требуются годы. Но когда обществу удастся раскороновать государственные структуры, снять с них бремя господства, поставить их под свой контроль, начнется ломка многих стереотипов административного сознания. Мы признаем, например, что угонщики на Западе и у нас — разные. Там, как правило, хорошо подготовленные террористы с пакетом политических или финансовых требований. Их кровавые диверсии стали в ряд самых тревожных проблем века. Я не слышал, чтобы там угоняли самолет с целью перебраться на жительство из Марселя в Рио-де-Жанейро.

Венское соглашение государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе предусматривает уважение свободы каждого человека покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну. Наша подпись под этим документом снимает искусственные трудности, на которых покоилась бюрократическая система с ее жесткой абсолютизацией требований. Желающим переменить место жительства не надо копить порох — только деньги на билет.

И я бы не стал валить вину за случившееся в нашем небе 8 марта 1988 года на должностных лиц МГА. На них одних. Они давно акклиматизировались в среде закупорившего себя общества, приучились ловить витающий в нем «дух», материализуя его в своих приказах, инструкциях, памятках. И не замечают, какое за окном бурлит время. Надеются, что по-прежнему никто не осудит властный взгляд, которым приносится чужая жизнь в жертву административным амбициям.

Трудная наша история притупила чувство неискупимой вины каждого, когда рядом безвременно гаснет свечечка чьей-то жизни. Фанатизм до сих пор клянется неистовым лозунгом «Умрем, но своего добьемся!..», не принимая в расчет, что ради поставленной цели есть право жертвовать собственной жизнью, а не чужой. Так дальше нельзя. Давайте помнить, что истинная цивилизованность государства не в сплошной грамотности населения, не в ночных огнях автострад, не в современной молодежной моде и даже не в социальном страховании и отсутствии безработицы. А в отношении к чужой жизни, высшей общечеловеческой ценности. Хорошо бы этой простой мыслью публично проверить наши ведомственные инструкции, в том числе те, о которых общество не подозревает.

«ВОТ ТАК ОКТЯБРЯТА, БРЯТА...»

ИСТОРИЯ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

Автор этого стихотворения — Георгий Николаевич Оболдуев (1898—1958). Незнакомое имя? Да, почти незнакомое. Есть на то свои причины.

Жизнь Г. Н. Оболдуева сложилась непросто, несчастливо. Из Высшего литературно-художественного института имени В. Брюсова был исключен как сын предводителя дворянства. С юности сочинял стихи. Увлекался Хлебниковым. Печататься начал в 1929 году. А вот выпустить книгу не успел. Накануне 1934 года был арестован по доносу (ему вменялось в вину, в частности, распространение «нелегальной рукописи» со стихами Марины Цветаевой). Приговор, вынесенный в марте тридцать четвертого, до убийства Кирова, был относительно мягким. Поэт получил — после нескольких месяцев, проведенных в Бутырках,— пять лет административной высылки на Медвежью гору, в Карелию. После отбытия срока имел «минус четырнадцать», то есть не мог поселиться в 14 крупных городах.

Затем — война. С 1943 по 1945 год Г. Н. Оболдуев был на фронте. Служил в разведке рядовым. После войны много писал. Но до книги так и не дожил: она лишь сейчас готовится к печати.

Уже в конце 50-х — начале 60-х годов вдова поэта Елена Благинина — лирик с чудесным, чистым голосом — посвятила памяти мужа цикл стихов.

К чему я все это вспоминаю?

Не так уж много на свете стихов, про которые можно сказать, что у них есть своя судьба. Так, безусловно, можно сказать об «Октябрятах». Их автор стал жертвой политического доноса при жизни. Они удостоились отдельного политического доноса после его смерти.

Стихотворение увидело свет через тридцать шесть лет после его написания — в журнале «Колобок» (1969). Опубликовал «Октябрят» я, и таким образом донос на стихотворение стал и доносом на меня.

«Октябрята» не просто были опубликованы — ими открывался номер! Журнальный разворот поделили пополам: наверху — шуточные стихи, внизу — вполне серьезная заметка журналистки В. Минаевой о том, почему октябрят называют октябрятами. Стихи забавно проиллюстрировал художник В. Дмитрюк. «Колобок» в это время был еще младенцем, на пути издания имелось немало препятствий, организационных и технических, но ни у кого в редакции не возникло опасений, что журналу в связи с публикацией грозят неприятности. Всем стихи пришлись по душе!

Но вот 29 ноября 1969 года один из участников популярной передачи «КВН» позволил себе с телеэкрана слегка «пощипать» некую длиннейшую и скучнейшую, во веки веков никем не прочитанную поэму про пионеров. Обиженный автор нашел защиту у своего приятеля, тогдашнего, хотя и не самого главного, «начальника» от детской литературы, критика Н. Возможно, этот, ныне покойный, стихотворец принес Н-у и свежий «Колобок» в качестве примера того, как не надо писать. Вскоре на имя тогдашнего председателя Гостелерадио Месяцева пришло письмо, содержавшее такие выражения, которые не могли не испугать председателя.

«Считаю своим долгом обратить ваше внимание на возмутительные случаи некомпетентного вторжения в область детской литературы... Один из... (увы!) немногих, кто наследует... традицию политической поэзии для маленьких... вызывая злобную зависть обывателей. Почему-то именно его редакция «КВН»... избирает мишенью для того, чтобы заклеймить халтуру... Примерно в те же дни, когда редакция «КВН» оплевывала лучшее в нашей детской поэзии, под грифом Комитета вышел «Колобок», который открывается стихами Г. Оболдуева... Эти стихи не назовешь даже халтурой. Потому что это политическая диверсия, допускаю, что бессознательная».

По сути, это было чудовищное обвинение, за которым в сталинскую эпоху следовали параша, кирка да приклад. Какие же нужны аргументы, чтобы его обосновать? Вот какие.

«Сквозь бредовую (будто бы игровую) форму пробивается тщедушный смысл, согласно которому октябрята — это те, кто «всем вокруг надоедают», гоняют кошек и собак, в школе учатся, «как звери»(?!) — и все... От бессмысленной игры... ребята смертельно устали. Но в данном случае издевательски снижается, опошляется... сама идея октябрятского движения... Вот два факта: некомпетентное обывательское хамство с голубого экрана — и такое же обывательское хрюканье со страниц стотысячного журнала. А причина, в сущности, одна. Центральный Комитет КПСС, дескать, может принимать сколько угодно постановлений о дальнейшем развитии детской литературы, а мы все равно будем посвоему».

Меня вызвали на коллегию Гостелерадио. Месяцев изложил письмо и прочитал три строфы стихотворения. Забавные строки на чиновничьем собрании прозвучали особенно неуместно. Из журнала мне пришлось уйти.

Почему же, спросите вы, я не называю имени критика Н.?

Причина проста. Он вроде бы уже не «начальник» от детской литературы. Недавно прислал мне письмо. Свой поступок объясняет так: «Это была одна из молодых глупостей, которые, несмотря на все успокоительные доводы рассудка (ведь искренен был и честен), оставляют по себе на долгие годы боль неспокойной совести и запоздалого сожаления».

Мне этого достаточно. А вам, читатель?

Владимир ПРИХОДЬКО

Георгий ОБОЛДУЕВ

ОКТЯБРЯТА

Вот так октябрята, брята,
Рята, ята, та...
Превосходные ребята,
Просто красота.

В школе учатся, как звери,
Вери, ери, ри...
Хорошо по крайней мере,
Что ни говори.

Дома тоже не зевают,
Вают, ают, ют...
Всем вокруг надоедают:
Тут, и тут, и тут.

На дворе собачку, бачку,
Ачку, чку, ку, у...
Как увидят,— к ней вприскачку:
Будь, мол, начеку.

Кошечка, ошéчка, шечка,
Ечка, чка, ка, а...
Молодого человечка
Тоже побаивается слегка.

Что за октябренок, бренок,
Ренок, енок, нок...
Мал, да мил, а голос тонок,
Звóнок, как звонóк.

Будь же счастлив, октябрюша,
Рюша, юша, ша...
Жизнь твоя вкусна, как груша,
Очень хороша!

1933

Моисей ЦЕТЛИН

ВЫСОКОЕ КОСНОЯЗЫЧЬЕ

Если продолжением природы действительно является культура, можно понять, каким образом слиты в стихотворениях Моисея Цетлина мудрость и абсолютная поэтическая непосредственность. Драгоценнейшее и редчайшее сочетание.

Никаких катастроф во внешней биографии М. Цетлина, кажется, нет, а сенсации в ней и вовсе отсутствуют. Так неужели это может затруднить встречу читателя с его поэзией?

Всякое мощное и бурное проявление личности находит отклик в его душе. А в слове глубоко заложена идея приятия мира, чувство историзма, исторической традиции.

Многие десятилетия он был едва ли не единственным читателем своих стихов. Но творческая воля не дрогнула и не сломилась. Моисей Цетлин начал писать в 20-е годы и пишет с той же силой и вдохновением сегодня, на девятом десятке от роду. В этом цикле — стихи разных лет.

Александр МЕЖИРОВ

ФРАНЦИСКАНЕЦ

Подпоясанный веревкой,
Он бродил, босяк отпетый,
По дорогам и селеньям,
Проповедуя Христа.

Шел, ликуя, по Европе,
Продираясь чрез столетья,
И горела неизменно
Над бродягой высота.

Не отшельник,
а апостол,
Россыпь всех светил Господних,
Ширь морей, огонь пустыни
Людям он в смиренье нес.

С сердцем чистым,
хоть в коросте
Тело все, он шел к народу,
Шел с дарами благостыни
Прокаженный нищий пес.

ИЕШУА ГА-НОЦРИ

Его на заре расстрелял
трибунал,—
Посланника бога-отца.
Он к милости к лютым врагам
призывал,
К любви неземной до конца.

Горели деревни, дымились леса,
Пылали над фронтом, как ад,
небеса,
Кровавились топи войны.
А он о последнем возмездье вещал
И райские кущи бойцам обещал,—
Мальчишкам распятой страны.

Свершилось.
Провидец упал на песок.
Улыбка страданья. Пробитый висок.
За все получил он сполна.
А рядом — в обнимку — и недруг
и друг,
И месса февральских взбесившихся
вьюг,
И темная смерти волна...

* * *

Не знаю, сердцу где согреться
В когтях измен,
Едва ль к востоку от Суэца,
Где жив Гоген.
Где черных Афродит колени,
Как фазы лун,
Где рифы моет в исступленьи
Седой бурун.

ВЫСОКОЕ КОСНОЯЗЫЧЬЕ

Стихи мои подчас невнятны,
Нелепы и, как бред, темны.
Слова молитвы непонятны
Пришедшему со стороны.

В лицо он мне сердито бросит,
Чтоб объяснил я, что к чему.
Но мне невмочь. Что в том,
что просит,
И что отвечу я ему?!

Мой стих внимать не перестанет
Глаголам зауми земной.
Он — божества распознаванье,
Хоть бьется оземь головой.

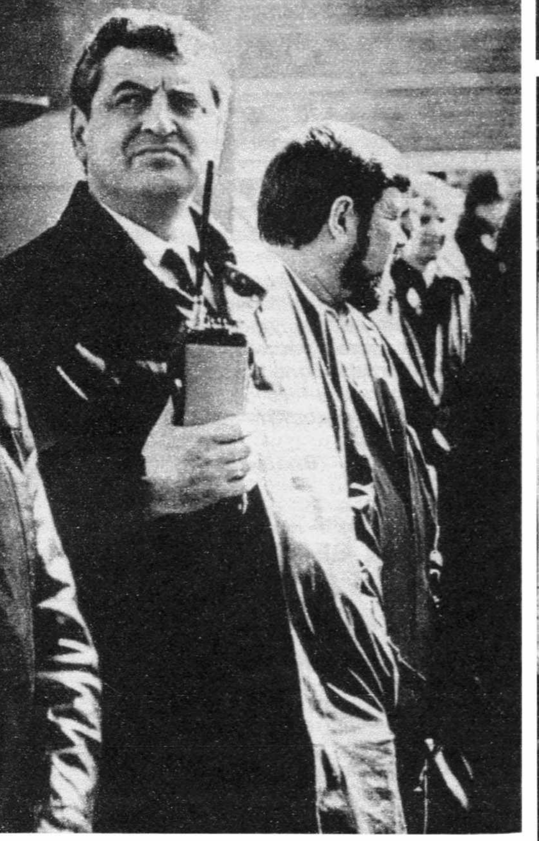

Фото
Ефрема ЛУКАЦКОГО
и Юрия ФЕКЛИСТОВА

52 53

ПЕРЕМЕН!

Петр ВЕГИН

* * *

Человечество
в очереди
топчется
за газетами,
хлебом,
зарплатой...
Пропустите Россию без очереди —
за правдой!

* * *

Предстоит командировка,
рокировка, сортировка,
может, и бомбардировка
с артобстрелом предстоит.
От Батайска до Багдада
президента и завсклада,
как тринадцатая зарплата,
ожидание томит.

Предстоит поимка вора,
оглашенье приговора.
Время в роли прокурора
рассекречивает ложь.
Тары-бары, тары-бары,
этим — лавры, этим — нары.
Перерезав пол-отары,
наконец сломался нож.

Дорогие мои детки,
наши пламенные предки,
что в кровавые рулетки
проигрались, — ныне вспять
без учета девальвации
проигрыш вернуть пытаются.
В счете пальцы загибаются,
а их надо разгибать.

С горем — все мы однолетки.
Счастье — крошки да объедки.
В нашей сказочке о репке
дедка бабку посадил.
Предстоит перестановка,
перекройка, перековка.
Внучка в клетчатой обновке,
дай Бог крепких тебе сил!

Родина моя, гордячка,
как назвать твою болячку?
Обалдев, как после спячки,
неуверенно идешь.
Время пахнет новой драчкой,
а народ из нетерпячки
переходит в нетерпеж.

И с гармошкой под березой
горлопанит баламут,
что таблетки от поноса
при ангине не спасут...

ХТО
за ЧОРНОБИЛЬ?
ЧЕРНОБЫ
-ЭТО БЕЗОТВЕТСТВЕНН КОВОДИТЕЛЕЙ!
-ЭТО БЕСПЕЧНО НАРОДА!
-ЭТО ВИЕ ГЛАСНОСТИ!
-ЭТО ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ ПОТОМКАМ!
ЛЮДИ! БУДЬТЕ БДИТЕЛЬНЫ!
ДОЛОЙ
„ТАЙНЫ" ЧЕРНО

Виктория ТОКАРЕВА

РАССКАЗ

У балерины Антиповой произошло в жизни два события: первое — ее отправили на пенсию. Второе — от нее ушел муж.

В результате получилось: соломенная вдова на пенсии. Тридцать семь лет — пенсионный возраст балерины. Что такое тридцать семь в жизни современного человека? Ничего. Нулевой цикл. Как фундамент строящегося дома. Впереди первый этаж, и второй, и пятнадцатый. А оказывается, все. Стройка закончена. Ты списана. И неизбежно в такие минуты набегает счет, сколько было отдано профессии: есть нельзя, постоянно недокормлена. Детей нежелательно — постоянная сирота. Ничего нельзя. Муж ушел к другой, которой все можно,— и детей, и макароны перед сном.

Получив два своих события, Антипова стала размышлять о дальнейших перспективах.

Первое — повеситься, что самое легкое. Купить веревку и кусок простого мыла. И отомстить обществу за свою выбраковку. Крючок выдержит. Антипова легкая, пятьдесят килограммов при росте метр семьдесят.

Второе — поменять обстановку. Уехать к морю, например. Прибалтика — все равно что заграница. Невысокие дома. Вывески на чужом языке. Чистота, сдержанность. Можно считать, что Антипова поехала в Финляндию.

Летом в Прибалтике многолюдно, северное солнце считается полезнее, чем южное. Но в этом году пляжи пустынны, море закрыто. В нем плавает какой-то зловредный вирус, о чем сообщили в газетах. Антипова подозревала: этот вирус в этом море плавает лет семьдесят. Просто раньше о нем помалкивали, а сейчас, в эпоху гласности, можно говорить. Вот и говорят.

Антипова каждое утро входила в море и плыла долго в сторону горизонта, а потом так же долго возвращалась, и в конце концов выходила на берег, и начинала растираться полотенцем. Полотенце она купила в городе Палермо в свои лучшие времена. В те времена, когда еще танцевала, и гастролировала, и была любима своим мужем, и не только им. Многие мужчины выделяли ее из кордебалета, не в силах оторвать глаз от ее движущейся в пространстве спины. Самым потрясающим участком на ее теле была спина. Муж говорил: к такой спине лица не надо. Но у Антиповой было и лицо. И сердце. И наивная, доверчивая душа. И никому не пригодилось. Брошенка на пенсии. На сегодняшний день нет ни мужа, ни сцены, ни зала. Разве только одинокий композитор за спиной. Композитор и Антипова отдыхали в одном пансионате, но как-то не учитывали друг друга. Композитор ходил, конвоируемый толстой женой. А Антипова существовала втроем: она и два ее события. Но в этот утренний час, когда солнце еще не добралось до середины неба, когда море дышало неглубоко и зловредный вирус заигрывал с рыбами, забыв об основной работе, в этот час на берег вышла фемина. Не женщина, а именно фемина, потому что у простых советских женщин не бывает такой спины. Композитор забеспокоился. Предмет беспокойства был ему поначалу неясен. Так нервничают собаки перед землетрясением.

Но внезапно он осознал причину беспокойства: красота. Спина — часть всеобщей мировой гармонии, как гениальная мелодия. А в мелодиях композитор понимал. Он был замечательный мелодист. Однако в последнее время что-то случилось. Он продолжал писать и получалось, но его новые мелодии походили на прежние, как муляж на яблоко. То, да не то. Внешне похожи, а есть нельзя. Работал профессией, а не душой. Еще совсем недавно, казалось, позавчера, был худой, молодой, нищий, жизнь ложилась прямо на оголенные нервы, он от нее взвивался и писал те самые мелодии, которые пели и генералы, и алкоголики, и народ, и правящая верхушка. А сейчас растолстел, заматерел, нервы — как в изоляционной прокладке. И мелодии — как муляжи.

Композитор не мог понять: это кризис или финал? Он ни с кем не говорил о своих сомнениях, но сам думал постоянно. И у него было состояние, какое бывает у людей, сидящих в очереди к онкологу. «Да или нет?» «Жизнь или смерть?» И сейчас, стоя на берегу, он думал о том же, пока не отвлекся на спину. Спина возникла на фоне моря как некий символ спасения. Ибо известно: красота и женщина спасут мир.

Антипова тем временем набросила махровый халат и пошла мимо него как ни в чем не бывало. Как будто не имела к своей спине никакого отношения.

— Доброе утро,— поздоровался композитор, зацепил словом, стараясь как-то задержать ее своим приветствием.— Как дела?

Можно искренне сознаться: «Дела, как сажа бела». Можно сказать: «Плохо». Но что это изменит? Антипова ответила:

— Спасибо.— Поблагодарила за внимание.

— Вы в каких отношениях с Казанцевым? — неожиданно спросил композитор.

Казанцев был большим музыкантским генералом, руководил всей музыкой страны.

— Ни в каких,— удивилась Антипова. Она танцевала под музыку Чайковского, Бизе. Ими Казанцев не руководил.

— Значит, в хороших?

Композитор рассчитывал: никакие отношения — это не плохие. А не плохие — значит хорошие.

— А в чем дело? — не поняла Антипова.

— Он сегодня к нам зайдет. С женой. В шесть часов. Приходите и вы.

— А зачем? — удивилась Антипова.

— Посидим. Выпьем коньячку.

От коньячка на другой день будет болеть голова. День вылетит. За два часа сомнительного удовольствия с двумя семейными парами придется выбросить день. Антипова установила закономерность: за все надо платить тою же ценой: за хмель — похмельем, за хорошую фигуру — бездетностью, за труд балерины — возрастной выбраковкой. И еще неизвестно: стоит ли цена того, за что заплачено? Не переплатила ли?

— Я за вами зайду,— пообещал композитор.— Какая у вас комната?

— Шестнадцатая,— ответила Антипова, припертая вопросом к стенке.

Ей не хотелось быть связанной словом, ожиданием. Душа жаждала свободы и покоя. На тумбочке возле кровати лежал Николай Васильевич Гоголь, которого не перечитывала после школы. Хорошо бы перечитать всю классику. Когда же и читать, как не на пенсии?

Антипова постановила для себя не ходить в ненужные гости. Но в пять часов, когда остался час до события, вдруг передумала. Захотелось чего-то еще, кроме моря, книг и одиночества. Накраситься, одеться в смелое платье с голой спиной и бантом на талии. Прийти неважно куда и сидеть неважно с кем — пить, и плыть, и слушать пустые речи. Это ведь не важно: о чем говорят, кто говорит. Важно, что она не одна и жизнь продолжается. Это ведь лучше, чем висеть на крючке или в двухтысячный раз варить в себе обиды, напоминающие вкусом едкое мыло.

Антипова подошла к зеркалу. Морской ветер натянул ее лицо на скулы, позолотил загаром. Антипова выглядела на двадцать семь, и если не знать, что она брошенка на пенсии, никому и в голову не придет. Главное — ничего не объяснять. Объясняются виноватые. А она в чем виновата? Что ей тридцать семь? Но дальше будет еще хуже. Дальше будет пятьдесят. И шестьдесят, что тоже хорошо. Старость — это плата за жизнь.

Антипова смотрела на себя в зеркало и представляла, как внутренне ахнут мужья и внутренне крякнут жены. И в этот момент раздался стук в дверь.

Антипова распахнула дверь резко и настежь и предстала в такой грозной красе, что композитор отпрянул, будто его осветили фарами.

Потом проморгался и сказал:

— Знаете, ничего не получилось... Пришло так много народу...

— И что? — не поняла Антипова.

Композитор мученически молчал.

— Некуда сесть? — подсказала Антипова.

— Да, да, вот именно... Некуда сесть,— оживился композитор.

Значит, Антипову не пускают потому, что все посадочные места заняты, как в самолете. Но она понимала: дело не в этом. Свободные места были. В крайнем случае можно сесть и на подоконник, и на пол. В тесноте, да не в обиде. Дело в другом: пришел Казанцев с женой. Без оравы. Композитор радостно сообщил: «А я тут нашу соседку пригласил. Балерину. Очень милая женщина».

«Знаете что, давайте посидим без посторонних,— попросила жена Казанцева, дама второй степени ожирения.— Мы так устали от людей. На черта нам чужие?»

Казанцев молчал, и это молчание было как резолюция: отменить.

Композитор поплелся виноватым псом и сейчас стоял и врал. Вообще композитор был страшненький, но красивый. Энергия таланта шла от его лица, как тепловая энергия. Но сейчас, в данную минуту, от него исходила унизительная вибрация, как от виноватой собаки. И, как собаку, его хотелось отодвинуть ногой.

Антипова закрыла дверь, отсекая себя от вранья.

«Жлобы,— подумала она.— Буржуазия...»

Если бы она была при ДЕЛЕ или при МУЖЕ, с ней не посмели бы так обойтись. Она почувствовала себя ящиком, который выбросили на помойку, несмотря на яркие наклейки.

Антипова не понимала, что теперь делать со своим красивым платьем, нарядным лицом. Потом понесла все это в столовую. Близилось время ужина.

В столовой на нее устремились многие пары глаз, посылая в пространство разнообразно заряженные лучи. В воздухе, как пылинки, струились частички зависти, восхищения, желания, пустого любопытства и любопытства со знаком плюс и со знаком вопрос. Антипова чувствовала их на своей коже, как уколы циркулярного душа, который лечит и бодрит. Все же она была балерина, привыкла поражать.

Кормили, как всегда. В гостях у композитора было бы вкуснее.

Антипова вышла из столовой и тут же увидела композитора. Похоже, он ее караулил. Может быть, достал в соседнем номере еще один стул и обеспечил для Антиповой посадочное место. И теперь зашел за ней и ждет. Но композитор просто стоял и смотрел с несчастным видом.

— Ну что, выпили коньячку? — беспечно спросила Антипова.

— А... рюмка в горло не идет,— сознался композитор.— Но кто ж знал, что они приведут с собой ораву...

Значит, он подошел во второй раз сказать, что ей нет места на празднике избранных.

— Да ладно врать,— спокойно сказала Антипова.— Не было никакой оравы.

Глаза композитора расширились в мистическом ужасе, как будто он увидел привидение.

— Хотите, скажу, как было? — предложила Антипова.— Пришел Казанцев с женой. Вдвоем. И сказал: «Посидим без посторонних. На черта нам чужие».

— «На черта нам чужие» не было. Просто «посидим без посторонних».

Помолчали. Антипова в третий раз сглотнула унижение.

— А что я мог сделать? — спросил композитор.

— Не приглашать. Или настоять на приглашении, если вы мужчина, конечно.

Композитор понимал, что она права, но хотел сочувствия и прощения, как подросток. Вернее, переросток.

— Вы жестокая женщина,— кокетливо упрекнул он.

— А почему я должна вас жалеть? Вы нахамили и вас же жалеть?

Антипова обошла композитора, как предмет, и поднялась на свой этаж.

Возле лифта стояла жена композитора в нарядной белой кофте с большим круглым воротником. Шея

М ЧУЖИЕ

Рисунок
Левона ХАЧАТРЯНА

у жены была короткая, практически отсутствовала, и голова лежала на воротнике, как арбуз на тарелке. Она метнулась к Антиповой, доверчиво глядя ей в глаза, буквально перетекая в Антипову через зрачки.

— Ой, какие ж милые эти Казанцевы! Какие простые! Такая семья... Это ж сейчас такая редкость. Все вокруг разводятся, бросают друг друга, ничего святого. Как перед концом света. А Казанцевы...

Жена композитора сморщилась, будто добродетели Казанцевых доставляли ей сладостное мучение.

— Им у нас так понравилось. Я, знаете, из дома всегда вазочки вожу, салфеточки. Расстелю, расставлю — и уже вид...

Антипова терпеливо слушала и понимала: дело не в вазочках и не в салфеточках. Дело в том, что в гости пришла ВЛАСТЬ. Пришла и сказала: «Мы с вами. Вы с нами». Протянула руки, и они сплелись в дружном хороводе. А Антипова — вне хоровода. Она им чужая. Но зачем об этом надо все время напоминать?

— Спокойной ночи,— попрощалась Антипова и пошла в номер. Заперлась на ключ. Она опасалась, что сейчас явится подвыпивший Казанцев и скажет, что она им ни на черта не нужна. Одно только странно: почему они не сидят за столом плечом к плечу, пьют коньячок и поют ранние песни композитора? Почему вместо этого они бегают по коридорам и отлавливают Антипову во всех углах?

«НЕ ПРИШЛИ...» — осенило Антипову. Она поняла это интуицией, которая бывает глубже, чем знание. Не пришли. Власть нахамила. Власть сказала: обойдемся и без вас. На черта нам чужие! И теперь композитор и его жена боятся, что это просочится. Станет известно. Все узнают, что у композитора финал, а не кризис. Финал. Его больше нет. Был такой и нет. Может идти на пенсию. На заслуженный отдых.

Антипова вспомнила навязывающуюся искренность жены композитора. Какую же пропасть надо иметь под ногами, чтобы так суетиться перед незнакомой бывшей балериной. Их мучает страх: «А что теперь будет?» Антипова знает этот страх. От него мерзнет кожа на голове. Ей даже захотелось спуститься в бар, купить бутылку водки, прийти к композитору и сказать: «Давайте выпьем, ребята. Посидим без посторонних».

И в самом деле: что общего у художника с властью, даже если этот Казанцев глубоко порядочный семейный человек? Антипова вспомнила его лицо, намелькавшееся в телевизионном экране. У Казанцева второй подбородок, но не наполненный салом, а висящий пустым кожаным мешочком, как у индюка. И когда Казанцев темпераментно кричал свои речи, он тряс лицом, волосами, и мешочек болтался во все стороны.

Людей объединяет успех, а не обиды. Обиды разъединяют. Казанцеву не до гостей. Власть качается под ним, как земля во время землетрясения. Не знаешь, откуда упадет и придавит. Человек не выбирает ВРЕМЯ. ВРЕМЯ выбирает человека. Чем он виноват, что жил в свое время и жил, как все ему подобные?

1989 год обидел Казанцева, Казанцев обидел композитора. Композитор — Антипову. Хорошо, что на ней эта цепочка и кончается. Ей некого обижать.

За окном дышало море. Антипова вообразила: море — это гигантская тарелка горя. И каждый стоит со своей ложкой, черпает и пьет. Никто не толкается. Всем хватит места, и горя всем хватит. Тарелка большая. Со стороны Швеции стоят шведы. Со стороны Финляндии — финны. А с нашей стороны — наши. И тут же Антипова и Казанцев. И никто никому не чужой.

Антипова взяла куртку и пошла на берег. В общем, ничего не случилось. Она ведь не хотела идти в гости. Вот и не пошла. А с чего все началось? Ее пригласил композитор. Почему пригласил? Увидел на пляже. СПИНА — вычислила Антипова. У нее красивая спина. И легкий шаг. Антипова подошла к воде и вытянула ногу в сторону под прямым углом. Получилось замечательно. Она оттолкнулась ногой о воздух и медленно закружилась вокруг своей оси. Большая, тяжелая чайка летела к берегу и с удивлением смотрела на Антипову.

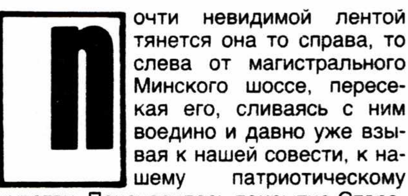
Далеко в море, однако не очень далеко, в глубоких водах стоял корабль, и капитан корабля видел в подзорную трубу берег и беззвучно вращающуюся фигурку балерины.

Солнце садилось, прощалось с этой стороной Земли, с морем и горем, птицами и людьми, с еще одним прожитым днем. Небо было расписано абстрактными всполохами — розовыми и малиновыми. Было так красиво, так наполненно, как всегда бывает перед разлукой.

По старой Смоленской дороге

(Дневник одной поездки)

Юрий ОСИПОВ

Почти невидимой лентой тянется она то справа, то слева от магистрального Минского шоссе, пересекая его, сливаясь с ним воедино и давно уже взывая к нашей совести, к нашему патриотическому чувству. Поизносилось покрытие Старого Смоленского тракта, в дождливую осеннюю пору здесь теперь не проедешь. А ведь некогда это был знаменитый торговый путь «из варяг в греки», ставший затем дорогой ратных испытаний для нашего народа.

Сегодня намечена широкая программа культурного строительства, один из главных пунктов которой — создание мемориальной зоны Старой Смоленской дороги. Первым реальным шагом к ее воплощению явилась экспедиция — по инициативе Советского фонда культуры — группы историков, искусствоведов и ответственных работников ведущих подразделений ВАО «Интурист», также заинтересовавшегося этой идеей и готового вложить в ее осуществление немалые средства да еще привлечь зарубежные фирмы-партнеры.

Где обозначить начало будущего мемориального маршрута? Конечно же, у Поклонной горы, чье наполовину срытое тело изуродовано ныне железобетонными каркасами.

* * *

«...Отныне имя его должно сиять в наших летописях наряду с Полтавою и река Нара будет для нас так же знаменита, как Непрядва...» Эти строки из письма Кутузова от 23 октября 1812 года, когда русские войска покидали лагерь под Тарутином, выбиты на величественном памятнике, воздвигнутом в 1834 году по проекту Д. Антонелли «на пожертвования крестьян с. Тарутина». Обидно за огороженный сиротливым дачным штакетником холм, знаменующий собой Тарутинский лагерь. Обидно за ютящийся в маленьком домике музей, основанный учителем тарутинской средней школы В. Я. Синельщиковым. Его сегодняшние преемники мечтают отреставрировать сохранившиеся местами валы укреплений бывшего лагеря русской армии, но не могут добиться даже отторжения мемориальных участков от территории соседнего колхоза...

Мерзость и запустение царят на монастырской площади Малоярославца, в эпицентре второго по величине и значению сражения Отечественной войны, бесповоротно закрывшего Наполеону путь в богатые провиантом южные губернии и заставившего его искать спасения в бегстве по им же разоренной Смоленской дороге. Оправданы иссеченные картечинами ворота древнего Черноостровского монастыря, которые Николай I запретил ремонтировать и на которых к столетию Малоярославецкого сражения укрепили доску с надписью: «Язвы 12-го года». Однако нет оправдания язвам сегодняшних равнодушия и беспамятности. А ведь здесь бы мог быть туристический центр! Да вот только кто возьмется привести все в порядок? Монастырь-то фактически бесхозный, и привычное клише «Охраняется государством» — звук пустой. Начали было в 1964 году реставрацию внутри собора, более пятнадцати лет строившегося на деньги гвардейских полков, казаков и жителей разных городов России. Потом прекратили. Стекла выбиты, храм разорен, и таким он встречает сейчас отдельных туристов.

С кого тут спрашивать? С районного и областного начальства? А может быть, с хозяйственных министерств и ведомств, что привыкли только брать и брать, ничего не давая взамен, ничем не желая поступиться, надменно изолировав себя от историко-культурного контекста территорий, на которых они ведут свою деятельность? Например, давно уже хотят в Малоярославце создать музей почтового быта на почтовой станции, где по дороге в Калугу останавливался Гоголь, да вот местное ДРСУ упорно отказывается освобождать здание.

Пока все происходит примерно так, как горестно живописал нам в Калуге заместитель начальника управления культуры Николай Васильевич Потороченко:

— Живем по принципу: кто с ножом, тот и с мясом. Никому ничего не нужно. Культура хозяйственных руководителей крайне низка. Многие до сих пор считают, что чем больше снесут церквей, тем лучше. Есть, правда, и другие, своими силами то одну, то вторую церквушку оцинкованным железом покроют. По области лишь выявленных памятников полторы тысячи, а мастеров-реставраторов — 150, притом безо всякого обеспечения фондами. Нет большемерного кирпича (обычного тоже не хватает), вместо необходимых хвойных пород древесины получаем осину и березу. При этом план реставрационных работ нам увеличили с 700 тысяч до 1 миллиона рублей, мы же и 500 тысяч освоить не в состоянии. Обращались за помощью в туристические организации, предлагали им развернуть у нас базы отдыха. Из ВЦСПС пришел отрицательный ответ. Местное отделение Фонда культуры? У него даже собственного помещения нет...

Да, омрачена радость встречи с изумительными торговыми рядами, «швейцарским» мостом через бездонный овраг и прочими архитектурными шедеврами старой Калуги, города русского классицизма. Мысль о судьбе бесхозных, гибнущих окрест памятников тревожит душу и в бывшей усадьбе купца Золотарева, возрожденной городским краеведческим музеем. Дивишься богатству и разнообразию его экспонатов в любовно подобранных интерьерах, любуешься наградным веджвудским сервизом Гончаровых из Полотняного Завода, с трепетом дотрагиваешься до сработанного там же крепостным мастером Олимпием громадного инкрустированного стола, за которым не раз сиживал Пушкин, а перед глазами невольно возникает удручающая картина многолетней разрушительной «реставрации» имения родителей Наталии Николаевны, где в середине октября 1812 года размещался Главный штаб русской армии и квартировал Кутузов.

* * *

«Если вы слышали о генерале Дорохове, который освободил ваш город от врагов Отечества, то в воздаяние дайте мне три аршина земли для вечного моего успокоения при той церкви, где вместе с храбрыми вашими согражданами я взял приступом укрепление неприятельское...»

Маленькая Верея сочла за честь дать последний приют прославленному генералу 12-го года. После кончины его останки были помещены в склепе на колокольне собора Рождества Христова, построенного в XVI веке. Однако в 1918 году местные активисты в раже борьбы с религиозным дурманом разрушили колокольню, сбросили гроб с прахом «царского сатрапа» на каменный пол церкви, где осколки вперемешку с костями долго еще валялись под ногами разорявших храм. Позднее прах Ивана Семеновича Дорохова зарыли в безымянной могиле. Тогда же, в восемнадцатом, снесли прекрасный скульптурный памятник Дорохову у стен собора на холме. Вместо него соорудили стелу с головой Карла Маркса. В 1957 году новый, не отличающийся уже портретным сходством, памятник лихому кавалеристу занял свое место на уцелевшем постаменте...

Возрождение исторической памяти малых городов. Об этом теперь много говорят и пишут. Однако, проезжая Можайск, Вязьму, Гагарин (бывший Гжатск), мы видели, что громкие призывы слабо подкрепляются повседневными практическими делами.

Так, к изумительной Одигитриевской церкви в Вязьме надо пробираться через развороченный пустырь, мимо ржавых переплетов лесов, словно навечно сросшихся со стенами Ивано-Предтеченского монастыря...

«Загнали за Можай» — поговорка, родившаяся в XIV веке, когда литовский князь Ольгерд неоднократно пытался штурмом взять город и был изгнан за пределы тогдашних московских окраинных земель,— еще дважды обретала в нашей истории конкретное звучание: в 1812-м и в 1942-м, когда Можайск стал опорным пунктом одного из важнейших направлений Западного фронта.

Некогда весь город, который издревле называли «щитом Москвы», помещался на Соборной горе вокруг кремля. Ныне там пустырь с остатками крепостных валов былой столицы удельного княжества, чеканившего собственную монету.

Утешимся тем, что главной здешней достопримечательностью навечно останется поле в холмах и перелесках, к которому ведет по оврагам, проселкам, пашне старый почтовый тракт. 110 квадратных километров национальной святыни России. **Бородино!**

* * *

Это была наша последняя остановка на обратном пути из Смоленска, когда мы вдоволь навидались уже и плохого и хорошего. Еще в начале поездки с общего согласия решили отложить Бородино на «десерт»...

...Ближе к вечеру, после того, как укатили туристы и опустели смотровые площадки перед почти двумя сотнями памятников воинской славы и фортификационного искусства, мы поднялись на высоту в деревне Горки поклониться фельдмаршалу Михаилу Илларионовичу Голенищеву-Кутузову.

Увы, многое на обширном пространстве мемориального комплекса с течением времени и под напором потока экскурсантов ветшает, рушится, требует замены коммуникаций. В 1932 году был снесен как «памятник царским генералам» главный монумент русским воинам — героям Бородина — облицованная чугунными плитами колонна тридцатиметровой высоты, увенчанная крестом, на который пошло 6 килограммов золота (создал ее главный архитектор военного ведомства А. Адамини в 1839 году, повторив затем в уменьшенных копиях). Но глас общественности восторжествовал, и к 175-летию Бородинского сражения исполинский монумент был воссоздан в точности, вновь горделиво встав на Курганной высоте.

Придет ли черед остальным? И не постигнет ли их та же участь, что и главную колонну, с которой уже пропали золоченые стрелки? Туристы-вандалы растаскивают на сувениры приваренные друг к другу чугунные ядра у подножия обелисков (если так будет продолжаться, подлинных ядер на замену скоро не хватит). Российский орел на одном из памятников лишился короны. Самочинные золотоискатели, как кроты, роют по ночам Поле: не оставляют в покое батарею Раевского, недавно испортили Багратионовы флеши, и яма не зарастает...

Имеются утраты и посерьезнее. На подъезде от Смоленского тракта Поле изуродовано карьером. Совхоз «Александрово», несмотря на запреты, строит коровник в заповедной зоне без согласования проекта. Директор совхоза наведался к директору Бородинского музея-заповедника А. Д. Качаловой и сказал откровенно: «Алиса Дмитриевна, я все знаю, но все равно буду строить».

Пока музей выручает в основном армия. Вот истинный шеф Бородина, неизменно откликающийся на каждый призыв о помощи, а не республиканское Министерство культуры, в чьем непосредственном подчинении находится это общесоюзное достояние. Руками молодых бойцов восстановлены Багратионовы флеши, реконструированы участки линии обороны 1941—1942 годов, произведены раскопки на территории Спасо-Бородинского монастыря, где обнаружены останки сотен французских солдат с фрагментами оружия, личных вещей, одежды, пополнившие музейную экспозицию. Что находит самовольно ведущий раскопки на Бородинском поле клуб «Поиск» при Красногорском горкоме ВЛКСМ, музею не сообщается.

Между тем энергия молодежи очень пригодилась бы в осуществлении больших планов, которые вынашивает отнюдь не многочисленный коллектив научных сотрудников заповедника. Качалова и ее коллеги мечтают освоить и включить в мемориальную экспозицию после реставрационно-восстановительных работ новые объекты: Одигитриевскую церковь в селе Старом, свидетельницу легендарного рейда по тылам наполеоновских войск казаков атамана Платова; усадьбу на хуторе Михайловском близ Татаринова, где во время сражения располагалась штаб-квартира русской армии; Колоцкий монастырь, Шевардинскую усадьбу. Да

и платные конные маршруты по Полю, учитывая возможности окрестных колхозных конюшен, представляются весьма перспективной затеей.

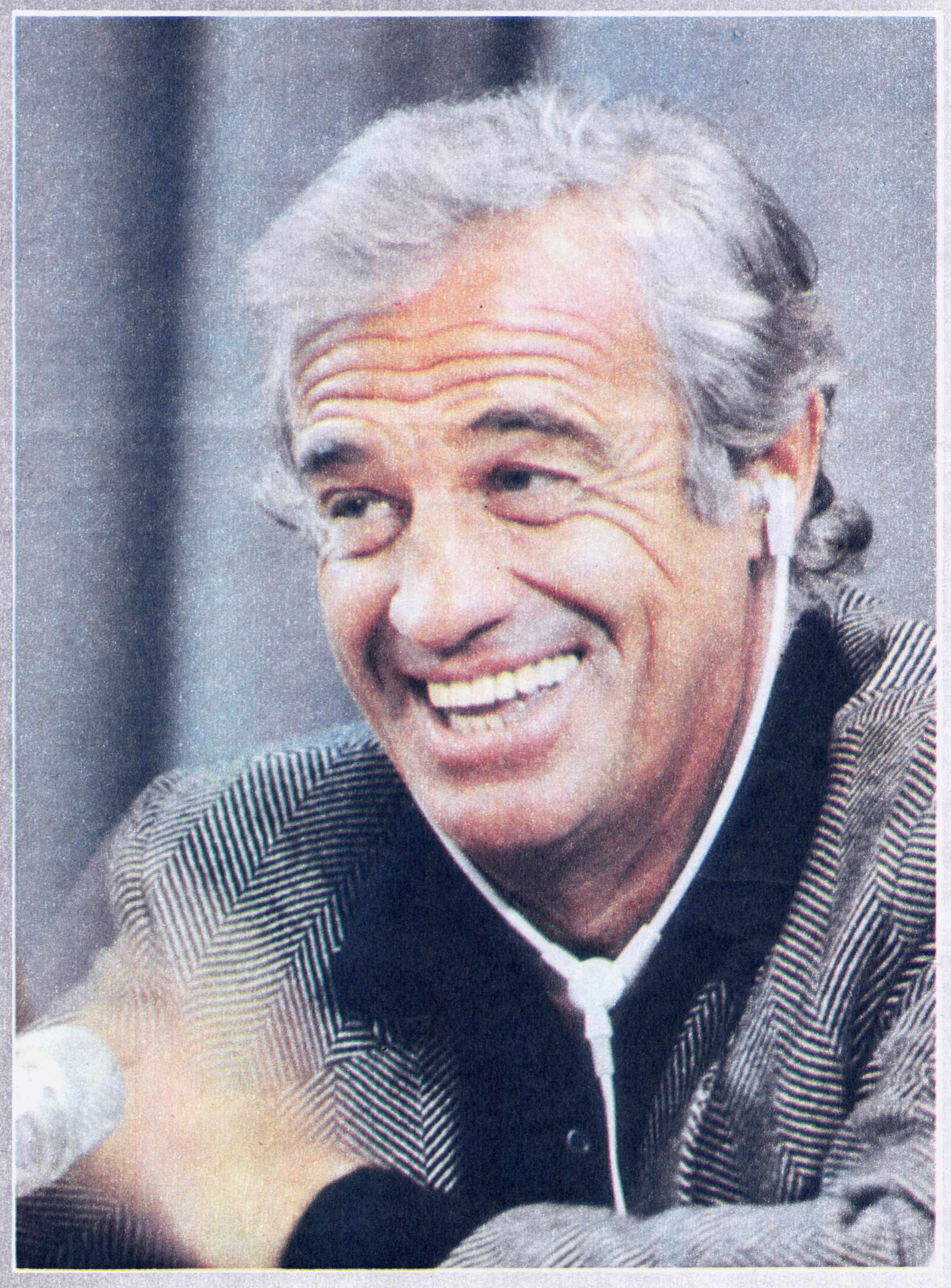
А своя гостиница, допустим, в одной из соседних усадеб, наподобие Пушкинских Гор и Святогорского монастыря? Вот был бы подарок туристам — и нашим, и зарубежным, желающим провести на Бородинском поле и в его окрестностях не пару часов, но пару дней! Причем доход получится солидный, не то что от продажи сувенирных пряников, значков и буклетов в небольшом кафе и двух киосках на автобусной стоянке перед военно-историческим музеем, которыми на сегодня все и исчерпывается.

Смоленская дорога терпеливо ждет. Ждут Малоярославец и Верея, Можайск и Вязьма, Боровск и Смоленск, где на доме, бывшем штаб-квартирой Барклая в дни обороны города, до сих пор нет мемориальной доски. А возможно ли новое «Золотое кольцо» без Болдина и Дорогобужа, без Красного и Соловьевской переправы с ее курганами захоронений русских воинов, без бедствующего рериховского Талашкина, грибоедовской Хмелиты, Полотняного Завода Гончаровых, Троицкого Екатерины Дашковой...

Фото Алексея ГОСТЕВА

ТОТ САМЫЙ БЕЛЬМОНДО

Собственно, сам приезд в Москву Жана Поля Бельмондо напомнил съемки очередного фильма с его участием: вынырнувший из облаков легкий спортивный самолет над Шереметьевом, многочисленные кино- и телекамеры встречающих... «Бонжур, Москва!» — произнес загорелый, симпатичный, подтянутый француз с очаровательной, знакомой по многим фильмам улыбкой неунывающего героя. В какой-то момент показалось, что у актера не найдется ни одной свободной минуты для разговора, такую плотную, до предела насыщенную программу предусмотрели опекавшие «звезду» французского кино сотрудники «Совэкспортфильма», и так тесен был круг сопровождающих лиц. Но пока все, кто желал получить ответ на интересующий вопрос, украсить свой журналистский блокнот автографом или «разрядить» в Жана Поля фотообойму, не были удовлетворены, гость не торопился занять место в черном лимузине...

— Совершенно неожиданно в новом фильме, привезенном в Москву, мы увидели «нового» Бельмондо. Ожидали уверенного в себе супергероя экрана, который непременно выходит сухим из воды, побеждает коварных врагов и часто напоминает небезызвестного Джеймса Бонда во французском варианте. Вместо этого — несвойственная вам роль: романтичный, замкнутый, ранимый, безумно любящий свою дочь отец в картине, посвященной обожаемому парижанами шансонье Жаку Брелю... Как вы пришли к этой роли, месье Бельмондо, ведь не секрет, что и для многих французов ваше появление в ней стало неожиданностью?

— Надо, по-видимому, задать аналогичный вопрос моему «крестному отцу» Клоду Лелюшу, в фильме которого «Баловень судьбы» я появился перед зрителями в новой ипостаси. Мы с Клодом давние друзья, признаюсь, все, что он делал, начиная с «Мужчины и женщины», вызывало во мне неоднозначные чувства. Словно где-то рядом, в соседней комнате протекала настоящая жизнь со всеми ее сложностями, там рождались и жили люди с невыдуманной судьбой, влюблялись и страдали, а я вместо этого прыгал с вертолета на автомобиль, целился из револьвера, демонстрировал приемы...

В общем, иногда мы встречались, беседовали и мечтали о совместной работе. Сначала шутя, потому что нельзя было прервать тот или иной контракт, отказаться после того, как дело пошло. Многое мешало, но вот наступил момент, когда Клод передал мне сценарий и попросил назначить день начала съемок. При этом он напомнил, что однажды, в 1974 году, у меня была попытка, правда, не совсем удачная, кардинально сменить образ «всепобеждающего и великолепного», согласившись сыграть у Алена Рене роль «человека не от мира сего».

— Значит, он не опасался, что вы откажетесь от предложения, вспомнив ту давнишнюю неудачу?

— Бояться мог только я, поскольку настоящий режиссер знает, что делает. Мы достаточно хорошо осведомлены о способностях друг друга. Лелюш никогда не удовлетворен тем, чего к настоящему времени достиг, его глав-

ный герой — человек бесконечно ищущий и... не находящий. В конце концов оказывается, что этот герой ищет сам себя. Жак Брель, которому мы посвятили фильм, был именно таким человеком, соединившим воедино все черты «потерянного» послевоенного поколения, к которому принадлежим и мы с Клодом.

— А как восприняли вашу работу молодые люди?

— Молодые наши, так и хочется сказать, внуки, без особенной радости идут в кинотеатр, и мы это понимаем. Вероятно, мой стереотип «супергероя» сопровождает меня. Но есть понятие профессионализма. Киноактер, если он владеет своей профессией, вполне способен вжиться в любую роль и передать зрителю любую мысль. Жерар Депардье играет одинаково хорошо выдающихся личностей, например, Дантона у Анджея Вайды, или Тартюфа у Франсуа Трюффо, или же персонажей не столь знаменитых, как священник в фильме «Под солнцем сатаны».

— Не играет ли современное кино в какой-то мере «разрушающую» роль, заслоняя от человечества мир реальный, уводя зрителя от серьезных проблем?

— Сначала кино, которое подарили миру два француза по фамилии Люмьер, являлось простым зеркальным отражением действительности. Но оно слишком быстро выросло из пеленок, заявив о себе как об искусстве. «Кино — это внутреннее движение»,— любил повторять режиссер Робер Брессон, фильм которого «Побег смертника» долгое время оставался моим любимым.

Мне повезло в том смысле, что я успел застать кино в том виде, когда оно еще не превратилось во всемирную фабрику по производству денег. Мне пришлось даже играть вместе с великолепным Пьером Брассёром, увидеть и понять талант Жана Габена, почувствовать режиссерскую руку Клода Шаброля, Алена Рене и Жана Люка Годара... Сегодняшнее кино — это бой гигантов кинопроизводства и более мелкие битвы между продюсерами и режиссерами. В редких случаях побеждает режиссер, и тогда мы имеем настоящее художественное произведение. Кто весной бывает в Канне, понимает, с каким большим трудом удается уважаемому жюри находить фильмы-призеры.

— Приходилось ли вам, месье Бельмондо, смотреть фильмы советских режиссеров?

— Нет, я только слышал имена Тарковского, Кончаловского, по академическому курсу помню шедевры Эйзенштейна, Довженко... Здесь меня надо правильно понять: с некоторых пор я не зритель и не кинокритик, даже для узкого круга. Специально посещать кинозал у меня нет времени, поэтому иногда вожу с собой две-три видеокассеты. Притом выбираю их не сам, а доверяюсь вкусам своих родных. Бывает так: мой сын запирается со мной в комнате, отключает телефон и объявляет, что́ мы с ним будем смотреть.

— Он у вас, кажется, имеет некоторое отношение к кинематографу?

— Самое отдаленное, поскольку во Франции нет традиции передавать профессию «по наследству», как, скажем, в Италии или Америке. В нашей семье сделать из младшего Поля киноактера никто не пытался. Он самостоятельно выбирал свое любимое дело в жизни и остановился лишь тогда, когда понял, что не мыслит себя без автомобиля. Когда его попросил сняться в кино один мой приятель-режиссер, состоялся актерский дебют Бельмондо-младшего, этого ему оказалось достаточно, и он снова пересел за руль. Не так давно даже преуспел на гонках в Италии и мечтает об одном — получить высокий рейтинг в классе «Формула 1».

— В последнее время вы особенно много работаете в театре. Что заставляет вас выходить на сцену?

— Театр помог мне стать актером. С неполных восемнадцати лет я на сцене, исколесил всю страну с труппой, играя — мне в этом не стыдно признаться — далеко не ведущие роли в постановках как мировой классики, так и авангарда. Попасть в кино мне помог случай. Заболел актер в одном боевике, фильм, кажется, снимался в Марселе, понадобилось на высокой скорости проехать без дублера на мотоцикле по улицам города и немного «подраться с хулиганами». Поскольку я активно занимался спортом, а бокс был моим любимым видом, никакого труда это не составило. Случай стал началом, хотя потом ради кино и пришлось надолго уйти из театра...

Сейчас у меня «свой» театр, так я называю труппу Робера Оссейна. Одно время мы играли на одной сцене с ним, а сегодня Оссейн стал «народным режиссером республики», как написала одна газета. От театральной публики можно ожидать всякого, она может быть дерзкой и смиренной, разгневанной и плачущей. Разве увидишь такое в кинозале, где реакция даже случайных зрителей в большинстве случаев заранее предопределена? После почти тридцатилетнего перерыва я вернулся в театр, а когда зрители — французские, заметьте, а это особая категория требовательных и не прощающих малейшей фальши зрителей — устроили мне овации после спектакля «Кин» на сцене зала «Мариньи», я дал себе слово: умру, но никогда не предам театр.

Мой сегодняшний герой — Сирано де Бержерак в драме Эдмона Ростана. Быть может, совсем скоро я получу шанс убедить москвичей в том, что театр для Бельмондо — искусство высшего порядка, где надо использовать одно-единственное мгновение, а ошибку невозможно исправить с помощью дубля.

— Хотелось бы узнать ваше отношение к музыке, вы учились одно время в консерватории...

— Когда начинаешь вспоминать, оказывается, и это было... Представляете, если бы у меня хватило терпения до конца изучить теорию, не пропускать занятия и примерно себя вести с преподавателями... Впрочем, что было, то ушло... А музыкой моей стало все, чем я сегодня занимаюсь. В принципе согласен с одним из выдающихся современных музыкантов, Иегуди Менухиным,— «музыка является частью каждой нашей клетки». Во всяком случае, поэт, музыкант и мой большой друг Жак Брель, которого нет с нами вот уже более десяти лет, использовал музыку для выражения своих гуманистических, философских взглядов на мир.

Не знаю, удалось ли то, о чем я говорю, перенести на экран, но фильм, на премьерах которого я выступал перед московскими зрителями, такую цель преследовал, и мое в нем скромное участие, быть может, в какой-то степени отражает мое отношение к музыке. Насколько мне известно, «Баловень судьбы» будет куплен для демонстрации в СССР.

— Месье Бельмондо, вы сыграли в семидесяти фильмах. Неужели у вас ни разу не возникло желания сказать «все!» и поставить точку?

— Именно об этом я думаю, когда сажусь в сверхзвуковой «Конкорд» и лечу одиннадцать тысяч километров в Калифорнию к дочери — немного отдохнуть, позагорать... Больше года, как я стал дедушкой, и проводить время с внучкой — поверьте, одно удовольствие! Но проходит день, второй, третий, телефонных звонков из Парижа становится все больше, и вот я уже заказываю обратный билет, чтобы возвратиться к обычной своей жизни. Кто-то сказал: настоящая, серьезная жизнь начинается после пятидесяти. Вот и я, наверное, начал жить совсем недавно...

— Будем рады видеть вас снова в Москве.

— Я обязательно сюда вернусь, даю слово.

Беседу вел Владимир КОВАЛЕВ, фото Александра НАГРАЛЬЯНА.

ВРЕМЯ ОТКРЫВАТЬ ПРОСТРАНСТВО

ПРОШУ СЛОВА!

В ПЯТИДЕСЯТИ КИЛОМЕТРАХ ОТ МОСКВЫ ПРОХОДИТ КОЛЬЦЕВАЯ АВТОМОБИЛЬНАЯ ДОРОГА. ЕЕ МОЖНО НАЙТИ В ЛЮБОМ АТЛАСЕ ЗАРУБЕЖНОГО ИЗДАНИЯ. НО НЕ НА НАШИХ КАРТАХ. ЗДЕСЬ ЭТА КОЛЬЦЕВАЯ ДОРОГА НЕ ОБОЗНАЧЕНА. ПО ДОРОГЕ ЕЗДЯТ, НО ЕЕ КАК БЫ НЕТ. КАК И ТОЙ, ЧТО В СТА КИЛОМЕТРАХ ОТ СТОЛИЦЫ.

Юрий ГОЛУБЧИКОВ, кандидат географических наук

В местах, где кольцевая автодорога пересекается с радиальными, создаются уникальные по транспортно-экономическому положению районы. Например, на 50-м километре от Москвы есть небольшая станция Манихино. Здесь узел пересечения кольцевой автомобильной и кольцевой железной дорог с железной дорогой Москва — Рига, Волоколамским шоссе и скоростной автострадой Москва — Рига. В любой стране мира Манихино стало бы точкой роста. Именно в таких местах создаются научные центры, появляются отели, развивается инфраструктура: стоимость земельных участков тут весьма высока.

Иное в Манихине Истринского района. Здесь тоже смекнули что к чему, но распорядились всем весьма своеобразно. Манихино приписано к сельсовету, удаленному от электрички на расстояние, которое автобус преодолевает за двадцать минут. В самом же Манихине земли стали раздаваться под дачи — прежде всего начальству. Под бензопилу пущены леса, пережившие даже войну. В оставшиеся лесные массивы доступ со станции перекрыл многокилометровый забор, перегородивший и старинные лесные тракты. За забором дачные кооперативы, как феодальные замки, обнесутся оградой. Глубоко эшелонированная система заборов весьма надежна.

Коллективное садоводство следовало бы развивать путем рекультивации свалок, истощенных сельскохозяйственных земель, бедлендов. А сведения о размерах таких площадей проще всего получить по крупномасштабным топографическим картам и аэрофотоснимкам, если бы они были доступны. Анализ сделанных в разные годы снимков одной и той же территории заодно вскрыл бы деградацию среды, показал, с какой скоростью разрастаются бесплодные пустоши, как отличается площадь лесов от той, что показывает лесное ведомство. Но, повторим, крупномасштабные топографические карты и аэрокосмические снимки у нас надежно скрыты, а то и искажены.

Карты стали искажаться с конца тридцатых годов, когда вся геодезическая и картографическая служба страны была передана в подчинение НКВД. В 1938 году в этом наркомате создано Главное управление геодезии и картографии (ГУГК) — здесь сразу воцарилась атмосфера повышенной бдительности. С середины 50-х годов ГУГК подчиняется Министерству геологии, а затем непосредственно Совету Министров СССР, но консервативность структуры сохранилась. По-прежнему работники ГУГК убирают с предназначенных для широкого потребителя карт одни объекты, изменяют местоположение других. Дело поставлено на «научную основу». По вопросам специальных искажений защищено немало диссертаций, труд этот кормит многих людей.

Искажения вносятся даже в карты масштаба 1:2 500 000 (в одном сантиметре 25 километров) и более мелких масштабов. Арал на них — каким он был десятки лет назад; а всему миру известно, что он стал меньше. На картах крупных масштабов изменяется почти все: передвигаются села, разворачиваются дороги и реки, неточно наносятся горизонтали рельефа и леса. Система координат отсутствует, а магнитное склонение не приводится.

Правда, ГУГК признает неоправданность излишней бдительности. Оно объявило о рассекречивании карты масштаба 1:1 000 000 (так называемая «миллионка», в одном сантиметре 10 километров). Такая карта еще годится водителю автомашины, но непригодна ни для пешехода, ни для краеведческой работы, ни для социального контроля территории. Масштабы 1:500 000 и 1:300 000 по-прежнему недоступны простому жителю страны. На картах более крупных масштабов остается строгий гриф «Секретно», каждая из них снабжена номером и печатью. По-прежнему закрыта вся аэрокосмическая информация, необходимая для составления карт.

Одни избегают получать допуск к работе с топографическими картами и аэрокосмическими снимками, опасаясь сложностей при оформлении турпоездки или научной командировки за рубеж. Другие, напротив, стремятся привести в своей работе какую-либо крупномасштабную картооснову, чтобы засекретить тем самым всю работу и избежать ее широкого обсуждения — закрытые темы легче защитить.

Засекреченность топографических карт и снимков привела к существенной деформации развития отечественной экологической и географической науки. У нас появились неплохие разработки глобально-планетарного характера с тревогой за судьбу всей планеты, особенно ее капиталистической части. Нет недостатка в многолетних детальных исследованиях локального порядка, проводимых на различных стационарах на площади в несколько гектаров, а то и квадратных метров. Но почти отсутствуют глубокие научные публикации, да и сами разработки, проводимые на уровне конкретного административного района или области.

Карта — своеобразный синтез науки, техники и искусства. Не случайно подготовленная к изданию карта называется картографическим произведением. Кем-то было сказано: «чем бесчестнее произведение искусства, тем честнее оно как документ времени». История преднамеренного искажения карт — документ нашей эпохи? Закрытыми сейчас оказались даже когда-то открытые карты прошлых лет издания. Закрыт 1-й том Большого Советского Атласа Мира, выпущенный в 1937 году, закрыт продававшийся в 1934 году Атлас Московской области. Закрыты даже дореволюционные топографические карты. В спецкартофонде Библиотеки им. Ленина хранится, например, Географическая карта Московской Провинции 1774 года издания — интересный исторический документ с описанием городов Подмосковья. Выдается она только для служебного пользования. Пытаюсь выяснить, почему. Оказывается, на ней воспроизведена координатная сетка, засекреченная на нынешних картах крупного масштаба. Неужто заброшенный в наше Подмосковье на парашюте шпион будет ориентироваться по этой сетке?! И когда аспиранту из ФРГ потребовалась эта карта, ему пришлось ехать в Хельсинки — ближайший от библиотеки пункт, где эта карта открыта.

Почему не рассекретить топокарты хотя бы прошлого — начала нынешнего века? Тем более что в июне 1941 года хранившийся в Минске топокартофонд страны оказался в руках врага. Главное управление геодезии и картографии вместе с Военно-топографической службой Генштаба провели тогда гигантскую работу, восстанавливая карты. И все же на начальном этапе Отечественной войны топокарт нашей армии не хватало. Война преподала урок. Во-первых, нашу неодолимую тягу к секретности враг использовал против нас же. Во-вторых, умение работать с картой, разбираться в окружающей обстановке необходимо не только для научной и краеведческой работы. Элементарным навыком обращения с ней должен обладать каждый.

Топографические карты крупных масштабов были рассекречены в середине 50-х — начале 60-х годов. Многие поклонники Отечества сумели сохранить их у себя. Но опубликованные в те годы карты теперь можно получить только со спецразрешением.

Думаю, перевод ГУГК на самофинансирование, на хозрасчет дал бы новую группу товаров — карт. В условиях дотаций, конечно, жить легче... А за ГУГКом стоит Военно-топографическая служба Генштаба, которая в еще более секретном режиме дублирует сделанное ГУГКом.

Иногда я думаю: может, «секретчики» руководствуются изречением Екклезиаста: «кто умножает познания, умножает скорбь»? К чему нам было знать, что под хлопчатниками и виноградниками укрывались гораздо большие площади, чем обнародованные? Любой космоснимок вскрывал бы это. Нет снимков и крупномасштабных карт. Похоже, кому-то и сейчас не нужно рассекречивание их. А ведь анализ снимков разных лет залета показывает, что только при строительстве и эксплуатации магистральных трубопроводов наша страна ежегодно теряет огромную площадь. Часть земли превращается в техногенную пустыню. Ни пяди священной нашей земли не отдадим мы никакому врагу, но, выкачивая и экспортируя нефть и газ, «экспортируем», похоже, еще и ландшафт Западной Сибири. Бесшумно, незаметно.

Будь открыты у нас крупномасштабные геологические карты, едва ли бы осмелились проектировщики АЭС размещать станции под Ровно — на провально-просадочных карстующихся породах, а в Крыму — на сейсмоактивном геологическом разломе. Не решились бы атомщики на это, и если бы не лежало табу на информации о подлинных масштабах бед, постигавших нашу страну в результате землетрясений и стихийно-разрушительных процессов. Сорок лет продержали в недоступности факты об ашхабадском землетрясении.

Вряд ли обрадуется рассекречиванию своей информации Госкомгидромет, повысивший нормы предельно допустимой концентрации радиоактивных веществ в воде,— после этой операции она стала отвечать «допустимым нормативам». Из года в год эта организация повышала все нормы допустимых количеств загрязняющих веществ. Потому и мог председатель Госкомгидромета утверждать: Москва — абсолютно чистый город. Чисты ее водоемы, реки. Чист ее воздух. Не знаю, чего тут больше: некомпетентности либо утраты чувства ответственности? Зато знаю, Госкомгидромету пора опубликовать карты загрязнения природной среды предприятиями различных ведомств, и тогда немногие из них захотят выглядеть хуже других.

По-видимому, не стремятся к открытию топографических карт и гидростроители. Ведь тогда выяснится, что постоянно расширяется периметр водохранилищ, как все больше плодородные площади съедаются болотами и хлябями. Сейчас, когда формируется Государственный комитет по охране природы СССР, самое время передать ему оружие гласности. Похоже, однако, что делать это не торопятся. Постановлению 1988 года «О коренной перестройке дела охраны природы в стране» не предшествовало его всенародное обсуждение, как это было с программами перестройки здравоохранения или народного образования.

Трудно говорить об успехе, монополизируя природоохранную работу рамками закрытой группы. Природа страны не кибернетика, тут разобраться под силу многим. Стихийная волна активных выступлений в защиту Ладоги, Байкала, Днепра, Арала, Горного Алтая показала, что нашей общественности под силу и разумное обсуждение, и формулировка грамотных, заботливых предложений. Как природоохранная сила, общественность оказалась сильнее многих ведомств. Но помочь общественности можно только абсолютной доступностью экологической информации, в том числе доброкачественными картами. «Сейчас идет разработка комплексной экологической программы. Мы рассчитываем, что она должна быть самым тщательным образом обсуждена всенародно»,— сказал М. С. Горбачев на встрече с трудящимися Киева.

Картина наших лесов, полей и рек, нашего пространства не должна принадлежать засекреченным фондам. Она должна быть доступна для обозрения. Мы и без того связаны многочисленными запретами,— тут и въезд в погранзоны, и в места «барской охоты и рыбалки». Под одним только Завидовским научно-опытным заповедником Министерства обороны СССР скрывается 125,4 тысячи гектаров. Но эти гектары с домиками, дачками и саунами аукаются по республикам и областям, тиражируются там. Только в Центральном экономическом районе в начале 80-х годов действовало более 150 высокоорганизованных охотохозяйств под грифом «спец». А сколько их еще сохраняется под вывеской охраняемых территорий с заповедным режимом? И все это не заповедники и не национальные парки, как бы они ни именовались.

Сохранять в тайне информацию об окружающей среде, следить за использованием топокарт и аэрокосмических снимков, запрещать въезд в запретные зоны — большой, хорошо оплачиваемый труд. Им занимаются и высококвалифицированные специалисты, и лица, не умеющие подчас делать ничего больше, кроме как запрещать. Одно сокращение штата этих людей уже принесло бы ощутимый экономический эффект стране. Ни одна из развитых стран мира не закрывает карты и снимки ни на свою территорию, ни на нашу. Они охотно продают их всем заинтересованным потребителям. Американское национальное агентство по аэрокосмическим исследованиям рассекречивает, например, девяносто процентов своей информации. Мы, засекречивая свои снимки, великодушно предоставляем США монополию на их продажу. С каждого негатива американцы изготавливают тысячи отпечатков и продают по цене до 20 долларов за штуку. Могут и по большей цене, ведь конкурентов на мировом рынке у них нет. С удивлением и любопытством смотрит Америка на страну, которая, затрачивая гигантские ресурсы на космическую программу, умудряется не извлекать из космоса должных доходов. Сама Америка доходы от изучения нашей территории по космоснимкам извлекает сполна. Созданная в США система слежения за состоянием сельскохозяйственных посевов в Северном полушарии позволяет с помощью спутников прогнозировать урожаи. Это дает возможность диктовать нам цены на зерно — с учетом знания наших потребностей в нем на текущий год.

Еще в 1973—1975 годах принимал я участие в разработках и испытаниях дистанционных радиотеплолокационных систем. По радиотепловому излучению земной поверхности оказалось возможным определять готовность почвы к посеву. Но внедрить систему не удалось.

Известны и случаи, когда из-за сложностей получения отечественной космической и картографической информации наши научные организации вынуждены были приобретать ее за валюту. Правда, здесь ее тоже приходилось засекречивать. Разумеется, не от американских шпионов. Не могу понять, от кого.

Довелось мне преподавать в базовом вузе инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии, столкнуться вплотную с Госцентром «Природа». Многие их подразделения располагали прекрасными американскими снимками «Ландсат». Да, Госцентр «Природа» тоже продает некоторые из своих снимков заинтересованным потребителям. Но лучшие из них прячет за надежным грифом секретности. Развитие туризма показывает, как тянутся люди к природе страны. Но без надежного картографического обеспечения туризм и альпинизм зачастую ограничиваются лишь спортивными аспектами и не несут познания. Да и как виды спорта не могут они развиваться без надежных топографических карт. Кто сосчитает, сколько туристских и альпинистских групп, энтузиастов-одиночек погибло, затерявшись в сложных экстремальных условиях из-за отсутствия топографических карт крупного масштаба.

Вспоминаю, как я с двумя товарищами оказался в сложной ситуации при экспедиционных работах на дальневосточном Баджальском хребте. Безуспешно пытались мы прокормиться охотой. Помощь пришла неожиданно — от рабочих затерянного прииска. Две недели провели мы с ними. Не было слов благодарности этим людям, но не было, наверное, и дня, чтобы не просили они разрешить им сделать выкопировку с имевшейся в моем распоряжении топографической карты. Прекрасно понимал, что не может быть никакой государственной тайны в замысловатом хаосе хребтов, речушек и троп. Однако дать карту было выше моих сил. Потеря допуска к работе с документами равнозначна в нашей специальности утрате профессии. Много раз в своей работе видел, как всякими правдами-неправдами добывают таежники и тундровики крайне необходимые им топокарты.

Грифами «Для служебного пользования» и «Секретно» надежно запечатаны у нас и схемы лесной таксации, планы землепользования, крупномасштабные почвенные, геоботанические, геоморфологические, ландшафтные, природоохранные, короче, все природоресурсные карты.

Более всего картина родных мест нужна вступающим в жизнь поколениям. Наше уже вряд ли создаст систему продуманных отношений с природой. Под силу это может оказаться тем, чье мировоззрение формируется сегодня. Надо бы с реальной территорией соотносить краеведческую работу, чтобы не на условно абстрактных, а на прямых моделях родной земли учить школьников привязанности к ней. Патриотический курс краеведения за годы застоя почти угас.

Наш конституционный долг по защите природы должен быть обеспечен соответствующей информационной базой. Сейчас идет пересмотр состава фондов спецхранов библиотек и архивов, начата передача значительной части исторических изданий в общие фонды. Может, пользуясь случаем, передать туда и современную картину среды обитания нашего человека?

Начало на стр. 8

для учителя, дети не существуют. Это не исключает того, что я могу их всех знать по имени, с ними нормально взаимодействовать, но как личности они для меня значения не имеют. Мой интерес они вызывают лишь в той степени, в какой они учат мой предмет. Как я рассуждаю: «Он плохой вообще, и, что получится из него, не знаю, поскольку не учит химию». Перед нами в полной мере бездетная педагогическая практика, которую обслуживает столь же бездетная наука. Другое проявление авторитаризма — почти тотальный контроль и пригляд за учителем, когда фиксируется каждый его шаг. Третье проявление — единообразие школ, доведенное до полнейшего абсурда. Все типовое без малейшего учета местных, национальных и прочих особенностей.

— Тут ленинскую идею единой школы вульгарно подменили единообразием.

— Прибавьте сюда однотипность педагогического процесса, который планируют так же грубо, как и производственные процессы в индустрии.

— Но вот парадокс: подконтрольность учителя сочетается с полным бесправием по отношению к нему детского коллектива, которому все нельзя.

— Тут есть логика. Так же как мы, взрослые, находились да и сейчас еще находимся под гнетом государственного управления, так и дети в школе — под гнетом учительским. Он усугубляется составом учительских кадров.

— А много ли тех, кого надо немедленно убирать из школы, поскольку от них один вред?

— Таких, я думаю, процентов десять — пятнадцать, но как их уберешь, если заменить некем?

— За те пять лет, в течение которых только и делаем, что говорим о реформе школы, можно было принципиально улучшить качественный состав учительских кадров. Если к тому же делать упор не только на молодых специалистов, но и на тех обладателей дипломов, у кого высшее образование не по профилю, но есть и желание, и способности работать в школе, пройдя, естественно, ускоренное переобучение. Такими никто не занялся, к школе их — по причине «непрофильного диплома» — не подпустили.

— Вы правы: надо принципиально менять и формы подготовки учителей, и технологию их подбора. Самое главное — надо искать и призывать в школу личности. Мы слишком часто не понимаем, что для нормального воспитания требуются не только и не столько материальные блага или интеллектуальные упражнения. Более всего нужен добрый, сердечный человек, искренне интересующийся детьми. Он должен быть способен себя подарить детям, уметь с ними сопереживать. И тогда, я уверен, не будет ни наркоманов, ни рокеров. Ведь дети, и в особенности подростки, ищут выход, когда нет рядом взрослого. Такого взрослого, в которого они могли бы влюбиться, поверить. И если мы всерьез намерены дать все лучшее детям, то в самую первую очередь мы должны не пожалеть для них людей самых-самых...

— Но даже этого, мне кажется, мало, если школьная жизнь не дает детям степеней свободы, вариантов поведения. Детская инициатива может проявляться лишь через негатив — хулиганство, всевозможные нарушения, протесты, бойкоты. А в позитивном плане — одни запреты. Творчество возбраняется как в учебном процессе, так и в социальных отношениях. Именно поэтому современная наша школа есть массовое убийство талантов, отучение и отлучение от любого творчества.

— И когда мы с вами учились, и теперь еще школа готовит исполнителей и даже рутинеров, а никак не творцов. На это все работает: и школьные программы, и методики обучения, и учебники, и оценки. Да и взаимоотношения между учителем и учеником так построены, чтобы тот слепо подчинялся авторитетам, демонстрировал нерассуждающее послушание, не позволял отсебятины ни во мнениях, ни в поступках...

— Все ли социальные корни мы обнаружили? Авторитаризм школы, ее, если хотите, неинтеллигентность, махровый консерватизм и прочее и до сих пор гарантируются теми восемью или девятью бюрократическими слоями, этажами, которые давят на школу, «душат в объятиях». Мыслимо ли держать на себе такую египетскую пирамиду да еще сохранять силы для развития?

— И мне удивительно: наше общество уже дозрело до мысли, что в экономике требуется децентрализация управления. Но ведь в системе образования она неизмеримо нужней. Да и само понятие «управление» никак не применимо к школе. Не зря ведь до революции вместо управления была функция попечительства. В любом, как сказали бы сегодня, регионе существовал попечитель. Давайте разберемся, в чем отличие. Его задачей было не командовать, не контролировать, а помогать: открывать новые школы, отбирать учителей, поддерживать их. Наилучшая иллюстрация — отец Ленина. А сейчас войдешь в любое ОНО — сидят начальники и крикливо командуют, кого-то ущемляют, наказывают.

— А недавно созданные на территориях общественные советы по народному образованию?

— Пока не вижу от них толку. Я сам возглавляю районный совет в Тбилиси. Полномочий никаких — одна видимость. С нашими решениями никто не считается.

— Еще одна тема, о которой слишком скупо упоминали на Съезде народных депутатов. Убожество, и прежде всего материальное убожество, нашей школы не может не воспроизводить соответствующее убожество в науке, культуре, технике, экономике...

— Так разве не воспроизводит?

— Конечно, воспроизводит. И нынешний развал и хаос — это, я убежден, следствие того, что в последние десятилетия стали крохоборски экономить на образовании. И чтобы теперь положение хоть как-то выправить, нужна материальная революция в школе. Тут имею в виду школы всех ступеней — среднюю, среднюю специальную, высшую.

— На Съезде случилось одно крупное историческое событие — М. С. Горбачев впервые обнародовал в своем докладе наш военный бюджет. И каким же несопоставимо большим он оказался по сравнению с бюджетом школы — превосходит почти в шесть раз. По доле бюджета, расходуемого на образование, мы на одном из последних мест в мире.

— А когда-то, накануне запуска первого спутника, сильно превосходили по этому показателю США. Они выводы сделали. А мы? Тридцать лет головокружение от успехов...

— Почему, на мой взгляд, нам нужны хорошо оборудованные школы? Не только потому, что без этого нельзя учить и воспитывать. На самом-то деле можно. Талантливый учитель сядет с детьми под дерево, и возникнет чудо. Но без хорошо оборудованных школ дети не смогут освоить в свое время новую машинную цивилизацию. Овладеть, к примеру, компьютерной культурой. Это раз. А во-вторых, мы не сможем воспитать гордое поколение, которое знает, на что способна его страна. Убогая школа не может воспитать гордую личность.

— Но как быть? За счет чего совершить эту материальную революцию, или, если точнее сказать, революцию в материально-техническом базисе?

— Сегодня, как мне кажется, так развита техника в мире, что иметь огромную по численности армию уже не имеет никакого смысла. Нажав на кнопки, можно вдребезги расколоть планету. Но зато если мы не сможем овладеть душами людей, то социализм не спасет никакая военная техника, никакая армия. Вот почему судьба Отечества, судьба нынешнего социального строя решается — я в этом убежден! — прежде всего в школе. Раз так, то требуется немедленное перераспределение государственного бюджета. Что стоит перебросить из военной части в школьную 5, 10, 15 миллиардов рублей? Для того чтобы революционным способом поднять школу. Медленно нельзя: каждый год мы выпускаем поколение — надо спешить. Еще раз повторю: задача защиты Родины решается не в армии и не в Верховном Совете. В школе же закладываются гармоничные национальные отношения, формируется сбалансированная, динамичная экономика, появляются или нет таланты, определяется интеллектуальный уровень страны, нравственный облик всего общества. Здесь могут выявить себя или, напротив, погибнуть гениальные менеджеры, золотоносные для страны деловые люди, умелые земледельцы. Формировать их в вузах уже поздно.

Исходя из всего этого нам нужны школы принципиально нового типа, очень хорошие и очень разные. Чтобы для каждого ребенка был большой выбор. В зависимости от способностей, желаний, усердия.

— Я не особенно верю, что из этого что-то получится — преобразить школу за счет армии. Тут учитываю почти обязательную для нас инерцию стиля, и приверженность к полумерам, и всемогущество нашего военно-промышленного комплекса. Миллиард, другой, может быть, и дадут, но больше вряд ли. А что если поставить на другую лошадку? Имею в виду идею самоокупаемой школы, педагогики вообще. По опыту Макаренко, по примеру кубинцев?

— Согласен: дети должны работать. Без этого социальное воспитание имеет мало гарантий. В этом смысле мне нравится многолетний эксперимент азербайджанского педагога Шоюбова. Он, кстати, был как народный депутат участником Съезда. Его комплекс, включающий детсад, школу, ПТУ, техникум, дает в год 2 миллиона прибыли. За счет этого Дом для учителей, бесплатное питание, стипендии студентам, награды учителям.

Опыт замечательный, но такие школы нельзя, просто нереально открыть повсеместно. Но как бы там ни было — и во всех других учебных заведениях дети должны трудиться. Необязательно в стенах самой школы...

— Но чтобы что-то заработать — для себя и для школы, освоить профессию, ощутить в полной мере воспитательную роль труда (когда он, естественно, по личному выбору, без принуждения), надо работать не 3—4 часа в неделю, как это теперь. Кубинцы, кстати, работают по 15 часов в неделю и все при этом успевают — учиться, заниматься искусством и спортом, развлекаться. Благодаря этому их гораздо лучше оснащенные, чем наши, школы, на 90 процентов самоокупаемые. Не тут ли источник для той самой революции школы?

— Здесь есть резон. Может быть, так надо перестроить жизнь детей, сократив уроки до достаточного минимума и в первую очередь домашние задания, чтобы подростки могли трудиться по 3—4 часа в день.

— Это, кстати, как ничто другое спасет их от благоглупостей, масштабы которых приняли просто угрожающие размеры.

— Мне это очень понятно. Сын мой, еще будучи школьником, работал вахтером грузового лифта. Причем сам захотел, мы не подталкивали с женой. Потом на заводе работал штамповщиком.

— И мой сын, он теперь в армии, после школы пошел слесарем на автозавод. Польза была несомненная, но заметно было, если бы лет на пять раньше начал рабочие университеты, гораздо гармоничнее развился бы... Но, затевая для школьников и прочих учащихся всамделишный труд, слишком много узелков надо распутать. Прежде всего юридических: десятилетиями варганились запреты и ограничения, чтобы не дай бог ребенок не почувствовал себя полноценным гражданином в свои десять, двенадцать, пятнадцать лет. Нужны законодательные гарантии, требуется социальная защита, четкая организация. И тогда будет от детей, от всего мира юных мощная прибавочка в бюджет. В том числе школьный. Чтоб было по принципу: все необходимое дает государство, а все «лишнее» — сам заработай. Покидая через несколько лет школу, оставь младшим в наследство...

— И хорошо бы учесть и те мотивы, на которые дети наши, и в первую очередь подростки, очень падки. К примеру: на заводе, где будут трудиться из разных школ, завести магазинчик, где на заработанные, а не родительские рубли можно будет купить и дефицитные джинсы, и модные кроссовки, майки, прочее. Надо научиться соединять личные, пусть не всегда возвышенные интересы с общественными.

— А возможный травматизм? С этим как быть?

— Продумать. Не надо подпускать к станку, где опасно. Но, с другой стороны, надо довериться мудрой природе человеческой, где инстинкт самосохранения срабатывает автоматически. На любом предприятии, в каждом учреждении есть немало рабочих мест, где дети могли бы успешно заменить взрослых, с тем чтобы те занялись чем-то более сложным.

— Удивительное дело: мы единственная, наверное, страна, где не увидишь работающих детей. А ведь трудоспособность, умение и навыки не враз складываются. Формировать их с 17—18, а тем более с 22 лет уже трагически поздно.

— Верно-верно. Я был в прошлом году в ФРГ и видел во многих школах, как на уроках труда дети лепили, мастерили, шили очень красивые, очень добротные вещи. Я спрашивал: «А куда это пойдет?» «Как куда,— удивлялись мои собеседники,— это мы будем продавать». А у нас все на выброс. Какой же интерес мучиться, добиваться совершенства, себя преодолевать?

Научите человека какому-нибудь золотому ремеслу, и он ни за что не пропадет. Обязательно найдет для себя умный образ жизни. В ФРГ это очень хорошо понимают. Я не удивился, что у них детская преступность гораздо меньших масштабов, чем, к примеру, в США.

— А ведь мы только тем и занимались, что со звериным упрямством добивались словесного воспитания, ничего не делая, чтобы воспитывать делом, через дело.

— Наша школа именно от этого и страдает. Есть, как правило, классные комнаты, но нет хорошо оборудованных мастерских. А если где-то и есть — доступа туда после уроков нет. А почему бы тем, кому хочется что-то сделать для дома, для собственных увлечений, не пойти поработать? Много нелепостей в нынешней школе. Чтобы от них избавиться, чтоб собрать и использовать для рывка все здоровые силы школы, всей педагогики,надо начинать с правды. Педагогика правды — это, быть может, самое замечательное, что продемонстрировал только что завершившийся Съезд народных депутатов СССР. Эта педагогика не должна простаивать. Пусть работает, очищая и динамизируя всю нашу жизнь. И прежде всего детскую. Здесь перемены не должны запаздывать на 10—20 лет, как это сегодня, а, напротив, на столько же опережать. И тогда демократизация в стране станет пополняться не скромными ручейками, а полноводными реками из живительных, мир обновляющих вод.

ЛУЧШЕ НЕ ДУМАТЬ?

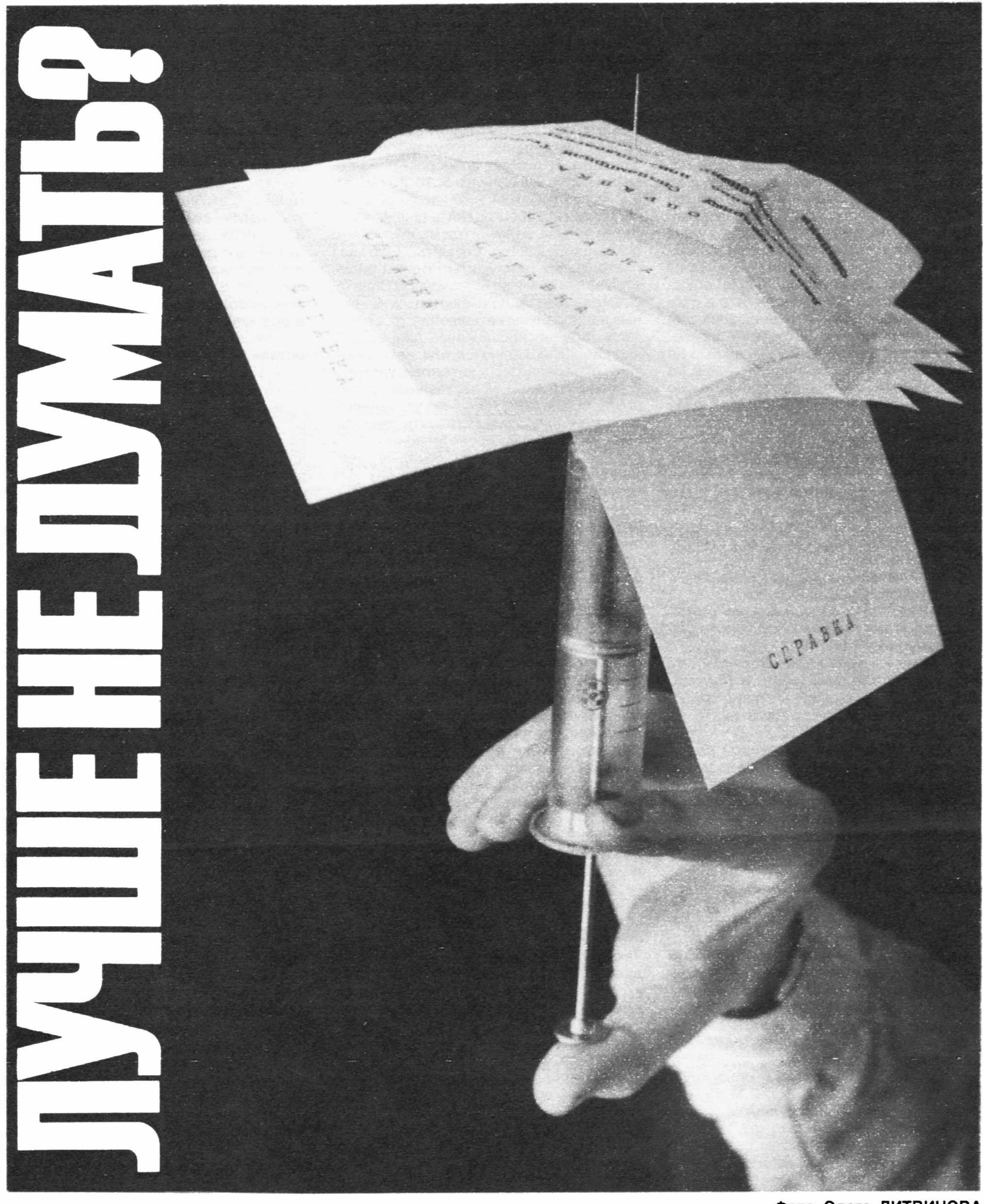

Фото Олега ЛИТВИНОВА

Алла АЛОВА

Мы привыкли, голодные и уставшие после работы, обегать магазины и с тоской в глазах и желудке пристально разглядывать вечно пустые независимо от времени года прилавки.

Мы привыкли покорно и смиренно выстаивать очередь, чтобы схватить то, что «выбрасывает» торговля.

Мы привыкли радоваться овощам и фруктам с зашкаливающими за всякие нормы нитратами — все-таки помидоры! И не зашкаливает наше терпение...

Мы привыкли, что в больнице лежат в коридорах, не хватает простыней и к послеоперационному больному нянечку не дозовешься.

Мы привыкли, что зимой гололед, значит, надо падать и ломать руки-ноги.

Мы привыкли, что в мясе притаилась сальмонелла, и безропотно варим его два часа, как нас научили в передаче «Здравствуйте, доктор!».

Наверное, это дико и безнравственно, что привыкли. Утешаемся: зато мы сегодня уже не рабы, а гордые, самостоятельные, достойные люди, граждане — в политике, в духовной жизни. А экономическое, бытовое достоинство придет — когда-нибудь потом... Бедные, но честные. Не знаю, оправдывает ли нас это, но сейчас я о другом.

И открытые переломы, и скрытые нитраты, и весь наш тошный быт — это все-таки жизнь. Но неужели мы так же тихо и покорно привыкнем к смерти? Смиримся с перспективой, что десятки, а может, сотни тысяч наших сограждан, наши дети, родственники, друзья будут заражены вирусом СПИДа — и не из-за трагической случайности и не из-за собственного «аморального поведения». А потому лишь, что у нас до сих пор почти нет одноразовых шприцев, одноразовых капельниц, одноразовых внутривенных катетеров, одноразовых диализаторов, одноразовых контейнеров для хранения крови, нет хороших или хотя бы плохих, но в достаточном количестве презервативов. В 1991 году одноразовых шприцев обещают выпустить столько, сколько надо — свыше 3 миллиардов, а как прожить ближайшие два года? В этом-то году будет произведено только 150 миллионов. С капельницами, внутривенными катетерами и другим одноразовым оборудованием и перспективы не обнадеживают. Становление советского презерватива тоже ожидается не завтра, пока же в ход идут экономические методы борьбы с сексуальным экстремизмом: три резиновых изделия выделяются на одного мужчину в год — словно ветеранские продуктовые наборы к праздникам. Чувство меры, граждане...

«Нет еще отечественных производственных линий», или «линии разрабатываются», или «не хватает валюты на закупку импортных»,— разводят руками ответственные работники. А что за этим «нет»? Тысячи советских людей, **обреченных** на заражение в больницах и поликлиниках. По предварительным и очень осторожным подсчетам специалистов, в 1995 году у нас будет 600 тысяч вирусоносителей и 6 тысяч больных и умерших от СПИДа, в 2000 году — 15 миллионов зараженных, 200 тысяч больных и умерших. Ученые не могут высчитать, сколько из этих людей будет заражено именно из-за отсутствия одноразового медицинского оборудования, знают только, что очень много...

И что же мы? На нет и суда нет. Мы ахаем, ужасаемся: Элиста! Волгоград! Ростов! 112 детей заразили! Но продолжаем спокойно жить и работать.

Лучше об этом не думать, а то жить совсем страшно. Так говорим мы друг другу. И, похоже, действительно живем по этой формуле: лучше не думать.

Народ сейчас кипит — много митингов проводится по самым разным политическим проблемам. Но ни разу перед зданием Минздрава или Госплана не собрались люди с требованием немедленно закупить все необходимое антиспидовское оборудование.

Да, правильно возмутятся читатели: вы, товарищ журналист, тоже не вышли с лозунгом на улицу. Пока не вышла. Но поняла твердо: больше я так жить не хочу. Я не хочу испытывать постоянный страх перед любым уколом, перед любой медицинской процедурой. Мне только еще предстоит родить ребенка, и я не хочу, чтобы его заразили СПИДом, как детей в Элисте и Волгограде.

Я не хочу писать статью, подобную многим появившимся в последнее время, в которой ответственные работники в очередной раз объяснят, **почему** нет отечественного оборудования для производства шприцев, Минздрав обвинит Минмедбиопром в невыполнении заявки, Минмедбиопром свалит вину на Минстанкопром, который еще два года назад должен был поставить оборудование и не поставил, и это все будет правдой, а мне придется понимающе грустить в комментарии и делать в конце глубокомысленный вывод типа: «Случай со шприцами доказывает: для хозяйственного механизма вирус командно-административной системы — это настоящая чума. Удастся ли выработать иммунитет против него?» («Известия», 17 мая.)

Нет, я твердо решила использовать журналистские полномочия, чтобы найти выход.

Для начала обратилась в Минздрав СССР. Вот фрагменты моего интервью с **главным государственным санитарным врачом СССР, заместителем министра здравоохранения СССР** А. И. КОНДРУСЕВЫМ.

— Александр Иванович, какие срочные меры принимаются в преддверии страшной эпидемии? В частности, по одноразовым шприцам?

— Вопрос этот очень острый, специально рассматривался в ЦК КПСС, в Президиуме Совета Министров СССР. Выделены большие ассигнования, в том числе валютные, так что закуплено несколько импортных линий и к концу этого года должно быть запущено оборудование производительностью один миллиард шприцев. А в 1991 году промышленность сможет выйти на нужное стране количество — более трех миллиардов.

— А нельзя ничего сделать, чтобы уже в будущем году выпускать нужные три миллиарда?

— Нет, конечно. Просто нереально. И мы думаем о другом — о том, куда в первую очередь направить те шприцы, что у нас будут. Направим их в систему скорой помощи, родовспоможения, в детские больницы.

— Это, так сказать, решение «погосударственному», то есть в масштабах государства. Но ведь конкретному, отдельному человеку, который не хочет заразиться, оно никакой безопасности не дает.

— Понимаю...

— К тому же дефицит одноразовых шприцев в каком-то смысле даже более опасен, чем их полное отсутствие. В Минмедбиопроме мне сообщили о появившихся обращениях медицинских работников: «безобразие, ваши одноразовые шприцы не выдерживают сухожаровой стерилизации, плавятся! Приходится вы-

брасывать столько материала...» При дефиците выбрасывать, конечно, жалко. Да кому-то и просто выгодно использовать шприц не один раз, а сэкономленные шприцы продавать налево: «справа»-то его не купить. Вы, Александр Иванович, не боитесь этого?

— Безусловно... Но если появится хотя бы один миллиард шприцев — **это будет великое дело.**

Разделить оптимизм замминистра не могу. Использовать одноразовый шприц, сполоснуть, вложить обратно в пакет, и он как новый... Мне, конечно, скажут: это уже другой вопрос — вопрос добросовестности. Халтурщики есть и будут при любых условиях. Нет, все-таки не при любых: на Западе, где одноразовых шприцев переизбыток, где ими завалены аптеки и даже ветеринарные службы оснащены ими,— кому нужно вступать в торговые отношения с медиками? Спрос такого рода рождается лишь нехваткой.

Так что требуется именно полное удовлетворение потребности, даже с избытком — три-четыре миллиарда шприцев. Здесь мы как никогда можем понять Остапа Бендера: мы бы взяли частями, но нам нужно сразу.

Нет, на мой взгляд, никак не должен Минздрав считать один миллиард «великим делом».

Понимаю, выгляжу несолидно: давать советы Минздраву — еще хуже, чем заниматься самолечением. И все-таки убеждена: если бы главный государственный санитарный врач видел в этом миллиарде не «великое дело» (сравнивая с нулем), а катастрофу (предвидя множество, по сути, *плановых* жертв), ситуация с одноразовыми шприцами в стране была бы иной.

В общем, не знаю, как Минздраву, а нам никак не получается удовольствоваться одним миллиардом. Зная опасное побочное действие дефицита, необходимо срочно искать дополнительные средства.

— Год назад я в «Огоньке» уже писала, что, пока нет одноразовых шприцев, надо разрешить людям пользоваться своим собственным индивидуальным шприцем. Но попробуй купи его себе, если действует приказ вашего министерства от января 1987 года, который запрещает продажу шприца без рецепта, заверенного главврачом. Рецепт же, как показывает практика, без блата заиметь практически невозможно.

— Да мы бы хоть сегодня отменили этот приказ, но у нас ведь и обычных, многоразовых шприцев нет! Мы ими обеспечены чуть больше чем наполовину.

— Ответственный работник Минздрава сказал мне, что приказ этот вызван борьбой с наркоманией. Выходит, борьба с наркоманией — лишь лицемерное прикрытие?..

— Я же вам говорю, чем он вызван!..

Итак, в обозримом будущем нельзя надеяться не только на государственную защиту, но и на методы самообороны — на многоразовый, но свой собственный шприц, купленный за свои деньги.

Этой зимой я лежала в неплохой московской больнице. Однажды увидела, как медсестра уже использованную одноразовую индийскую капельницу поставила еще раз — уже другому пациенту. Я ужаснулась: разве можно?.. Ответ: «А вы тут за мной не шпионьте». Потом смягчилась: «Сегодня я должна поставить капельницы четырнадцати больным — все тяжелые, без капельницы не обойтись. А капельниц у меня осталось шесть. Все, конечно, одноразовые — многоразовых вообще не бывает. Посчитали?.. В некоторых больницах, правда, медсестры сами делают капельницы из резиновых трубок, но у нас их сейчас нет. Да и как следует простерилизовать эти трубки невозможно».

— Но ведь одноразовая капельница тоже не приспособлена для стерилизации!

— Абсолютно. На стенках, как ни мой, белковые остатки остаются, а в сухожар ее нельзя — не выдерживает, расплавляется. Вы думаете, я не понимаю, что совершаю преступление... А если *не поставлю* капельницу, и больной помрет сегодня же?..

— Александр Иванович, как обстоят дела с одноразовыми капельницами?

— Они называются — системы для переливания крови, хотя используются и для медленного введения лекарств в вену. Спрашиваете, как дела обстоят? Неважно обстоят. Закупаем, но, конечно, мало. И в перспективе эта проблема не так быстро решится, как со шприцами. **Нас больше волнуют шприцы.**

— Но я своими глазами видела в больнице, как одноразовые капельницы используются многажды, потому что их элементарно не хватает.

— Да, к сожалению, это имеет место. Некоторые медсестры даже пытаются их стерилизовать, но это, конечно, **вещи непозволительные.**

— Хорошо, непозволительные. А как ей быть, медсестре-то? С одной стороны, капельниц не хватает, а с другой — не выполнить назначение врача она не имеет права. Выходит, мы прямо толкаем ее на преступление?

— Конечно, до тех пор, пока не будет достаточного количества систем для переливания крови, эта проблема будет существовать. И все же главное — ответственность медсестер. Они не должны нарушать инструкцию.

В Минмедбиопроме СССР я узнала, что положение с одноразовыми системами для переливания крови действительно гораздо тяжелее, чем с одноразовыми шприцами. Валюта на закупку оборудования по их производству не выделена. Отечественного же оборудования нет вообще, и оно еще даже не разрабатывается. Министерство, как мне здесь сказали, уже десять лет «бьется со всеми машиностроителями страны», чтобы они взялись за разработку оборудования, но тщетно.

Зато в Минздраве, где не могут не понимать, что использованная вторично после зараженного вирусом СПИД «грязная» система для переливания крови гарантирует заражение на все 100 процентов,— там за эти системы волнуются еще меньше, чем за шприцы... Трагична ситуация и с диализаторами, которые используют при гемодиализе — очистке крови, и с пластмассовыми контейнерами для хранения крови. Да, кровь у нас проверяется, но что толку, если храниться она может в использованном, нестерильном контейнере? Еще более катастрофично положение с одноразовыми внутривенными катетерами. «Грязный» катетер, так же как и «грязная» система для переливания крови, гарантирует заражение. Катетеры бывают лишь пластиковыми — и в принципе не приспособлены для стерилизации в сухожаре — следовательно, могут быть только одноразовыми. Но промышленность выпускает их мизерное количество — да и то на импортных линиях. Своих линий нет и не разрабатываются. На закупку дополнительных импортных линий валюта не выделяется. Вот наша бедная медицина давно и «приспособилась»: катетеры замачивают в одном специальном растворе, затем тщательно промывают в другом и — используют снова и снова. Хотя точно известно, что такая стерилизация стопроцентной стерильности не дает. Трагедии в Элисте и в Волгограде, по одной из предварительных версий, произошли как раз из-за неправильного пользования шприцами и внутривенными катетерами. Но ни в одном ведомстве, причастном к проблеме СПИДа, я не слышала, чтобы хотя бы ставился вопрос об одноразовых внутривенных катетерах.

Плохо дело даже с хирургическими резиновыми перчатками. Заявка Минздрава на этот год просила 100 миллионов, а фонды выделены на производство только 32 миллионов. Это на Западе перчатки давно используют один раз, а у нас стерилизуют, пока не порвутся.

Да что там перчатки — у нас «перышек», которыми колют палец для взятия анализа крови, будет выпущено в этом году 46 процентов от потребности медицины! А потребность страны в стерилизационном оборудовании будет удовлетворена на 42 процента...

А ведь кое-кто из очень ответственных работников, прекрасно зная и эти, и многие другие цифры, еще совсем недавно прекраснодушно заявлял: не волнуйтесь, товарищи, такой эпидемии СПИДа, как на Западе, у нас не будет.

— Итак, на экстренную закупку оборудования для производства шприцев валюты не хватает, на оборудование для производства капельниц валюта вообще не выделена...

— Вопрос не по адресу. Это в Совмине решают.

— А кто конкретно?

— А вы в Совмине и спросите.

— А вы не знаете? Или боитесь сказать?

— Ну почему, не боюсь... Внешнеэкономические вопросы по линии СЭВ курирует товарищ Тализин, остальные внешнеэкономические вопросы — зам. Предсовмина товарищ Каменцев (разговор происходил до Съезда народных депутатов СССР.— **Ред.**).

— Но вы их предупреждали, что мы на пороге страшной эпидемии и что средства на шприцы — в буквальном смысле жизненная необходимость?

— Да, эти вопросы поставлены, и правительство знает об этом. И на сегодняшний день уже выделены достаточно большие валютные средства, так что...

«Достаточно большие». Большие ли? Да, безусловно. Достаточные ли? Смотря для чего: для предотвращения упреков — может быть, для предотвращения тысяч смертей — ни в коей мере.

Накануне визита к Александру Ивановичу Кондрусеву я побывала у другого медика — Александра Владимировича Киселева. Он не замминистра, не главный и не санитарный врач, но для меня он едва ли не самый первый человек в здравоохранении. Сами понимаете, хороший зубной врач... Я Киселеву верю. И всякий раз, когда он выключал бормашину и разрешал мне закрыть рот, я немедленно возобновляла обоюдопрофессиональную беседу.

— Люди боятся ходить к зубному, говорят, можно подхватить СПИД. Насколько этот страх оправдан?

— Страх оправдан. У стоматолога-терапевта стерилизуется весь инструмент, кроме главного орудия производства — самих сверл, боров. Это только зубы чистят, не вынимая изо рта, а чтобы простерилизовать боры после каждого пациента как положено, их надо все время вытаскивать из машины. И, казалось бы, пусть, будем вытаскивать. Но беда в том, что бор крепится в наконечнике турбинной бормашины с помощью специальной втулки. Так вот, эти втулки крайне быстро изнашиваются — стоит несколько раз вынуть и вставить бор. А запасных втулок у стоматологов нет. Бо-о-льшой дефицит! Короче, если я начну все время снимать-вставлять боры, то полетит втулка, машина встанет, и все пациенты вместе со своей зубной болью пойдут домой. Именно домой, потому что ситуация у всех врачей одинакова, вся техника типовая. Правда, я и многие мои коллеги протираем боры спиртом после каждого пациента. Но, во-первых, это делают, наверное, не все, а во-вторых, бор имеет зазубринки, и простерилизовать его спиртом надежно, на 100 процентов гарантированно, думаю, невозможно.

Дальше пульпоэкстрактор — длинная игла с нарезкой, то, чем удаляется нерв и прочищается канал. На Западе эти инструменты одноразовые, их просто выбрасывают. У нас же все зависит от того, бедная поликлиника или богатая. Как правило, бедная, и никто, как правило, их не выбрасывает, их, правда, моют, держат в спирте, но это опять же не гарантирует от заражения. Потому что с нарезки, из этих пазов не удается содрать, удалить полностью частицы биологических тканей.

Но и бор, и пульпоэкстрактор — еще цветочки. Ягодки — это протезирование зубов, тут-то для СПИДа вообще зеленая улица. Прежде чем я надену коронку на зуб, я должен его обточить, верно? А обтачивающий инструмент обязательно, хоть чуть-чуть, но задевает десну и пачкается кровью. Значит, стерилизовать его врачи-протезисты просто обязаны. Но это легко сказать. У врача 7—10 пациентов в день, а наборов обтачивающего инструмента у меня не 10 и даже не 5, а один! Как же отдавать его на часовую как минимум стерилизацию после каждого пациента? Или надо принимать двухтрех пациентов в день, не больше. Минздрав готов нам это разрешить?

Вот и оказались стоматологи перед чудовищным выбором: либо людей заражать, либо не лечить вовсе.

Почему до сих пор не увеличили до полного достатка выпуск стоматологического инструмента? Почему *весь* груз ответственности на нашей совести, рядовых врачей! У Минздрава руки чистые — между ним и пациентом ведь я стою. Ну что я должен делать в этой ситуации, что?

— Александр Иванович, вам, наверное, известно, что многие стоматологические инструменты не стерилизуются из-за их нехватки?

— У нас много чего не хватает, но это ни в коем случае не снимает ответственности с медработников. Должны успевать стерилизовать! Не имеют права не успевать!

В разговор вступает начальник Главного эпидемиологического управления Минздрава СССР Михаил Иванович НАРКЕВИЧ.

— Не стерилизовать стоматологический инструмент? Да вы что?! Там же поле раневое большое, там же кровь! Не хватает — значит, врач должен ждать, и люди пусть сидят и ждут, пока все простерилизуется. Не стерилизовать — это преступление.

— Вероятно, Минздрав интересовался, какие именно инструменты не стерилизуются из-за нехватки, и соответственно увеличил заявку на их выпуск?

— Ну, в деталях я не знаю, какие именно инструменты — там сотни наименований. Вообще заявку должна «Союзмедтехника» увеличивать («Союзмедтехника» — подразделение Минздрава СССР.— **А. А.**).

— Значит, в «Союзмедтехнике» знают, какой инструмент не стерилизуется из-за нехватки?

— Нет, этого они не знают. **(По-моему, они и не должны знать, поскольку исследовать вопрос, какими путями реально передается СПИД и какие мединструменты здесь представляют опасность,— вероятно, не**

дело снабженческой организации, а прямая обязанность главного государственного санитарного врача и главного эпидемиологического управления.— А. А.)

— Ну тогда, Михаил Иванович, я вам скажу: не стерилизуются инструменты, которыми обтачивают зуб при протезировании, потому что у врача всего один комплект, а пациентов несколько больше.

— Да ну! Не может быть, чтобы не стерилизовались. Вы сходите для пробы к дантисту, все сами узнаете.

— Я и была у дантиста вчера, как раз и узнала.

— Ну, не знаю... Позиция моя однозначная: не стерилизовать — это преступление.

— Вы оба все время делаете акцент на ответственности медработников. Я с этим не спорю, но разве главная ответственность и главная вина лежит не на тех, кто допустил, что в 1989 году — 1989-м, когда СПИД, как говорится, готов войти в каждый дом,— у нас нет одноразовых шприцев, капельниц и прочего одноразового оборудования, не хватает стоматологического инструмента?..

— Каждый на своем участке должен отвечать за свое дело,— отвечает вновь А. И. Кондрусев.— И если существует безответственность, то будут существовать аварии, беды... Минздрав сам никакой промышленной продукции не производит. Минздрав — заказчик и проситель.

— Но все-таки в нынешней трагической ситуации, когда мы оказались совершенно не готовы отразить атаку СПИДа,— сейчас Минздрав должен, мне кажется, срочно искать выход, иметь какие-то конкретные предложения, а не просто констатировать ситуацию и «работать в направлении...». Даже образцово работающей регистратуры недостаточно, чтобы поликлиника могла лечить.

— А мы делаем, мы очень много делаем. Если сравнить объем работ, которые мы проводили в 1987, 1988 годах, и объем работы, которую мы проводим в этом году, он резко увеличился. И инициатив у нас очень много. Во всех республиках создаем центры профилактики и борьбы со СПИДом и так далее, и так далее.

— Я имею в виду конкретно одноразовое медоборудование.

— Вы меня так допытываете, как будто Минздрав производит шприцы и презервативы. Сегодня у Минздрава очень много проблем...

— Простите, Александр Иванович... А вы сами не боитесь ходить к врачу, на разные медицинские процедуры?

— Я?.. Нет, не боюсь.

— Потому что вы лечитесь в поликлинике Четвертого главного управления?

— Ну, нет, не поэтому. Просто я требователен и к врачу, и к младшему медперсоналу. Я внимательно контролирую, что сестра делает. Мы слишком терпимы, мы спокойно смотрим, как нарушается инструкция, и ничего медсестре не говорим...

В конце концов, может быть, замминистра и вправду не знает, что происходит, когда пытается контролировать действия медика и давать ему указания простой смертный...

* * *

Чтобы хоть как-то сдержать надвигающуюся эпидемию, от ответственных ведомств требуется боль за каждого человека, которого мы не сможем уберечь, за каждого ребенка, который будет обречен по нашей вине. Требуется широко открытыми глазами глянуть в бездну, перед которой мы стоим, и чтоб закружилась голова от правды. Требуется беспокойство.

Я не увидела беспокойства в Минздраве СССР. Напротив, полный штиль, холодная и гладкая, без изъяна стена спокойствия. От нее все мои вопросы отскакивали, как теннисный мячик.

Да, врач должен внушать больному уверенность и спокойствие. Но не слишком ли увлеклись руководители медведомства лишь одним средством — массовой психотерапией — в ущерб другим?

Впрочем, нет. Один сорт беспокойства все же был — беспокойство за честь мундира. Или, может быть, халата? Нет, все-таки мундира. Мне показалось, что на министерском уровне предпочитают именно этот туалет. У меня все время было ощущение, что мне хотят втолковать: искать выход из трагической ситуации не наше дело, нам просто не положено, не наш ранг... Отсюда и десятилетиями отрепетированный прием: по сравнению с таким-то годом объем работ увеличился на столько-то. И не важно, что результаты плачевные — ведь объем работ увеличился!

Всю жизнь мы смотримся как в зеркало не в нынешнее время, а в 1913-й год, в 1940-й, в 1986-й... Посмотришься в тринадцатый год — и вроде сам не урод, вполне даже ничего. Ну, спасибо 1913-му — тогда, слава богу, было хуже, он, 1913-й (1940-й, 1986-й), родимый, не подкачает, не подведет, он вывезет. Странно, что не додумались в недавнее время присвоить 1913-му звание Героя Советского Союза — скажем, за большие заслуги в деле пропаганды социалистического образа жизни.

Я не заметила беспокойства и в недавнем интервью министра здравоохранения товарища Чазова в «Правде». От интервью исходит чувство глубокого удовлетворения. «Намечены конкретные меры... по устранению наметившихся отставаний... Полным ходом идет подготовка специалистов... Предпринимаются огромные усилия, чтобы остановить наступление СПИДа, защитить здоровых людей... Если в 1988 году было... то в этом году...». Говорится о том, сколько обучено врачей и сколько развернуто лабораторий по исследованию крови. Но ведь наличие и врачей, и лабораторий при отсутствии одноразового оборудования означает, по сути дела, сведение многих усилий на нет.

Потребность в одноразовых шприцах в будущем году, заверяет министр, уже будет практически удовлетворена. Загадочный факт: в будущем году произведут в лучшем случае один миллиард шприцев вместо требуемых трех-четырех миллиардов. В несколько раз меньше, чем необходимо,— вот что, оказывается, значит любимая нами формулировка «практически удовлетворена»! А про отсутствие даже в обозримом будущем одноразовых капельниц, внутривенных катетеров, диализаторов, одноразовых контейнеров для хранения крови говорить, видимо, и вовсе не стоит.

А пока министр со страниц «Правды» проводил сеанс массового гипноза на всю страну, в Волгограде были заражены вирусом СПИДа более 20 детей.

Я не бывала в Совете Министров СССР. Но осмелюсь утверждать, что особого беспокойства по поводу СПИДа нет и там. Ну, это уже слишком, скажет кто-то, делать такие заявления. Тем более что именно Совмин выделил несколько миллионов инвалютных рублей, чтобы в 1990 году добраться до миллиарда шприцев.

Но не могут не знать в Совмине, что это капля в море, которая нас не спасет. Не могут не знать, что необходимо уже сейчас, сегодня произвести, а раз не можем произвести, то закупить все требуемое оборудование по изготовлению одноразовых медицинских изделий — завтра будет поздно, завтра тысячи людей заразятся неизлечимой болезнью.

Но если нет валюты — где ее взять? И разве кто-нибудь спорит с тем, что лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным? СПИД же требует немало: 250—300 миллионов инвалютных рублей — это чтобы купить оборудование по производству и шприцев, и капельниц, и диализаторов, и контейнеров для хранения крови, и презервативов...

Да, цифры немалые. Но, во-первых,— и это утверждают многие авторитетные экономисты, с которыми я говорила,— если «пройтись» по всем статьям наших валютных расходов, где-то подсократить, где-то перекинуть с одной статьи на другую,— эти жизненно необходимые 250—300 миллионов наскрести можно. И дело не в том даже, что **можно,** а в том, что **иначе нельзя.** Я не экономист, но настаиваю: тут не грех в любые долги залезть. Речь-то идет не об улучшении благосостояния населения, как при закупках импортных сапог, а о сохранении самого населения. Во-вторых... Из этого «во-вторых» я и сделала вывод, что в Совмине СССР нет чрезмерного волнения по поводу надвигающегося СПИДа.

Мне известны несколько кооперативов и совместных фирм, которые хотели осуществить бартерные, то есть безвалютные, операции — обменять на линии по производству одноразовых шприцев наше вторсырье. В частности, такой цветной металлолом, который ржавеет на свалках и который Вторцветмет все равно не умеет использовать. Так вот, именно Совмин запретил вообще такого рода сделки, не сделав спасительного исключения для сделок, которые бы дали нам антиспидовское оборудование. Да, цветной металл можно назвать стратегическим вторсырьем, но как назвать саму стратегию, ставящую человеческие жизни ниже чего бы то ни было? Лозунг «умрем, но лом не отдадим!» выглядит жутко, особенно если учесть, что нас-то никто не спрашивал, что нам дороже — лом или жизнь, согласны ли мы, чтобы люди гибли за металл? — и надо бы этот лозунг уточнить: умрете, но лом не отдадим.

Откуда же такое завидное спокойствие у наших ответственных работников?..

И я перестала ходить по министерствам. Выход должны искать в других местах. Может, пойти в Красный Крест? Уж этой организации беспокойство за нашу жизнь просто по статусу положено.

Сначала очень удивилась секретарша. «СПИД? Сбор валюты? Нет, мы только выпускаем плакаты против СПИДа, пропагандируем здоровый образ жизни».

Потом очень удивился первый заместитель председателя Исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР Алексей Дмитриевич Тюляндин:

— Сбор валюты на шприцы? Да вы что, у нас только издательская деятельность, мы выпускаем плакаты...

Продолжая удивляться, Тюляндин проводил меня к председателю.

В кабинете председателя Д. Д. Венедиктова тут же собралось все начальство. И пока председатель говорил по телефону, они долго рассказывали мне, как много и замечательно работают и как благородна их деятельность, показывали мне безликие плакаты и памятки по СПИДу, которые если и напугают кого, то не случайными связями, а серостью и убогостью нашей жизни, в которой рождаются эти безысходно-оптимистические тексты и изображения. Наконец-то председатель освободился.

— Дмитрий Дмитриевич, чем Красный Крест может помочь в бедственной ситуации со СПИДом? Может быть, организовать сбор валютных средств на покупку оборудования, производящего одноразовые шприцы, капельницы?..

— Собирать валюту на линии, изготовляющие одноразовые шприцы?! А при чем здесь Красный Крест? Красный Крест существует на тридцатикопеечные взносы наших граждан. Общий наш бюджет 29 миллионов рублей — рублей, а не долларов. Так что же мы можем сделать?..

Да, Армении помощь оказал, в том числе и в валюте, Международный Красный Крест, в который мы входим. Так это же была помощь в порядке солидарности во время стихийного бедствия. Но Международный Красный Крест никогда не решал и не будет решать за государство его внутренние проблемы. Три четверти человечества живет в условиях абсолютной нищеты, полтора миллиарда голодает, около миллиарда людей не имеет никакой медицинской помощи. И если Советский Союз выйдет и скажет: давайте не голодающим в Африке помогать, а лучше помогите все нам, великой державе!..

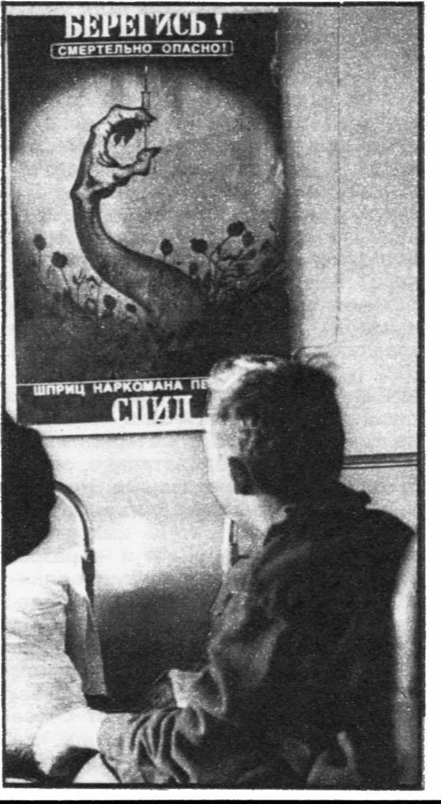
Вы знаете, где больше всего людей умирает от СПИДа? В Африке! Я считаю, если Советский Союз выступит с призывом: помогите нам, потому что мы себе помочь не можем, это будет **аморально** по отношению к тем людям, которые сегодня от СПИДа умирают, к той части человечества, которая вообще ничего не имеет.

Не по себе стало мне от этих слов. Наверное, я аморальна и дурно воспитана, раз не думаю в данную минуту про детей в Африке, но, боже мой, неужели не аморально смотреть сложа руки, как заражаются и умирают от СПИДа дети в собственной стране? Уж знать про Элисту и Волгоград и ничем не хотеть помочь?

— Дмитрий Дмитриевич, не очень понимаю, зачем вы так демагогически переворачиваете мой вопрос — разве я прошу отобрать шприцы у несчастных африканцев или предлагаю стоять перед иностранцами с протянутой рукой? Я ведь спрашиваю совсем о другом: что может предпринять Красный Крест в сложившейся ситуации, не выходя за рамки своей компетенции, а только лишь проявляя беспокойство перед лицом бедствия и нормальную заинтересованность в защите людей от опасности. Можно ли, например, организовать благотворительные аукционы, валютные благотворительные концерты советских деятелей культуры за рубежом... Уж это-то не ущемит гордость нашей великой державы?

— В принципе такие вещи делаются. Для Армении, например, проводятся аукционы, концерты, перечисляется валюта. Действительно, это делает Красный Крест вместе с различными международными благотворительными организациями. Но делать это для закупки шприцев?! Никто этого делать не будет. Знаете, нужно другое — просто

Фото Владимира ВЕЛЕНГУРИНА

потребовать от промышленности, чтобы все это было.

— А кто должен потребовать?

— Вы, журналисты, должны.

— Но вы понимаете, что, дожидаясь результатов от промышленности, не закупив немедленно линий по производству одноразовых шприцев, капельниц, диализаторов и прочего, мы просто обрекаем тысячи советских граждан на заражение и на смерть?

— Ну, почему?.. Я не думаю... Зачем так говорить?

Опять я не по адресу пришла. Опять не в ту дверь постучала. Все та же каменная стена спокойствия. Но попробуй я назови это равнодушием! Нет-нет, говорят мне, мы не равнодушны, просто нам стыдно. Ну, неловко, не к лицу великой державе раздобывать одноразовые шприцы с помощью международной благотворительности — у советских собственная гордость. А что свои люди заражаются и умирают — это как, не стыдно? Нет, не стыдно. И — заметьте! — не страшно.

Круг замкнулся. Отечественная промышленность за СПИДом не поспевает. Минздрав поставил себя в положение бегуна, который и не помышляет обогнать грозного противника — ему бы улучшить только собственный прошлогодний результат — и прекрасно, уже великое дело. Совмин на закупку нужного количества оборудования не дает валюты. Красный Крест считает благотворительный сбор валюты делом возможным, но стесняется.

СПИД все кровожаднее требует жертв, и мы удовлетворяем эти требования. Жертвоприношение продолжается.

Журнал «Огонек» ходатайствует перед Внешэкономбанком СССР об открытии благотворительного валютного счета «АнтиСПИД». Все поступающие на этот счет деньги будут незамедлительно направляться на закупку оборудования по производству одноразовых шприцев, одноразовых капельниц и диализаторов, различных одноразовых катетеров, контейнеров для хранения крови, презервативов.

Мы обращаемся к советским актерам, театрам, ансамблям, рок-группам, оркестрам — часть гонораров, собранных с гастрольных концертов и спектаклей, вы можете перечислять на счет «АнтиСПИД».

Обращаемся к писателям, публицистам, деятелям науки — вы можете часть валюты, полученной от издания книг за рубежом, перечислять на счет «АнтиСПИД».

Обращаемся к советским спортсменам — часть заработанной вами валюты вы можете перечислять на счет «АнтиСПИД».

Обращаемся ко всем художникам, скульпторам — просим часть валютной выручки от зарубежных выставок перечислять на счет «АнтиСПИД».

Обращаемся к совместным предприятиям — часть валютной прибыли вы можете перечислять на счет «АнтиСПИД».

Обращаемся к соотечественникам, ныне проживающим за рубежом, а также ко всем людям, сочувствующим и разделяющим нашу тревогу, к религиозным и светским организациям — вы можете перечислять деньги на счет «АнтиСПИД».

Сообщаем, что в ответ на предложение журнала уже выразили желание сделать пожертвования Д. Лихачев, Р. Щедрин, А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Г. Каспаров, Д. Гранин, Р. Паулс, А. Рыбаков, Б. Окуджава, Т. Толстая, А. Синявский, В. Войнович, В. Спиваков, А. Сахаров.

«Огонек» выражает признательность им и всем будущим вкладчикам счета «АнтиСПИД».

Номер счета будет опубликован в ближайшее время.

Начало на 2-й стр. обложки.

водитель оперативной группы Госстроя РСФСР на БАМе:

— В инициативную группу вошли ветераны БАМа — экономисты, финансисты, журналисты, рабочие, инженеры, ученые. Люди, в большинстве независимые от железной дороги, от МПС. Эта группа составила своеобразный мозговой центр, вокруг которого объединились двадцать тысяч бамовцев — они и поставили подписи против разделения дороги. Мы стали бороться за БАМ, развитие которого невозможно без единого транспортного комплекса. Сегодня участие местного населения при определении путей и форм развития региона не должно вызывать сомнений. Хотя можете сказать, что дело это совминовское, госплановское в конце концов. Но и народное. Это вчера решали специалисты упомянутых инстанций, проекты готовили люди, порой и полного представления не имеющие о местных особенностях. Пришло время прислушиваться к голосам с мест — разумным, конечно, аргументированным, обоснованным. В перестройке народ получил право высказывать свое мнение, а, значит, и влиять на принимаемые решения. Вот мы и организовали общественную экспертизу министерского решения по реорганизации БАМа.

— Думаем,— продолжал он,— на средства создаваемого фонда заказывать ученым расчеты социально-экономических прогнозов развития региона, готовить альтернативные программы с учетом проводимых в стране хозяйственных реформ. Главное, что мы хотим,— повернуть определенные инстанции к человеку в этом регионе, к его нуждам, проблемам. Имеем мы предложения и к Госплану СССР, они связаны со строительством железной дороги на Якутск. Туда ежегодно завозятся миллионы тонн различных грузов, и затрачивается на автомобильный, речной, морской, воздушный транспорт немало государственных денег. Скажем, что железнодорожный транспорт в сравнении с автомобильным ровно в тридцать раз дешевле. Налицо государственная выгода, и, казалось бы, яснее ясного — необходимо скорейшее строительство железной дороги Беркакит — Якутск. Эта дорога обеспечит надежность и, главное, экономичность, измеряемую почти двумя миллиардами рублей. Но это деньги завтрашнего дня, а сегодня МПС — заказчик дороги сидит на дотации у государства. Вот мы и предлагаем один из вариантов — посмотреть предложения по созданию акционерного общества на строительстве Амуро-Якутской магистрали. Думаем, желающие найдутся.

Шингарева я записывал в самый разгар борьбы за неделимость БАМа. Недавно узнал, что требования бамовцев, их разумные доводы заставили министра путей сообщения направить на магистраль комиссию во главе со своим заместителем В. Гинько. Вернувшись, он информировал общественность о новом решении МПС — не делить Байкало-Амурскую железную дорогу, оставить ее самостоятельной. Вопрос «БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?» решен однозначно — БАМу быть! Каким же путем пойдет его дальнейшее развитие, как будут осваиваться прилегающие к магистрали районы, когда завершится строительство магистрали? Освоено ведь только восемь миллиардов из десяти, предусмотренных планом.

Главным образом «незавершенка» ложится на набивший оскомину соцкультбыт. Дорогу строители обещают полностью сдать в конце этого года, но и тогда она еще не станет полнокровной транспортной артерией. Бамовские поезда будут тормозиться у Северо-Муйского тоннеля и следовать обходным путем. Таковы планы, выполнение которых вызывает сомнение опять-таки из-за несвоевременных поставок комплектующего оборудования. Строители по-прежнему находятся в полной зависимости от поставщиков. Сегодня же на прямых договорах эта зависимость стала совсем кабальной. Нужен бамовцам, скажем, цемент, его готовы дать предприятия-производители, но взамен они требуют лес, строительную технику, требуют все необходимое, вплоть до тепловозов — в обмен на унитазы.

Каким же будет завтрашний день БАМа? Кто разорвет паутину проблем, опутавшую магистраль? Думают об этом и сами бамовцы, выдвигая свои концепции.

Я внимательно записал и мнение М. Леденева — ведущего научного сотрудника Института экономических исследований ДВО АН СССР, кандидата экономических наук:

— Перестройка немыслима без молодых людей, твердо стоящих на одной земле и знающих не по разговорам, а на деле, как вести хозяйство. Давно пора понять, что экономическая самостоятельность является еще и источником духовного развития. Сегодня ставку надо делать на молодежь, осваивающую новые методы хозяйствования — аренду, подряд, кооперацию. В более широком масштабе такой формой может стать молодежный территориальный подряд, родившийся в штабе ЦК ВЛКСМ на БАМе. Предоставив молодым возможность решения вопросов экономического и социального развития, выделив для этого необходимые средства и закрепив определенную территорию, мы научим их быть полновластными хозяевами земли. Они вдохнут новую жизнь в суровые дальневосточные земли. Чтобы территориальный подряд получился, нужно развивать небольшие производства на местных ресурсах. Ведь то производство, что создано сегодня, является искусственным. Нам же надо, исходя из местных ресурсов, поднимать арендатора, который видит себя собственником. Только тогда он не позволит уродовать землю, транжирить леса.

Нужна, необходима свежая струя в освоении нового образа жизни. Давайте поднимем все наши программы: электрификацию, индустриализацию, химизацию, НТП, НТР, АПК и последнюю — нашу дальневосточную. Вглядитесь — ведь ни одна из них не затрагивает производственных отношений. Что мы прогнозируем нашей программой? Прежде всего планируем развитие производительных сил, оставляя теми же производственные отношения, в которых должны развиваться производительные силы. Сегодня еще можно безответственно командовать миллионами рублей, завтра же это будет невозможно.

Вот пример: что изменило решение по увеличению региональных надбавок к зарплате? Да, это было необходимо, чтобы хоть как-то не ухудшить миграционную ситуацию. Но ведь такое решение и не улучшило ее. Чтобы поддерживать миграцию относительно стабильной, в девяностых годах придется увеличивать надбавки еще в три раза. Ибо сегодня на треть у дальневосточников ниже развитие социальной инфраструктуры в сравнении со средними показателями по стране. И рано или поздно, но этот пробел придется ликвидировать. А это еще миллиарды рублей. Где их брать? Процесс формирования постоянного населения идет медленно и противоречиво. В районах с неблагоприятными природно-климатическими условиями заметно возрастает уровень затрат на воспроизводство населения, следовательно, ухудшаются и экономические условия для ведения хозяйства. За последние двадцать пять лет в самые благоприятные условия Дальнего Востока переселено порядка ста тысяч семей. Однако сельское население не увеличилось. За пятнадцать лет строительства через отделы кадров БАМа прошло более полутора миллионов людей, в основном молодежи. Надо, надо искать и внедрять новые пути, одним из которых является путь, предлагаемый дальневосточной молодежью, он докажет право на жизнь.

Жить в окружении единомышленников — давняя мечта рабочего парня Александра Асеева. Сейчас он заместитель директора комсомольско-молодежного объединения, что в поселке Солнечном Хабаровского края.

— Мечтаем взять в аренду территорию вокруг маленького бросового поселка лесообработчиков,— говорит мой собеседник,— где стоял расформированный лагерь для заключенных, это в десятке километров от бамовской станции Хурмули. Мечтаем создать там поселение единомышленников и отстроить такой поселок, чтобы люди в нем не существовали, чувствуя ущербность, а жили по-человечески, не ощущая ущемления периферией. Чем будет заниматься коллектив арендаторов? Будем использовать природные богатства так, чтобы хватило их на несколько поколений. А строить так, чтобы никто не захотел уезжать.

Нам надо привязать людей к своей малой родине, чтобы дети наши, внуки не становились подобием перекати-поля, чтобы не мотались по стране, как это случилось с большинством из нашего поколения. Район пока богат лесом, но завтра может этот лес исчезнуть безвозвратно. Арифметика проста: только Хабаровский край за последние тридцать лет вывез в соседние страны более ста миллионов кубометров отборного круглого леса. Велика потребность в лесе и на внутреннем рынке. Оттого, наверное, и командуют лесом сразу несколько ведомств. На БАМе есть районы, где расположились леспромхозы Министерства обороны, Министерства внутренних дел и главного хозяина нашего леса — Минлеспрома. Цель у всех одна — как можно больше заготовить и вывезти. Всем нужны кубы, а не социальная сфера территории, на которой они находятся.

А кто же завтра будет отвечать за то, что идущему за нами поколению уже не достанется леса? Скажете, существуют лесопосадки... Существуют в отчетах лесников; на практике вы не найдете леспромхоза, который бы брал древесину, выращенную человеком. Хотя посадками мы занимаемся уже несколько десятилетий. По-прежнему варварским методом выкашиваются природой взращенные леса, оставляя местным жителям пустыри, превращаемые временем в болота. Но разве справедливо валить лес в нашем районе и продавать кругляком по 28 рублей за кубометр в Среднюю Азию? А там из него производить пиломатериал и получать десятикратную прибыль?

Почему бы не продавать пиломатериал нам самим?

ВЕРА И НАДЕЖДА

Время свое возьмет, наступит час последнего аккорда бамовской симфонии, свершится задуманное русскими людьми еще в начале века — БАМ будет полномощной магистралью. А что потом? Ожидание очередного скачка, призывного лозунга с большой трибуны или разумная, учитывающая человеческие потребности и природные возможности жизнь? Но для этого необходимо добиться местным Советам своих законных прав, чтобы не министерства и ведомства, имеющие интересы за тысячи верст от местных кладовых, распоряжались их запасами, а хозяева — люди на местах. Достойные представители народа, способные выдерживать ведомственные давления и вести дела так, чтобы без согласия с ними ни кубометра газа или леса, ни тонны руды или угля не уходило без должной оплаты.

Заглянув за бамовскую колею, мы услышали голоса людей, по-разному видящих выход из тупика, в котором оказалась магистраль сегодня. Мнения различны в подходах, но едины в конечных целях, в стремлении принести процветание этой земле и счастье живущим на ней людям. Очень хочется верить в то, что эти разумные голоса будут услышаны, что они не утонут в какофонии чиновничье-бюрократических скрипов. И пусть самым суровым мерилом наших действий будет стыд перед потомками.

ВОЗВРАЩЕНИЕ «ПИНК ФЛОЙД»

Страшным сном кажутся достопамятные времена, когда под бравурные марши победившей серости к «идейным врагам социализма» была причислена выдающаяся британская рок-группа «Пинк Флойд». Все ее пластинки возглавили официальные «черные списки» продукции, запрещенной к распространению в СССР. Причиной стало упоминание в тексте одной из песен альбома «Последний отрезок пути» имени главы государства, пославшего своих сыновей воевать в Афганистан. Посадка летающей тарелки с инопланетянами где-нибудь в районе Чистых прудов лет пять назад выглядела куда более реальной, нежели мысль о хотя бы одном концертном выступлении «Пинк Флойд» в Москве. И вот свершилось невозможное. Советская столица была включена в мировое гастрольное турне легендарного коллектива из Лондона с более чем двадцатилетней историей. В разговоре с лидером «Пинк Флойд», гитаристом Дэвидом ГИЛМОРОМ, удалось узнать много интересного...

— Дэвид, какой смысл заложен в предприятии по имени «Пинк Флойд»?

— Прежде всего музыкальный, восходящий к традиции блюза и классики, если понимать музыку как обязательный элемент жизни. Мы сторонники музыкальной концепции, завершенности в малом перед большим движением в пространстве. Затем смысл поэтический, поскольку поэзия и музыка составляют единое целое. Настоящая музыка и настоящая поэзия содержат внутри себя великую красоту.

— Есть ли у вас любимые поэты?

— Конечно! Я очень хорошо знаком с русской лирикой, имею дома ее замечательные переводы на английский — Бальмонт, Брюсов, Есенин, Пастернак... Мои собственные музыкальные опыты в целом являются попыткой создать эквивалент образам, навеянным стихами.

— Кому принадлежит поэтическое начало наиболее известных, ставших почти классическими композиций, которые звучали на московских концертах «Пинк Флойд»?

— Концептуальной поэзией начиная с «Обратной стороны Луны», включая альбомы «Стена» и «Последний отрезок пути», в основном занимался Роджер Уотерс. В общем, так всегда было, пока мы работали вчетвером. Теперь нас осталось трое — Ричард Райт на клавишных, Ник Мэйсон на ударных и я на гитаре. Это творческое ядро группы, хотя на сцене и при записи исполнителей всегда бывает более десяти.

— Посещает ли вас ностальгия? Хотелось бы вам вернуться в далекие от нас шестидесятые годы, когда все начиналось?

— Иногда хочется и даже очень. Наверное потому, что тогда вокруг были симпатичные, безумно влюбленные в жизнь ребята, которые создавали музыку для себя и друзей, не думая о славе и деньгах. Увы, такое возможно разве что во сне. В это «путешествие» я обязательно взял бы своих дочерей и сына...

— Около полугода назад вы вместе с Ричардом Райтом уже побывали в Советском Союзе. В прессе писали, что первый маршрут «Пинк Флойд» в нашу страну пролег через космодром Байконур. Извините, но мы так и не поняли цели визита...

— Ни мне, ни Рику никогда не приходилось присутствовать при запуске настоящего космического корабля с экипажем. У нас была возможность поехать на мыс Канаверал во Флориду, где американцы запускают свои «Шаттлы». Но по совету своих французских друзей выбрали Байконур. В нас победил европейский патриотизм. Зрелище, скажу вам, необыкновенное, потрясающе красивое. В качестве сувенира мы увезли с космодрома прекрасную цифровую запись старта гигантской ракеты, уносящей в черный космос трех смелых парней.

— Используете запись в следующем альбоме? Кстати, когда ожидается его выход?

— Раньше марта — апреля следующего года в студию вряд ли попадем, вот почему никаких обещаний дать не могу. «Нежные звуки грома», наша последняя работа, вызвала у слушателей и критиков неоднозначные, весьма противоречивые оценки. Мы торопились и не все замыслы довели до конца.

— Сколько всего альбомов записано группой?

— Четырнадцать, не считая сольных. Но по миру бродят десятки с музыкой «Пинк Флойд», произвольно, часто безвкусно составленные, с жутким качеством звука, поскольку записи делались пиратским способом на концертах.

— Вам лично, Дэвид, какой из «родных» альбомов больше всего нравится?

— Непростой вопрос. Наиболее сложной работой, пожалуй, была компоновка музыкального тракта фильма Антониони «Забриски пойнт». Режиссер требовал больше, чем мы сами в то время умели. Много позже, когда закончилась запись «Обратной стороны Луны», стало понятно, чего от нас хотели.

— Здесь, в Советском Союзе, вы не чувствуете себя, словно на «обратной стороне Луны»?

— О, нет! Здесь намного интереснее. Мы начинаем понимать многие вещи, у вас какая-то иная жизнь, более динамичная и чем-то напоминающая нам нашу молодость. Я люблю не только русских поэтов, много лет подряд слушаю произведения Римского-Корсакова, Бородина, Мусоргского, старинные церковные хоралы и очень сожалею, что ваша молодежь мало использует все это мелодическое богатство. Если распорядиться им разумно и талантливо, о «русском роке» говорили бы на Западе куда серьезнее.

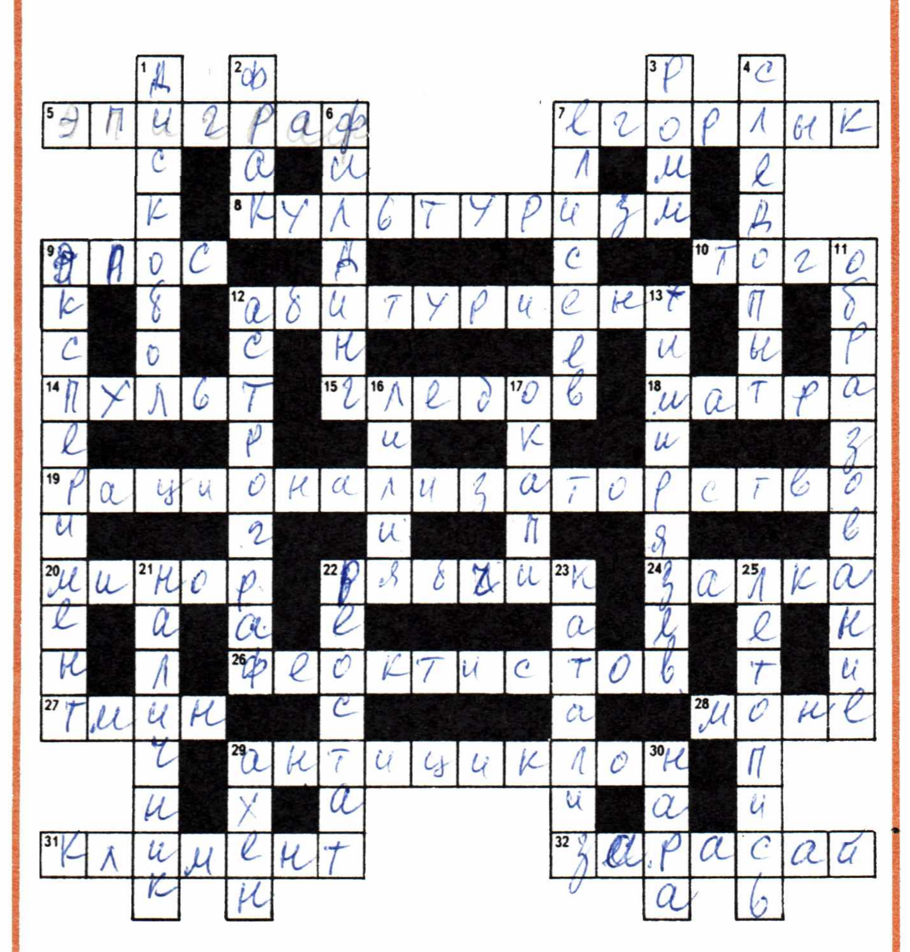
— Быть может, «Пинк Флойд» покажет пример, как это делается?

— Право, есть над чем подумать...

Владимир МИШИН
Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Цитата, изречение, пословица, предпосланная произведению. 7. Приток Западного Маныча. 8. Система физических упражнений, развивающая мускулатуру. 9. Повествовательная литература. 10. Государство в Западной Африке. 12. Поступающий в вуз. 14. Подставка для нот. 15. Белорусский актер, народный артист СССР. 18. Вулканический массив на севере Венгрии. 19. Деятельность по усовершенствованию, улучшению производства. 20. Музыкальный лад. 22. Лесная птица с пестрым оперением. 24. Венгерский писатель, участник гражданской войны в России и Испании. 26. Летчик-космонавт СССР, лауреат Ленинской премии. 27. Травянистое растение, плоды которого употребляются как пряность. 28. Французский живописец, импрессионист. 29. Область повышенного давления в атмосфере. 31. Славянский просветитель, один из основоположников древней болгарской литературы. 32. Город в Литве.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Метатель спортивного снаряда. 2. Мужской парадный костюм. 3. Кинорежиссер, народный артист СССР. 4. Роман Д. Ф. Купера. 6. Английский писатель XVIII века. 7. Летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза. 9. Научный опыт. 11. Обучение, просвещение. 12. Телескоп для фотографирования небесных объектов. 13. Естествоиспытатель, один из основоположников русской научной школы физиологов растений. 16. Декоративное луковичное растение, цветок. 17. Животное семейства жираф. 21. Планка на дверном или оконном проеме. 22. Устройство, регулирующее напряжение тока в электрической цепи. 23. Изменение скорости химической реакции. 25. Журнал, основанный М. Горьким и издававшийся в Петрограде. 29. Город в ФРГ. 30. Приток Оки.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 25

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. «Холопка». 8. Ортопед. 9. Прополис. 11. Демократ. 12. Корнев. 13. Расход. 16. Чибони. 18. Милосердие. 19. Гравитация. 21. Качели. 23. Ксения. 25. Брутто. 26. Рифмовка. 28. Енисейск. 30. Матрена. 31. Триглав.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Коврига. 2. Ипподром. 3. Бани. 4. Поле. 5. Строение. 6. Мегафон. 10. Скороговорка. 11. Деепричастие. 14. «Смехач». 15. «Дикари». 16. Чистик. 17. Ольхон. 19. Глинозем. 20. Ясенский. 22. Адмирал. 24. Изяслав. 27. Кран. 29. Нить.

С седой старины петушиные бои были популярны во многих странах. В России в тридцатые — сороковые годы прошлого века петушиный спорт был в самом расцвете. Слава о нем дошла до многих губерний, но прочнее всего закрепилась в селе Павлово (ныне это город), где разводили малайскую бойцовую породу. Птицеводы страны и ныне не дают увянуть бойцовским качествам этой породы, устраивая петушиные поединки.

В апреле этого года после длительного перерыва на весенней ярмарке ВДНХ СССР состоялся первый показательный турнир петушиных боев.

С. МИРОПОЛЬСКИЙ,
председатель президиума
Московского областного
общества
птицеводов-любителей

* * *

Обычно мы с радостью относимся к возобновлению тех или иных народных традиций. Но однозначного отношения к описанному выше ожидать не приходится — у петушиных боев много противников. Говорят, что петухи и без того дерутся между собой. Но речь идет о культивировании боев, как зрелища подчас кровавого и жестокого. К тому же известно, что в ряде цивилизованных стран отказываются от проведения подобных турниров. Поэтому, не делая выводов, все-таки не будем спешить с приветствиями. Традиция традиции рознь...

Фото Дмитрия ДЕБАБОВА

40 коп.
Индекс 70663

